

ЭМИЛЬ КОСТА

ХОРОШО
В ДЕРЕВНЕ

ЛЕТОМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Коста Э.

Хорошо в деревне летом

Приморский край, почти наши дни. Во время крещенских купаний жители деревни находят труп местного художника. Праздник испорчен, а милиция убеждена, что неудачливый служитель искусств покончил с собой. Однако видимых причин для этого нет: он был не стар, вполне доволен жизнью и полон творческих планов. Имел место несчастный случай? Или смерть художника оказалась кому-то выгодна? За расследование берется лучший друг погибшего, бывший моряк и молодой пенсионер Иван Ильич Осинников. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	31
Глава шестая	35
Глава седьмая	42
Глава восьмая	44
Глава девятая	51
Глава десятая	54
Глава одиннадцатая	57
Глава двенадцатая	63
Глава тринадцатая	71
Глава четырнадцатая	79
Глава пятнадцатая	84
Глава шестнадцатая	90
Глава семнадцатая	95
Глава восемнадцатая	101
Глава девятнадцатая	108
Глава двадцатая	114
Эпилог	119

Эмиль Коста
Хорошо в деревне летом

Посвящаю любимой малой Родине.

Глава первая

Девятнадцатого января двухтысячного года в селе Двупалое отмечали Крещение. Полторы сотни человек столпились на заснеженном берегу речушки, в широкой ее части, где летом устраивали лягушатник для мамаш с детьми. Сегодня тоже собрались купаться, но только самые отчаянные. Или – как их мысленно называл Иван Ильич – отмороженные.

В Двупалом мало старожилов. Объяснение тому самое заурядное: первые поселенцы на берегу уютной бухты появились менее ста лет назад, а их недалекие потомки долголетием не отличались. Мрет мужик в приморской деревне, а кто поживучее – в город норовит удрать.

Нет тут ни работы, ни развлечений. Всей экономики – один магазин, который держат Мурашovy. Всей культуры – бывший клуб, переоборудованный в церковь. На берегу сияет пластиковыми окнами новенькая база отдыха «Солнышко» – летом городские понаедут. Воздух здесь, конечно, и тайга, и море... но эти чудеса природы мало радуют, когда жрать нечего.

Неудивительно, что полдеревни завидует Ивану Ильичу. Дом у Осинниковых с удобствами, сам Ильич бывший моряк, да еще пенсию получает в пятьдесят пять. Последнее обстоятельство особенно не дает покоя местным. Обычному мужику надо конкретно просадить здоровье, чтобы в таком молодом возрасте уйти на заслуженный отдых – это значит либо пить не просыхая, либо серьезно покалечиться. А он всего-то четверть века оттрубил в плавсоставе. Курорт, можно сказать.

Светило солнце и холод стоял собачий – настоящий крещенский мороз. Пар от людского дыхания облаком колыхался над толпой. Кругом все белым-бело, ослепнуть можно. Только прямоугольник проруби чернел на ледяном полотне: вода плескалась, текла неторопливо, манила к себе. И никто почему-то не спешил нырять.

А разговоров-то было!

Иван Ильич, убежденный атеист, еще накануне чуть не поспорил с лучшим другом из-за этой проруби. Василий целую неделю ее мастерил не разгибаясь. Море, между прочим, вообще не замерзает, но кто-то из старух сказал, что надо обязательно в реку – вот и заморочился.

Отыскать в толпе Василия почему-то не получилось, зато Иван Ильич увидел среди мужиков его старшего брата. Петр Бондарь в деревню приехал, надо же! Обычно летом на пару дней появляется, все времени нет. Еще бы: большой человек, в городе живет, младшему рублем помогает.

А Васька заперся небось с утра да рисует очередной шедевр... Или просто застеснялся.

Кивнув Петру, Иван Ильич с любопытством уставился на стоящего рядом с ним Шерифа. Участковый Назаренко жевал потухшую мальборину. Плеваться ему не по чину, а руки вынимать из карманов – холодно. Привычка не выпускать сигарету изо рта, из-за которой милиционер и получил экзотическое прозвище, водилась за ним давно – еще с той поры, когда на месте буржуйской сигареты был отечественный «Беломор».

Что Шериф вообще забыл на этом празднике жизни, в тридцати километрах от родного райцентра? Крышевать тут некого и не от кого: одна база отдыха на берегу, и та только к лету заработает, если не сожгут. Друзей и родственников Назаренко в деревне не имеет. В чем же дело? Беспорядков ждут, что ли? Да кому тут барагозить? Разве что священник психанет.

Отец Геннадий возвышался над толпой, хмуро дыша в бороду: он эту затею с купанием с самого начала не одобрил. Однако ж пришел, освятил воду, уважил, можно сказать, паству – а она вон что!

Пара Мурашовых топталась у края проруби на мостках. От вида Кузьминичны в купальнике становилось не по себе даже бывалым мужикам, а уж малолетки вовсе не знали, куда

девать глаза. Не баба – сила! Даром что на пенсию в этом году выходит. Однако ж и она не решалась на первый шаг в воду. Остальные купальщики в ватниках и пуховиках на полуголоое тело стояли поодаль, ждали.

Зоя Ивановна, тетка Ивана Ильича, прятала улыбку в меховой воротничок пальто. Ей не до ныряний, но пропустить культурное мероприятие главному интеллигенту деревни никак нельзя. И племянника с собой обязательно надо прихватить, а то что люди скажут?

Люди между тем безмолвствовали и вообще не обращали внимания на представителей сельской элиты. Тишину над толпой нарушало только вкрадчивое позвякивание стеклотары – кто-то уже начал отмечать. Ивану Ильичу, конечно, не предложили.

Он поежился и сделал робкий шаг назад – к здоровенному костру, пылающему посреди поляны на берегу. Теткин обжигающий взгляд тут же отбил всякое желание погреться.

Наконец Кузьминична размашисто перекрестилась и шагнула вперед. По-мышьиному пискнула, когда воды сомкнулись вокруг могучих бедер, но мужественно пошла дальше, на глубину. Летом здесь по грудь, а сейчас – кто проверял?

Остальные купальщики тоже воспряли духом и полезли в воду. Помельче, по шажочку, по коленку – но лезли.

– У-уух! – Кузьминична рассекла пудовым бюстом водную гладь, мощным гребком бросила тело вперед.

Волны плеснули на края проруби, все вспенилось, вспузырилось – и на поверхность буйком выскочил еще один купальщик. Он не мерз, не баламутил воду руками и ногами, вообще не двигался, только глядел перед собой широко раскрытыми бледными глазами.

И ведь прямо перед бабой вынырнул, будто предупреждает: вот, мол, глубоко тут, поворачивай!

Она с разгону едва не поцеловалась с утопленником, но тут же замолотила руками по воде, закипятила реку еще пуще, заголосила:

– Бля... бль... блюди! Васька убился!

Наверняка хотела по матушке, да ведь святой праздник и народ кругом...

– Утопился! – вопила Кузьминична, отступая к спасительным мосткам.

Там уже суетились другие купальщики – скользя, спотыкаясь и сбивая коленки, спешили прочь из воды. У края проруби подпрыгивал от возбуждения Кешка Мурашов с большущим полотенцем в руках. Общими усилиями бабу вытащили из ледяной воды на мороз, отчего она разоралась еще громче.

Утопленник, оставшись в одиночестве, прислонился к краю проруби, будто хотел отдохнуть. Вид у него и вправду был усталый.

– Ну-ну, Лизонька, хватит, – Кешка с внезапной нежностью укутал жену в полотенце, натянул ей на ноги растоптанные боты и повел подалее от места трагедии, к костру. Остальные купальщики, крестясь и перешептываясь, тоже потянулись в тепло; у проруби остались самые стойкие селяне и Шериф. В суете он куда-то незаметно задевал окурок. Руки по-прежнему держал в карманах.

– Потерпевший ругался с кем-нибудь последнее время? – участковый обвел подозрительным взглядом присутствующих.

– Вроде нет.

– Все хорошо у него было, – выдавил Иван Ильич. – Мы вчера виделись. Вел себя спокойно, вечером сюда собирался, работу заканчивать.

– Суицид, значит, – констатировал Шериф. – Надо извлечь тело из воды.

– Тебе надо – ты и извлекай, – сострил кто-то из толпы.

Даже Петр стоял на месте с видом оглушенной рыбы. «Да идите вы!» – мысленно сказал Иван Ильич и первым шагнул к проруби.

Он ухватился за мокрый и уже вставший от мороза колом воротник свитера, одним рывком вытащил утопленника из воды и уложил на лед. Все это – молча, стараясь не смотреть в глаза тому, что еще вчера было Василием. Кто-то тут же прикрыл тело одеялом. Иван Ильич развернулся и пошел было к костру, да Петр тронул за плечо:

– Спасибо, Вань.

«И ты иди!» – чуть было не ответил он. Но вовремя опомнился.

Шериф засунул руки поглубже в карманы и заявил:

– Скорую за телом пришло из райцентра, но это не раньше, чем к вечеру.

– Как это – не раньше? Что ж он, тут будет лежать? – возмутился Иван Ильич.

– Зачем тут? Можно в сарайку какую перетащить – дай мужикам на бутылку и дело с концом. Не на своей же машине мне его везти!

– На моей можно, – сурово ответил Петр. – Сейчас подгоню и кому надо на бутылку дам.

Иван Ильич мотнул головой и сказал:

– Никому не надо. Так поможем, не чужие.

Петр зашагал в сторону хутора, где жили Мурашovy и Бондари. Все мигом утратили интерес к происходящему и двинулись к костру. Иван Ильич тоже отошел погреться, оставив Василия в одиночестве на краю проруби.

Кузьминична, вытирая слезы – или речную воду – со щек, рассказывала односельчанам подробности встречи с покойником:

– Я, стал быть, гребу, а он как выскочит – и прям в глаза так: зырк! Думала, сама помру там же. Ну, Васька, ну, учудил! Сам ведь прорубь мастрячил, а оно вон зачем...

– Сам себе могилу... прорубил, – изрек Мурашов, затягиваясь папироской.

Жена в сердцах замахнулась на него.

– Поостри мне тут! Людей бы постыдился...

– Ну, будет тебе, Лиза, – примирительно сказала тетя Зоя, по старой памяти называвшая прежних учеников по именам. – Не время ссориться: человек погиб.

– Хороший человек, – добавил Иван Ильич.

– Дрянь, – обронил Мурашов.

Едва не уронив полотенце, Кузьминична отвесила мужу воспитательную затрещину. Тот с философским выражением лица оглядел дымящийся на снегу окурочок и снова полез в карман за папиросами. Кузьминична же, возмущенная непробиваемостью супруга, добавила:

– Кому сказано: закрой поддувало! Хоть бы и дрянь – не тебе судить, алкаш проклятый.

Эти слова по-настоящему задели мужика. Мальчишки часто дразнились «Мураш-алкаш», но чтобы родная жена... И ведь пил не больше остальных, просто у него как-то веселее выходило. Между тем Кузьминична под укоряющим взглядом старой учительницы вновь присмирела и натянула полотенце на полные плечи.

– Стало быть, ты его последним видел? – спросил Назаренко Ивана Ильича.

– Наверное.

Мураш даже возмутился:

– Ну, щас! Ты днем на хуторе был, а я Ваську видал вечером.

– Оба мы видали, – кивнула Кузьминична. – Часов в пять он на реку пошел, верно, Кеш?

Тот покачал головой и важно ответил:

– После шести дело было. Стемнело почти. Домой Васька возвращался, еще в руках чего-то нес – инструменты, наверно...

– Это как же так? – удивился Иван Ильич. – Что ж он, вернулся, а потом по темноте топиться пошел?

– Тогда уж до утра бы обождал, – нерешительно предположила Кузьминична.

– Наверняка утром и утопился.

Шериф, поняв, что от служебных обязанностей сегодня увильнуть не удастся, зашагал в сторону деревни. Следом отправились остальные.

Кузьминична кое-как натянула рейтузы, кофту и, накинув шубу на плечи, вместе с мужем пошла по дороге на хутор. Иван Ильич в одиночестве остался ждать у костра. Он успел пожалеть о собственной самонадеянности: второй раз сил, чтобы поднять Ваську, ему может и не хватить. Немолодой уже.

Через четверть часа со стороны хутора подъехал тонированный крузак, заднее сиденье которого накрывали старые простыни.

– Вода ведь, а мне машину продавать скоро, – непонятно кому объяснил Петр, когда тело уложили на отведенное место. – Садись, Вань, тоже. До дома довезу.

– Ты в райцентр – и назад? – спросил Иван Ильич, когда машина свернула к деревне.

Петр мотнул головой.

– В город поеду. Похороны надо устраивать, с батюшкой договориться.

– Вы... повидались хоть?

– Не случилось, – после паузы ответил Петр.

– А приехал-то когда?

– Часа два назад.

– И не побоялся зимой до нас добираться?

– Чего тут бояться? Машина проходная, на перевале чисто.

– Сдувает...

– Ага.

О чем вообще должны разговаривать брат умершего и его лучший друг, которые за всю жизнь двумя словами не перекинулись? На счастье впереди показался кирпичный барак, в котором жили Зоя Ивановна с племянником. Крузак остановился у крыльца. Иван Ильич пожал Петру руку и вылез из машины.

Не умел он вести светские беседы. Жизнь не научила. Кивнули головой при встрече да на прощание – и ладно.

В бывшем общежитии, где живут Осинниковы, одна общая кухня, ванная и всего три комнаты. Первую занимает тетка, вторую Иван Ильич, а в последнюю недавно въехал священник: куда городскому человеку без удобств? А тут удобства есть, сохранились с прежних времен, когда в деревне рыболовецкий совхоз да консервный заводик работали и молодежь сюда ехала. Даже отопление раньше было, но в перестройку все полопалось. Пришлось печки ставить. Тетке так даже больше нравится, а то как будто и не в деревне живешь.

Таких общаг было всего пять, их для семейных строили в конце семидесятых. Две давно сгорели, другие две спились. Эта – самая приличная. Тетке сразу дали комнату, и Иван Ильич после развода здесь бывал регулярно. Городскую-то квартиру жене оставил, но жил все больше по гостиницам, между рейсами. Сюда приезжал изредка: в гости, да подремонтировать что-нибудь. Чего-нибудь всегда хватало.

Иван Ильич повесил куртку на крючок, между теткинским пальтишком и допотопной шинелью отца Геннадия, потом переобулся в холодные тапки и потопал к своей двери. У попа вроде тихо, а в теткиной комнате голоса. Он с минуту подумал, потом замерз и решительно постучал.

– Заходи, Ваня.

Тетя Зоя всегда знала, кто стоит за дверью. В школе, объясняла она, каждый опоздавший стучал по-своему. Вся ее жизнь прошла в окружении одних и тех же людей: бывших учеников и их родителей, а после – детей и даже внуков. И не такому научишься.

За круглым, крытым белоснежной скатертью, столом сидели хозяйка и отец Геннадий. Молодой поп при виде соседа нахмурился, уставился в чашку с остывшим чаем. У них с Ива-

ном Ильичом как-то сразу не заладилось. Живут через стенку, вместе чистят снег, рубят дрова по очереди, а при встрече нос воротят.

Священник кое-как подружился лишь с тетей Зоей. Верующих в деревне мало. В основном – старухи, которых по умолчанию много не бывает. Тетка в их число не входила, но ценила соседство с культурным человеком.

– Садись, чайком согрейся, – Зоя Ивановна уже поставила на стол третью чашку и указала племяннику на свободный стул. – И сладенького возьми. Сегодня ватрушки с творогом по новому рецепту.

Он сел и потянулся к блюду с выпечкой. Тетя Зоя увлеклась кулинарией после окончательного выхода на пенсию. Каждый день что-то изобретала из того куцега ассортимента, что предлагали в местной лавке. Денег от племянника брать не хотела, но продукты принимала. Иван Ильич после переезда в деревню увлекся рыбалкой и сбором дикоросов, к чему даже в детстве душа не лежала. Курятник сколотил, завел птичек – интеллигенции по статусу такое не положено, а ему можно. В общем, последние два года тетка готовила много и разнообразно.

– Увезли Васю?

– Увез Петр.

Иван Ильич отложил ватрушку на блюде. Домашний творог имел крепкий силосный дух, перебивающий жиденькую китайскую корицу. Есть невозможно, но расстраивать тетку не хочется. Сама наверняка не пробовала – за весом следит.

– Хоронить когда будут, сказал?

– Пока нет. В городе. С батюшкой тамошним договариваться собрался.

– О чем это? – поднял голову отец Геннадий.

– Ну как это по-вашему называется... отпевание, кажется?

Поп отодвинул чашку и встал, едва не задев люстру головой.

– Совсем сдурели! То купания эти, то самоубийц отпевать собираются! Где он? Я все растолкую.

– Уехал уже, – поспешно ответил Иван Ильич.

Характер нового батюшки бывал горяч. Немногочисленных прихожан он нещадно стыдил и корил на проповедях. Сам жил скромно, пост держал строго, по утрам растирался снегом, а с мая по октябрь купался в море, которое у здешних берегов прогревалось едва до восемнадцати градусов. Если такой человек станет учить Петра, как ему правильно брата хоронить, добром это не кончится.

– Это ничего, что уехал. Телефон у него есть? – высоченная фигура в черном грозно нависла над Иваном Ильичом.

– Да кто его знает...

Поп шумно выдохнул, поблагодарил хозяйку и ушел к себе.

– И не стыдно врать-то? – поддела племянника тетя Зоя.

– Не на исповеди, – он машинально откусил от ватрушки здоровенный кусок. Сухой пахучий творог комом встал в горле, но отступить было некуда.

– В чем-то ты прав, конечно: все эти обряды – для живых. Пусть Петя хоронит, как ему кажется правильным.

Она поднялась, чтобы убрать со стола. Иван Ильич мужественно двигал челюстями, обдумывая первую за день дельную мысль, которая до сих пор почему-то не приходила ему в голову.

– Тёть Зой, а ты когда-нибудь думала, что Васька так поступит?

– Никогда, – качнула она головой. – Талант у него с детства был; жаль, не сложилось что-то, но ведь он не опустил, продолжал рисовать – а для этого силу надо внутри иметь. Мне кажется, додуматься до дурного Вася мог только с пьяных глаз – в этом состоянии из человека вся дрянь наружу лезет.

Под печальным взглядом тетки Ивану Ильичу стало не по себе. Вспомнилась припрятанная в шкафу чекушка. А кто не пьет-то? Что еще в деревне зимой делать? Такие заплывы не каждый день устраивают.

Глава вторая

Он проснулся, потому что тетя Зоя гремела посудой на кухне. Должно быть, готовит завтрак. Или обед. На пенсии Иван Ильич совсем отвык смотреть на часы и попросту не имел их. Чтобы узнать время, использовал примитивную дедукцию: подошел к умывальнику и взглянул в зеркало. Легкая краснота глаз, волосы всклокочены с одной стороны и примяты с другой, на колючей щеке исчезающий след наволочки – так он обычно выглядит к одиннадцати.

Иван Ильич потрогал заднюю стенку кухонной печи, обогревавшую его спальню – топили часа четыре назад. Отец Геннадий разжигает огонь рано, перед тем как уйти в свою часовню. В комнате у тетки своя печь, которая отапливает еще и комнату священника. Так себе отапливает... еле бздит. Впрочем, батюшка не жалуется.

Стало быть, время ближе к обеду, а вообще ни туда, ни сюда. Суп варить еще рано, наверняка тетя Зоя затеяла новые плюшки.

Отражение удовлетворенно кивнуло: дедуктивный метод и знание человеческой природы никогда не подводят. Между тем Иван Ильич отражением удовлетворен не был и потянулся за электробритвой. Пока при памяти, ходить неряхой он не будет.

Умывальники стоят в каждой комнате. Даже при наличии ванной это удобно: можно привести себя в порядок, едва встав с постели. Иван Ильич закончил бритье, ополоснулся прохладной водой, и лицо в зеркале обрело человеческий вид. Не скажешь, что пил! Настоящий молодой пенсионер.

Молодой пенсионер – так его называют бюрократы и завистники. Хотя чему тут завидовать? Четверть века пахал как папа Карло, берега месяцами не видел, поляркой не брезговал, лишь бы заработать побольше. Семье, даже бывшей, есть было нужно, ну и тетке помогал.

На заслуженный отдых его оформили в девяносто восьмом. Напоследок сходил наконец в Японию, удачно продал свою первую «Тойоту» и с кучей долларов приехал к тетке. С тех пор среди местных он слывет богачом, хотя от валюты мало что осталось – почти все на ремонт ушло, что-то дочке на свадьбу подкинул да старенькую «Ниву» прикупил. В деревне без машины никуда.

Через десять минут причесанный и одетый в домашние брюки с рубашкой Иван Ильич вошел на кухню. Большую часть времени простоял у двери своей спальни, прислушиваясь, когда тетка уйдет к себе. По утрам он вялый и сонный, а столкнуться с такой энергичной особой, как Зоя Ивановна, не выпив кофе – это чересчур.

Часы в простенке между окнами показывали одиннадцать двадцать четыре. Печка давно прогорела, кофе не сварить. И электрическую плитку не включить – в духовке уже что-то подозрительно румянится, и проводка нагрузки не выдержит. Кто поздно встает, тому кипяток из термоса и растворимая бурда.

В холодильнике нашелся сыр, в шкафчике лежал подсохший кирпичик хлеба. Иван Ильич соорудил на блюде бутерброд, заварил кофе и уселся к небольшому столу. У себя он не ел никогда: от крошек уборки невпроворот. Завтракал на кухне, а обедал и ужинал в теткиной комнате. Иногда она приглашала отца Геннадия, но в такие дни племянник старался вовсе смыться из дома. Обычно – к Василию.

В коридоре хлопнула дверь, и вошла Зоя Ивановна.

– С добрым утром, Ваня, – она приоткрыла дверцу духовки, принялась к чему-то. – Сегодня тот же рецепт, только не с корицей... Хлеб-то совсем засох.

– После завтрака схожу.

– Как спалось?

– Хорошо, спасибо. Засиделся вчера, конечно...

– День-то тяжелый был, – понимающе кивнула тетя.

Однако тревожный взгляд выдавал ее истинные мысли. Иван Ильич опустил глаза и принялся с удвоенным усердием жевать бутерброд. Зоя Ивановна уселась напротив и наклонилась к нему.

– Ты не пил бы лучше.

– Тётъ Зой! – он отодвинул чашку. – Только не начинай, а!

– Конечно, с Васей вы посидеть любили и меру всегда знали, но только одному не надо, пожалуйста.

– Да с чего ты взяла вообще?

– С чего? – она с усмешкой вскинула аккуратно выщипанные брови. – Ты сейчас не прямо в кухню пошел из комнаты, а сперва к вешалке свернул. Уши-то у меня на месте. Стало быть, прятал что-то. А что ты от меня в пятьдесят с лишним можешь прятать, если не бутылку?

Иван Ильич почувствовал, как пылают его уши.

– Тоже мне, мисс Марпл, – выдавил он. – Почему бутылка-то сразу? Почему не любовное письмо или контрабандные наркотики?

– По кочану... Скучновато живешь для этого. Не пей один, Вань.

– Я больше не буду.

Зоя Ивановна чмокнула покорного племянника в макушку и вышла. Из духовки потянуло ванилью и подогретым силосом, причем последний аромат явно побеждал. Иван Ильич быстрее закончил завтрак и отправился в магазин.

Лавка Мурашовых располагалась в центре деревни, выше по склону. Кузьминична вела учет, принимала и отпускала товары, ругалась с должниками и договаривалась с ревизорами. Ее супруг тащил на себе все остальное.

Стены магазина были выкрашены остатками охры, растащенной местными с закрытого после перестройки консервного заводика. Зачем на пищевом производстве понадобилось столько краски, осталось неизвестным: последний директор успел приватизировать бизнес и тут же уехал во Владивосток, где благополучно исчез.

На крыльце магазина примостился с папиросой Иннокентий Мурашов.

– Доброго денечка, – Иван Ильич обменялся рукопожатиями с хозяином. – А меня вот тетка за хлебом послала. В тот раз не было. Свеженького не завозили?

– Этот завезет, – протянул с ненавистью Иннокентий.

В начале девяностых, когда Мурашovy только начинали предпринимательскую деятельность, он сам ездил закупаться в райцентр, а то и во Владивосток. Но постепенно на большой земле самоорганизовался крупный бизнес, оптовики назначили своих экспедиторов, и деревенским лавочникам осталось только сбывать товар. Из серьезного бизнесмена мужик превратился в не пойми что при магазине. И заскучал. И запил.

Своего «заместителя» – молодого водилу из райцентра – Мураш считал заклятым врагом, хотя тот едва ли догадывался, какие страсти по нему кипят в самой отдаленной из приморских деревушек.

– Жаль. Дома уже шаром покати.

– Логистика, – задумчиво пробормотал Иннокентий, затянувшись папиросой. – Попробуй у Лизки спросить – может, чего и заныкала.

Иван Ильич зашел в магазин, прикрыл за собой дверь и, никого не увидев, на всякий случай все же сказал:

– Здорово, Кузьминична. Что с хлебушком?

– Прошлогдний, – прогудела хозяйка из-под прилавка.

Эту шутку она вполне серьезно повторяла перед покупателями третью неделю. Одиозный районный экспедитор до сих пор не вышел из новогоднего пике. Ассортимент не обновлялся с конца девяносто девятого. Обычное дело на праздниках.

В этом году Кузьминична могла выдать что-нибудь поостроумнее, вроде «миллениальный», но она не стремилась никого впечатлить. Кому надо, возьмет и черствый хлеб, а кто брезгует – пусть дома печет. Благо народ в приморских деревнях пуганый и потому запасливый.

– Жаль. Ну, давай один, помягче. И «Студеного» бутылочку... – он положил сотню на прилавок и, пока хозяйка отсчитывала сдачу, спросил: – А вы как? В себя пришли?

Рука Кузьминичны дрогнула, рассыпав немного мелочи – признак высшей степени волнения.

– Придешь тут в себя, всю ночь снился, зараза. Как живой! И ведь накануне только его видела, – пробормотала она. – В магазине, да еще в окошко, когда ужин грела.

– На реку шел, что ли? – насторожился Иван Ильич.

– Ну, да, – Кузьминична подвинула покупки к краю прилавка и спросила: – А Зоя Ивановна что, не печет разве?

– Все больше сдобу, за хлеб не берется... Когда ж этот гад просохнет-то?

– Собиралась Назаренку на него натравить – склад-то уже пустой, считай. Вот и пригласила вчера, а тут вон что. И поговорить не успели.

– Да, кто б мог подумать. Слушай, – вспомнил вдруг Иван Ильич, – а Петр вчера заходил домой вообще?

– Вроде нет. Он только машину забрал, а потом уж сразу в райцентр поехал.

– Я, наверно, схожу. Погляжу, чего там как, дом проверю – зима все-таки.

– Верно, – одобрила Кузьминична.

– Успешно? – осведомился Мураш, когда Иван Ильич вышел на крыльцо.

– Порожняк.

– Ну, чем богаты... На неделе, может быть.

– В другой раз счастья попытаю, – Иван Ильич оглядел сверху деревню и бухту. – Вид у вас отсюда царский, прямо скажем. Не магазин, а ресторан бы строить.

– Может, и построим. Лизка совсем взбесилась. Загорелась этим ту... турбизнесом. Летом, говорит, домики для городских сколотишь. Будто у меня других дел летом нет! И так в огороде пашу не разгибаясь. А грибы! А рыбалка! Корова еще эта... Жить-то когда?

– Домики, говоришь... Смотри, городские конкуренцию не любят.

– Да хрен бы с ними, – Мураш в сердцах сплюнул на снег. – Все одно эту базу первой же цунамой смоем.

Последняя «цунама» в Двупалом была в восемьдесят шестом и облизнула лишь территорию завода. Новые домики стояли как раз на этом месте, так что он мог оказаться прав.

Иван Ильич постоял для приличия еще немного на крыльце, пожал руку Кешке и неспешно зашагал вниз. Единственная улица спускалась прямо к морскому берегу. Посреди бухты из незамерзающей даже в самую лютую зиму воды выглядывала небольшая двуглавая скала. Два пальца. Мальчишкой он там не раз рыбачил.

Места здесь, конечно, живописные. Не только художник оценит. Теперь правую часть пейзажа безнадежно портит новая база отдыха, выстроенная в начале осени какими-то неразговорчивыми парнями. Поговаривали, что здесь замешан тот самый директор рыбзавода. Вообще много чего поговаривали, но Иван Ильич не доверял слухам.

Дома Бондарей и Мурашовых – первые на въезде в деревню. Почти одинаковые пятистенки, только один обнесен высоким сплошным забором, а другой окружает жиденький штакетник. От них до начала улицы метров полтора вдоль берега. На отшибе стоят – потому и хутор.

Мурашовский дом расположен на перекрестке: посередине основная дорога, влево к реке уходит раздолбанная колея, а справа ровный, отсыпанный щебнем подъезд к базе отдыха.

Иван Ильич недобро покосился на двухметровый забор из рабицы. База была для местных бельмом на глазу. Вообще построено хорошо, новенькие домики из кругляка – это даже

красиво, но какое-то все нездешнее. И вывеска «Солнышко» перед воротами казалась настоящим издевательством над вымирающей деревней.

Он подошел к высокому забору Бондарей. Калитка оказалась незапертой. Петр уезжал впопыхах, мог и дом не закрыть. Иван Ильич пересек двор, дернул за ручку дверь – не поддавалась. Он хмыкнул и направился к ближайшему сараю, где с давних времен хранили запасные ключи.

Связка висела не приметном гвоздике над старым верстаком. На самом верстаке сиротливо валялись инструменты: пила, молоток, топор, которым Василий рубил лед на реке. Лезвие совсем затупилось. Иван Ильич вернулся к дому и вставил потертый ключ в замок.

Об ногу потерлось что-то теплое. Он вскрикнул от неожиданности, но, взглянув вниз, узнал Васиного кота. Тот жалобно щурил на солнце глаза и еле слышно мяукал – совсем, бедолага, ослаб за сутки на улице.

– Кешка... Ах ты, дурилка картонная!

Вошли вместе. На веранде Кешка приплясывал от нетерпения, а на кухне сразу метнулся в свой угол, где стояли миски с кормом и водой. Ничего замерзнуть не успело, хотя холод уже начинал окутывать дом своими щупальцами. Иван Ильич положил авоську на стол и принялся растапливать печь.

Сухие дрова занялись быстро, в топке заплясало пламя. Уже через несколько минут на кухне стало теплее. Здесь царил обычный «живой» беспорядок, будто хозяин на минутку выскочил. Чайная кружка с остатками заварки, хлебные крошки на клеенке... Иван Ильич подавил вздох и прошел в комнату.

Петр забрал родителей в город лет десять тому назад, тогда Василий и превратил половину дома в художественную мастерскую. Жил фактически на кухне, а здесь только работал и спал на стареньком диванчике. По периметру комнаты стояли картины – десятки картин на подрамниках – и все лицом к стене.

– Мяу!

Кеша сидел на пороге комнаты и с некошачьей грустью глядел на Ивана Ильича.

– Хозяин-то тебя, выходит, подвел. Все думают, это он сам, значит... Плохо ему, стало быть, жилось, что аж умереть захотелось. А я вот не замечал ничего, – Иван Ильич присел на корточки и неумело почесал коту за ухом. – Ну да, пил. А кто в деревне не пьет? Скучно же! Он зато рисовал много, ни дня не пропускал – до запоев ли тут? Я вот тоже развлекаюсь, читать люблю, а Кешка Мурашов, тезка твой, до последнего класса – по слогам. А потом обижается, как его пацаны прозвали. А чего обижаться на правду? Но Василию до такого далеко было...

Тетя Зоя верно подметила: он и в безвестности не унывал, рисовал и рисовал. Каждый день. Самые лучшие работы отправлял с братом в город, там они понемногу продавались. Какая-никакая а копеечка. Сейчас мольберт пустовал – значит, и последнюю картину художник закончил. Иван Ильич постоял еще минуту посреди мастерской, а потом принялся за работу.

Через два часа дом был готов к зимовке. Он перемыл всю посуду, повыливал воду, которой хозяин натаскал с запасом, собрал все важные документы. В деревне народ хороший, но пустое жилье всегда дурное притягивает.

Все, что весной превратилось бы в гниющую мерзость, Иван Ильич распихал по пакетам и вынес к калитке – позже подъедет и отвезет на мусорку. Особого порядка не добивался: Василий в целом жил аккуратно, но не будет в опустевшем доме уюта, как ни бейся.

Покончив с делами, он уселся на табуретку посреди кухни и открыл свое пиво. Вспомнив теткин наказ, предложил коту:

– Будешь?

Понюхав горлышко бутылки, Кешка мяукнул что-то невразумительное. Иван Ильич пожал плечами и угостился сам, после чего задал собутыльнику второй насущный вопрос:

– Чего ж с тобой делать-то?

Выгонять на улицу нельзя – пропадет. Василий зверя избаловал: держал в доме, завел лоток и кормил на совесть – вон, морду какую отъел! Наружу-то выходил только погулять да отработать перед природой должок за выданную для чего-то шикарную шубу. Кот, конечно, загляденье: хвост трубой, шерсть сияет, глазищи изумрудные прямо в душу глядят. И воспитанный, что в деревне вообще редкость.

Тетке предложить? Себе взять? Иван Ильич покачал головой – только зверей в доме не хватало. Еще неизвестно, как к хвостатым отец Геннадий относится. Добрососедские отношения и без того не складываются, а тут кто-то еще углы метить начнет... Нет уж, пусть законному наследнику достается.

Он потянулся за курткой, пошарил во внутреннем кармане и выудил маленькую записную книжку. Городской номер Петра там был. На всякий случай.

Вернув на место ключи от дома, Иван Ильич пошел звонить. Телефон-автомат висел на стене бывшего дома культуры. Культуры в деревне давно не было, но аппарат работал исправно и даже служил неким символом народного единства. Прямо к рычагу был подвешен на леске жетон для многократного использования.

Можно было запросто оборвать леску и стать единоличным владельцем жетона, но он почему-то неизменно оказывался на своем месте. Какие бы волчьи рожи не строили друг другу односельчане, в душе они оставались приличными людьми. По крайней мере, Ивану Ильичу в это очень хотелось верить.

– Алло? Петя, это Иван. И-ван! Из деревни, вчера распрощались... Я нынче заходил к вам, дом прибрал. Воду повыливал, продукты выкинул, отключил все... да не за что, ты чего! Тут такое дело: кот у Василия остался. Домашний... Нельзя его на улицу, пропадет!.. Да кому он тут нужен?.. Я с теткой поговорю, конечно, но сомневаюсь...

– Мне этот кот тоже незачем, – знакомый голос в телефонной трубке звучал как совсем незнакомый. – У нас и так собак полный дом.

– Ну, нельзя так, Петя! Живая тварь ведь... В общем, покормил я его и в доме оставил, натоплено там...

– Тебе охота – топи и корми, – сухо буркнула трубка. – Дом все одно на продажу пойдет, а до весны пусть живет. А ты как внутрь попал-то?

– Так запасные ключи ж в сарае. А дом... неужто продашь?

Иван Ильич не смог сдержать удивления. Многие уезжали из деревни, но старые связи так просто не оборвешь. На Дальнем Востоке триста километров – не расстояние; семейные гнезда потихоньку превращались в дачи. Совсем заброшенными становились только те, чьи хозяева умерли, а наследники уехали на запад. Оттуда возврата нет. Но Петя-то здешний, владивостокский!

– Людмила деревню не любит, – ответил предатель малой родины. – Да и мне там теперь мало радости. Продам... У тебя все? Мне еще насчет банкета договориться надо...

– Даже банкет будет?

– А... ну, ты приезжай, – предложила трубка довольно фальшиво, потом посопела и добавила уже вполне человеческим голосом: – Ей-богу, Ваня. Вы с Васькой столько лет дружили, приезжай.

– Когда?

– Завтра в полдень, сперва у меня панихида. Адрес помнишь?

– Помню. Буду.

Он повесил трубку и пошел домой. У Петра Иван Ильич побывал однажды, передал какой-то гостинец от Василия родителям. Лет восемь тому...

К обеду он опоздал. Тетка оставила на плите кастрюлю с гречневый супом. Иван Ильич поднял крышку, поморщился от запаха, но тарелку все-таки наполнил. Не голодным же ходить!

Потом отрезал себе хлеба, нещадно крошащегося под ножом, выложив его на блюдце аккуратной стопкой, заварил чай кипятком из термоса и с обедом на подносе пошел в теткину комнату.

– Теть Зой, ты как к котам относишься?

– Вороватых не люблю, – она оторвалась от детектива в мягкой обложке и сдвинула очки на лоб. – Не притащил, надеюсь?

– Пока нет, – он поставил поднос на стол. – Но придется, скорей всего. У Васьки остался...

– Час от часу не легче. Может, Петя заберет?

– Звонил ему – говорит, не нужен. И дом будет продавать весной.

– Ничего себе новости! – тетка даже книгу отложила. – Уезжать, что ли, собрались?

– Нет, просто ни к чему, говорит, – расставив посуду на столе, Иван Ильич убрал поднос и уселся. – На похороны позвал. Завтра с утра отправляюсь. Надо нам в городе чего-нибудь?

– Да вроде нет, хотя... хорошей корицы поищи, моя что-то совсем выдохлась. Творог у Мурашовых сейчас копеечный, а до чего замечательно в выпечку идет. Сейчас тебе сладенького к чаю принесу. Не волнуйся, в дорогу еще сделаю...

Тетка вышла из комнаты. Племянник только вздохнул.

Зое Ивановне скоро семьдесят. Когда отец Ивана Ильича, владивостокский таксист, уходил на фронт, она заканчивала десятилетку – каждый день моталась в райцентр на попутках, а то и пешком. Вскоре пришла «похоронка», а она уехала в пединститут, после которого сама попросилась в родную деревню.

Думала, что это ненадолго. В городе у нее был жених. Думала, если любит, приедет. Не приехал. Зато появилась невестка с пятилетним племянником и объяснила: у меня новый муж и новая жизнь. Хочешь – бери, не хочешь – в детдом пойдет. Взяла.

Глава третья

Иван Ильич решил ехать на машине до райцентра, а там пересесть на автобус. Зимой это был самый удобный и безопасный маршрут: петляющие между сопки дороги покрывали снежные заносы, и на перевалах его «старушка» стонала, как с похмелья. К тому же рулить по городу он с восьмидесятых не пытался. Столько лет прожил с владивостокской пропиской, но так и не привык к своеобразной планировке города и хамоватой манере вождения, характерной для местных. Жаль, конечно: на своих колесах за три часа можно добраться до города, а на автобусе – все пять тащиться.

Проснувшись до рассвета, он быстро оделся. Теткиных ватрушек совсем не хотелось, поэтому спешил. Завтракать не стал, чтоб не столкнуться с отцом Геннадием: молодой священник встал спозаранку и пил на кухне какой-то вонючий растительный отвар перед тем как уйти в свою часовню. Иван Ильич мышкой прошмыгнул по коридору, в полумраке натянул боты, запахнул куртку и выскочил на крыльцо.

Сам он в часовне ни разу не был, но слышал, что стараниями Василия она выглядела вполне прилично. Стены внутри украшены сценами из Библии, а на крыше приладили православный крест. Позолоченный, на закате блестит – глазам больно. Почти так же больно, как смотреть на здорового мужика в платье...

Машина стояла в большом сарае. Сегодня завелась на удивление быстро. Иван Ильич вырулил на пустую дорогу, запер ворота и некоторое время курил снаружи, прислушиваясь к кашлянию мотора. Сама мысль о возвращении в ледяной салон была мучительной, но до первого автобуса оставалось меньше часа, а как оно придется в дороге – неизвестно. Он выбросил окурок и нырнул в холодные объятия сидения, словно в прорубь.

За окном замелькали серые штакетины заборов. Деревня спала, только редкие старушки копошились во дворах возле дровников. Вот позади остался дом Бондарей, и дорога нырнула в заснеженный лес. Деревья подступали к самой обочине, сосны тянули к машине свои лапы из сумрака...

Иван Ильич включил приемник, чтобы ехать веселее. Здесь ловились только центральные станции и Китай – сейчас последний явно выигрывал. Лучше уж слушать песни на непонятном языке, чем передачи для московских полуночников. Он не прогадал: музыка оказалась заводная, а бойкая ведущая острела и смеялась над собственными шутками. Время в пути до райцентра пролетело почти незаметно.

Улицы стояли пустые. Сонный ПГТ встретил раннего визитера равнодушно. Визитер оставил машину на стоянке возле мэрии – там хоть не разуют – и бодро зашагал к автовокзалу.

– Доброе утро, – сказал Иван Ильич немолодой кассирше в пуховике, едва открывшей свою амбразуру. – Мне до города, пожалуйста.

– Водитель уже отметился, – глухо ответила женщина, протягивая ему билет. – Можете сразу садиться. А то задубнете.

Автобус действительно стоял под парами с обратной стороны вокзала. Иван Ильич показал билет нахохлившемуся водителю, в пустом салоне занял лучшее место – над печкой – и устался в окно. Утренний сумрак понемногу рассеивался, снег уже отливал белым вместо серого, а вершины сопки порозовели. Еще четверть часа – и встанет над краем желтое солнце. Всех задубевших пригреет.

Сколько раз он пытался уехать отсюда? Служил во флоте, потом в городе решил остаться, из рейсов месяцами не вылезал, полмира повидал – все не то. Край тебя забудет, ты его...

Владивосток всегда напоминал ему тигра: раскинулся по сопкам, да глазет то на море, то на небо – вдруг что? Он всегда наготове, сторожит берега, самые дальние подступы к рубежам... На людей ему плевать: не выплывут – приедут новые. Понаедут.

За мыслями о жизни и малой родине Иван Ильич задремал, и четыре с лишним часа тряски промелькнули незаметно. Он сошел с автобуса в пригороде. Петр жил здесь с конца восьмидесятых, выстроил коттедж одним из первых. Раньше, как многие, возил иномарки, а потом: киоск, магазин, ресторан... Один бог ведает, что сейчас у него за душой.

От трассы спускалась дорога, прямая как стрела. Шагая по обледелому и присыпанному угольной крошкой асфальту, Иван Ильич с удивлением крутил головой: раньше здесь рос лес, лишь несколько коттеджей стояло далеко внизу, у старого аэродрома. Пригород всегда был малолюдным, зеленым. Это земли военных; любое строительство – на свой страх и риск. Однако ж сколько рискованных нашлось!

Чем ближе он подходил к раздолбанной взлетно-посадочной полосе, тем плотнее становилась застройка, тем теснее стояли коттеджи, тем выше были заборы из профлиста. Тоже элита – живут у черта на рогах, а огородились, будто кругом черти с вилами. Друг от друга, не иначе. Однако, найти нужный дом будет непросто.

К счастью, Иван Ильич заметил впереди приметную машину – переделанный из микроавтобуса катафалк. Черный, наглухо тонированный, внутри еще и занавески наверняка, чтоб покойнику красивее жилось.

– Бондаря хоронят? – спросил Иван Ильич водителя катафалка, который уютно пристроился на сиденье с подогревом и решал сканворд.

– А хрен знает, – буркнул тот, не подымая головы от журнала. – Мне накладную не показывали... Копытное из пяти букв?

– Козел.

Он вошел в приоткрытые ворота и тут же был атакован стайей мелких шавок. Пара болонок, пекинес и, кажется, пудель – все лохматые, страшные, чумазые – истошно визжали и скакали вокруг, не причиняя, впрочем, посетителю никакого вреда. На шум выскочил хозяин с галстуком в руках.

– Здорово, Петь. Рановато я, а?

– Нормально... Пшли, пшли на хер отсюда! – Петр ласковыми пинками разогнал свору и втащил гостя внутрь. – Ты извини, жена развела – тащит в дом всякую дрянь, наступить некуда... Внутрь не пускаю, а во двор хоть не выходи. Гробарям концерт устроили – срам один.

– Может, запереть? – предложил Иван Ильич, стягивая шапку с головы.

– Поймаешь их – разбегаются, суки. Люська на курорт улетела после нового года, я тут с ними с ног сбился. Похороны еще... Ты раздевайся, проходи. Ноги вытирай только, тапок не держим.

Он забрал у гостя верхнюю одежду и сунул в шкаф с зеркальными раздвижными дверями. Вроде «купе» называются. В деревне таких нет, а в городе у многих уже стоят – модно и место экономят. Иван Ильич с любопытством огляделся. Красиво, удобно, простенько, но со вкусом. А в тот раз его и за калитку не впустили.

Причина нынешнего гостеприимства Петра стояла посреди просторного холла на трех табуретках. Василий, как и брат, был высоким. Гроб длинный. Прислоненная к стене крышка – выше двери.

– Народ к двенадцати соберется. Помянем тут, потом на кладбище – участок хороший, рядом с дорогой – а дальше в ресторан на банкет. В общем, все как положено... – старший брат болтал и старался не смотреть в лицо младшему. – Выпить хочешь?

– Не рано? – засомневался Иван Ильич.

– Нормально!

Они прошли на кухню. Там была встроенная мебель с резными фасадами, столешница под мрамор, огромная плита с вытяжкой и даже кухонный комбайн – тетке бы понравилось. За круглым столом в углу закусывали «гробари». Петр достал из недр ближайшего шкафа бутылку с янтарно-коричневой жидкостью и позвал Ивана Ильича в гостиную.

– Виски. Односолодовый. – объявил он, разливая напиток по стаканам. – Хрен знает, что такое, но вкусный, мягонький. Люська привезла из Америки.

– Путешествовать любит? – спросил Иван Ильич, принимая стакан. Из вежливости спросил – супругу земляка он в глаза не видел.

– А кто не любит, когда время и деньги есть? Она с работы давно уволилась: сперва за отцом ходила, потом за матерью. Теперь вот развлекается как может. Дети разлетелись, а нам куда деваться? Ну, земля пухом... хотя рано про это еще.

Судя по всему, Петр начал поминать еще с утра. Приветлив, любезен, разговорчив – дивное дело. Он, может, за всю жизнь столько не наболтал, сколько за последние десять минут. Неужели смерть брата так подействовала? Они как будто и не особенно ладили. Василий не любил вспоминать о семейных делах, да и вообще о личном говорил мало. Больше о живописи. О вечном, так сказать.

– Народу много будет?

– До хрена. Однокурсники его бывшие, преподаватели, поклонники.

– Кто? – изумился Иван Ильич. – Василий же лет тридцать в городе не был!

– Мало ли, что не был. Работать-то не прекращал. Даже выставка у него была тут в картинной галерее.

– Когда?

– Да в семидесятых еще.

Это не укладывалось в голове. Вот так Васька-скромник! Даже не заикался, что среди местной богемы знаменит. Во владивостокской «картинке» подлинник Айвазовского висит – и там же работы его друга, получаются, выставляли. Двадцать лет назад.

Петр шмыгнул носом и снова потянулся к бутылке. Иван Ильич протестующе поднял руку:

– Хватит нам пока, не гони.

– Чего? Да я в норме, – хозяин потер покрасневшие глаза. – Это простыл немного, беготни сколько было...

– Все равно. Силы до вечера побереги. Похороны – дело такое... – снаружи раздался собачий визг, он бросил взгляд за окно и поднялся. – Я, наверно, погляжу, чего можно с ними сделать. Время к двенадцати, не годится это...

Оставив Петра на кухне, он направился к входной двери, но у гроба невольно замедлил шаги. Другого случая спокойно проститься с другом не будет. Понаедут.

Василий лежал в незнакомом костюме, с необычно причесанными на пробор волосами. Обычно ходил лохматым и в свитере. Вообще лицо как будто незнакомое. Это были не первые похороны в жизни Ивана Ильича, он уже знал, что мертвецы неуловимо меняются – порой настолько, что теряется сходство с прижизненным «оригиналом». Знал, но никак не мог привыкнуть.

Взгляд, будто отказываясь смотреть на застывшие черты друга, переместился ниже, к скрещенным на груди рукам. Пальцы сжимают не зажженную пока свечу... Но Иван Ильич и без огня разглядел, как они изранены.

Он изумленно наклонился к телу: руки Василий берег особо, грубой работой занимался исключительно в перчатках и со всей возможной аккуратностью. Однако же кончики пальцев сплошь покрыты ссадинами, на указательном ноготь едва не сорван, а на безымянном виднеется порез. И как Иван Ильич не заметил этого, доставая тело из проруби? Психанул, должно быть.

Собаки снаружи закатились с особенным рвением: мимо забора проехала незнакомая машина. Друг в последний раз посмотрел в лицо покойника – действительно, совсем чужое – и вышел.

Следующие полчаса пролетели в погоне за шавками по двору. В конце концов все были отловлены и заключены в выстроенный позади дома вольер. Землю там устилал разрытый слой опилок вперемешку с собачьими отходами. Алюминиевые миски с примерзшими остатками пищи валялись тут и там. Оказавшись взаперти, собаки принялись от безысходности выгрызать лакомые кусочки. И затихли, слава богу.

На похороны пришло много народу. Так много, что Иван Ильич растерялся. В просторном коттедже стало тесно; все беспорядочно толклись вокруг гроба с напряженно-скорбными лицами. Лучший друг покойного от греха подальше отирался по углам и слушал напыщенные прощальные речи от людей, едва знавших Василия. Петр слова не брал, он тоже.

Последним – с опозданием – прибыл священник. Не старше отца Геннадия, но с гонором как у целого патриарха. С порога потребовал водки, потом несколько раз назвал покойного Владимиром. В переполненной людьми комнате он размахивал кадилом так, будто вокруг никого не было. Скорбящие смиренно уворачивались.

Потом гроб погрузили в катафалк. Прибывших на такси ожидал комфортный автобус. После короткого прощания у края могилы гроб заколотили, опустили в яму и начали закапывать, а скорбящая богема поспешила на банкет.

В ресторане много ели и пили. Говорили тоже много.

Словом, хлопотный был день.

На последний автобус Иван Ильич, конечно, опоздал. Да и за руль собственной «старушки» все равно бы не сел в таком состоянии. Банкетный зал пустел, а он разглядывал недо-еденный блин и раздумывал, допивать ли водку. На этом краю стола собрались одни старухи – пожилые дамы по-городскому. Пили немного, зато ели за семерых, еще по кулькам да сумочкам рассовывали «для собачек». Что ж удивительного, если разносолов ресторанных деревенскому гостю почти не досталось, а водку пришлось кушать в одно лицо?

– Кукуешь? – над ним, покачиваясь, стоял Петр.

Иван Ильич обвел зал мутным взглядом. Все дамы с собачками разошлись. Пожилые официантки убрали со стола, два самых слабых художника дремали лицами в тарелках. Тишина и благолепие.

– Откуковали уж, – криво усмехнулся он.

– Где ночевать надумал?

– В гостиницу поеду.

– Хрен тебе! – решительно возразил Петр. – У меня проспиться. Художники эти совсем малоохольные: остатков с банкета еще на сорок дней хватит. Не дело, надо допи... доесть. Поехали!

Иван Ильич без эмоций нацепил куртку, обмотал шею шарфом и вывалился следом за разгулявшимся знакомцем на крыльцо ресторана. Вечерний город ослепил миллионами огней. На опустевшей стоянке коптила воздух единственная машина с эмблемой такси на боку. Официантки выносили пакеты с остатками банкета и под бдительным взглядом таксиста укладывали в разверстую пасть багажника.

– Под завязку! – наконец констатировал шофер и захлопнул крышку.

Пассажиры уже посапывали на заднем сиденье. Старший Бондарь всегда отличался предусмотрительностью и машину заказал заранее.

Дома хозяин с гостем общими усилиями утрамбовали в холодильник ресторанные деликатесы, а после переместились в гостиную. Там они с новыми силами принялись поминать друга и брата.

– Слушай... ну, какой он был, а? Какой! – восторженно бормотал Иван Ильич.

– Во какой! – отзывался Петр, покачивая головой в такт музыке – по телевизору транслировали какой-то концерт.

– А рисовал как...

– Охренительно!

– При жизни-то не ценили, а на похороны вон сколько народу пришло, – ему вдруг стало очень обидно за друга. Почти что до слез. – А в деревне бы кто навестил, кроме тебя?

– Ни одна падла, – кивнул Петр, снова берясь за бутылку.

– У нас-то не забудут... Он ведь и клуб, церковь эту нынешнюю, разрисовал... Не забудут...

– Пусть попробуют! Уж Васькину память я в обиду никому не дам.

Петр погрозил кулаком Пугачевой в телевизоре.

– Слушай, – сказал Иван Ильич, когда примадонна ушла со сцены, – а ты руки его видел?

– Чьи? – озадаченно уставился на экран Петр.

– Васины! Они ж все покаянные!

Петр хмуро оглядел стол, вышел на кухню, вернулся с новой бутылкой и сел обратно.

– Видел, – наконец сказал он, – ну и что?

– Что-что... Васька руки берег, вот что! Всегда в перчатках работал. Так порезаться он только об лед и мог, когда...

– Ну, хватит, – негромко сказал Петр. – Ясно, что только там, и что с того?

– С какого бы хрена ему топиться? – упрямо проговорил Иван Ильич. – Все нормально было, на жизнь не жаловался, работал до последнего – самоубийцы ж не такие! И потом: прорубь закончил, инструмент домой отнес – а утром туда же топиться пошел... Бред же!

– Вань, ты бросай уже в Шерлока Холмса играть, – вздохнул Петр. – Смотри, как бы и тебе доктор не понадобился.

Глава четвертая

Утро выдалось недобрым. Мрачный Петр на кухне угощался рассолом из банки. Иван Ильич не стал его отвлекать и сам тихонько собрался – благо все манатки давеча по карманам куртки распихал. Предусмотрительный стал с пьяных глаз, аж завидно. То бутылку пустую от тетки спрячет, то вещи сложит аккуратно, чтоб утром не искать на большую голову.

А болело сегодня от души. Иван Ильич наклонился завязать распустившийся шнурок и даже заскулил тихонько.

– Рассольчиком разговеешься? – Петр вспомнил о госте и вышел в прихожую с банкой в руках.

– Спасибо, Петь. Я все.

– Как знаешь, – хозяин отхлебнул еще рассола и спросил: – Такси тебе до автовокзала вызвать? Дерут, конечно, зато быстро.

– Прогуляюсь, – криво улыбнулся Иван Ильич.

До автовокзала нужно было добираться на пригородном автобусе. День для прогулок выдался самый подходящий. Солнышко уже светило вовсю, с крыш даже чего-то капало. Он добрел до шоссе за полчаса; относительно чистый пригородный воздух помогал держаться на ногах.

В голове при каждом шаге что-то ухало, перед глазами вспыхивали круги. Мелькнула шальная мыслишка опохмелиться в какой-нибудь шашлычке, но была немедленно отброшена. Еще за руль садиться. Тем более вдалеке показался нужный автобус, идущий прямо до райцентра. Редкая удача! Иван Ильич замахал руками и ломанулся к остановке.

В салоне было совсем немного народу. Не успел, однако, устроиться на свободном месте, как свет затмила громадная тень контролерши.

– До конечной, пожалуйста.

– Сто восемьдесят рублей, – зычно сообщила она.

– Вообще у меня удостоверение... – он потянулся к карману.

Девушка округлила одновременно глаза и рот, уперла руки в бока, обтянутые спортивным костюмом кровавого цвета и рявкнула:

– А у меня – коммерческий рейс. Не работают тут ваши корочки! Сперва здоровье пропивают, потом предъявляют тут...

Иван Ильич молча отдал ей деньги, проводил глазами неохватную спину и уставился в окно. Вообще можно бы поспорить... даже надо бы, но вот настроения никакого. И видок у него вправду тот еще: вчера перебрал, вспомнить стыдно. Друга ведь хоронил – казалось бы, повод – ан нет, так даже хуже. Петру что-то доказывал, чуть не плакал. Тьфу!

Хотя спорить-то следовало. Очень даже следовало. Не с контролершей, с Петром. Как это – не о чем говорить? На руках живого места нет... это у художника-то! Не мог Василий сам, по доброй воле так пальцы изгваздать. Стало быть, ссадины перед самой смертью появились. А от чего? Да ежу понятно – выбраться из ледяной воды он хотел, за острые края льда цеплялся...

Вскоре городские виды за окном сменились заснеженными полями, лесами и сопками. Пейзажи располагали к размышлениям, чем Иван Ильич и занялся.

Итак, перед смертью Василий хватался за края проруби – означает ли это, на самом деле, что в воду его столкнул неизвестный злоумышленник? Нет, определенно нет. Оказавшись в ледяной воде, кто угодно может пожалеть о содеянном и попробует выбраться.

Но если человек с утра пораньше идет топиться в прорубь, настроен он железно. Да и Василий всегда был мужиком основательным: раз решив, шел до конца. Вот бросил свою

художку на последнем курсе – и до конца жизни из деревни не выезжал. Нет уж, характеры у Бондарей – кремень.

Случайность? Тоже исключено. Глубина в проруби – ровненько Лизавете по декольте. Если бы Василий и свалился в воду ненароком, выбрался бы оттуда за считанные секунды да греться бы домой побежал. Да и полушубок сухим остался – он в одном свитере был, стало быть, снял перед тем как...

Иван Ильич выпрямился на сиденье. Полушубок! Громоздкий, но очень теплый. В деревне такой один, Петр подарил. Василий в нем вторую зиму ходил. Перед работой снимал, это верно, а вот топиться наверняка в этой хламиде было б сподручнее.

Так где же он?

Он нахмурился, пытаясь восстановить в памяти полную картину того утра. К реке они с теткой пришли одними из последних. Костер уже пылал, отец Геннадий разжигал кадило, купальщики переминались с ноги на ногу у сколоченных Василием мостков... А полушубка нигде не было.

Сперли, что ли? Вещичка-то приметная, да с покойника – кому в деревне понадобилась?

Автобус между тем приближался к месту назначения. Люди выходили на остановках; вместо них подсаживались другие, но салон понемногу пустел. Заскучавшая без дела контролерша бросила нахохлившемуся пассажиру:

– Добрались почти, инвалид, сделай рожу попроще, что ли.

К концу маршрута девица была настроена благодушно, но своими словами задела Ивана Ильича. Он возмущенно вскинулся.

– Какой я вам инвалид?

– А кто тут удостоверением размахивал?

– У меня пенсионное, – буркнул Иван Ильич.

– Ну ни хрена ж себе! Это за что ж тебя такого молодого на пенсию отправили? За бесцельно пропитые годы?

Контролерша простодушно подняла брови. Говорит как пишет: без пауз и запятых. С утра до ночи лаясь с пассажирами, она даже не заметила его тихого возмущения. Профдеформация налицо.

В райцентр Иван Ильич прибыл хмурый и окончательно трезвым. От мыслей распирало голову. Надо было срочно поделиться надуманным, и он отправился к единственному представителю власти, присутствовавшему на месте трагедии.

Отделение милиции располагалось неподалеку от автовокзала. Деревянная двухэтажка, обшитая вагонкой в елочку и выкрашенная когда-то в синий цвет, теперь отливала всеми оттенками голубого. Летом это даже красиво, а зимой, на фоне черного асфальта и серых сугробов – глаза б не глядели.

Шериф Назаренко нашелся у себя в кабинете. Он курил в форточку.

– Осинников? Какими судьбами? В деревне все целы?

– Все живы-здоровы, – Иван Ильич стянул шапку и уселся на один из стульев для посетителей. – Я с похорон, в городе был...

– Утопленника хоронили? – оживился Назаренко. – Меня-то Петр не позвал, скотина. А как наседали, чтоб быстрее работали: вскрытие ему, все дела... И не отблагодарил никого!

Тираду о неблагодарном брате погибшего Иван Ильич пропустил мимо ушей. Впрочем, теперь он окончательно понял, что расшаркиваться здесь ни к чему, поэтому просто наклонился вперед и спросил:

– Семен Ефимович, давайте как на духу: вы это на самом деле самоубийством считаете? Брови шерифа поползли вверх.

– Ну даешь! А чем еще это считать? Одиноким мужчиной средних лет утром вышел из дома без внятных объяснений и был найден мертвым через несколько часов. Ни мотивов, ни следов насилия...

– Как же – ни следов? Вы его руки видели?

– Что с руками?

– В садах все! Да вы на меня не смотрите, – раздраженно воскликнул он, заметив ироничный взгляд Назаренко на его собственные ладони. – Я человек простой, а Василий художником был. Без перчаток за работу не брался, вечно осторожничал – во как руки берег!

– Ну а как надумал дурное – перестал беречь.

– Ладно... но полушубок же его пропал. У проруби должен был лежать, а не было!

– Да сперли ваши же, деревенские, всего и делов!

– Дебила кусок, – бормотал Иван Ильич, выходя из отделения через несколько минут. – Всего и делов ему! Лишь бы задницу в тепле...

Понадобилось целых две сигареты, чтобы успокоиться. Перед возвращением домой нужно было нанести еще один визит, и там совсем не хотелось в сердцах ляпнуть какую-нибудь грубость. При дамах он вообще был исключительно культурным гражданином.

Иван Ильич зарулил в крупный продуктовый купить себе «горючего». Живешь в деревне – привыкай запасаться. Машина ждала его на прежнем месте. Послушно приняла в багажник покупки и даже завелась без шаманских плясок. Чувствует настроение хозяина, умница. Он минут десять посидел внутри, согрелся и привел себя в относительный порядок перед зеркалом заднего вида. Потом прихватил с переднего сиденья пакет с книгами и отправился к месту назначения.

Библиотека, куда держал теперь путь Иван Ильич, располагалась в двух кварталах. В магазине он разжился коробкой конфет: Тамара Семеновна любит «Птичье молоко», а тут как раз попались свежие. Обычно они пили чай с «юбилейным» печеньем, которое она держала в маленькой вазочке. Обычно – это каждый месяц в течение полугода. А всего знакомы год, с прошлой зимы. В общем, ему уже было неловко злоупотреблять гостеприимством и приходить без гостинцев.

Деревянное одноэтажное здание окружал заснеженный яблоневый сад. Библиотека была выкрашена в тот же небесно-голубой цвет, что и милиция, но почему-то это ее совсем не портит. Может быть, резной фасад выручал – какой-то умелец постарался пятьдесят лет назад, и в райцентре появился свой шедевр деревянного зодчества. Иван Ильич любил это место, особенно весной, когда яблони расцветали, а воздух становился прозрачным и сладким. Наверняка Тамара Семеновна испытывала схожие чувства, иначе как еще объяснить присутствие такой женщины в приморской глуши?

Миновав маленький тамбур, он без стука вошел внутрь. Рабочее место библиотекаря находилось в глубине просторного зала; чтобы встретиться с хозяйкой, нужно было протопать по деревянному полу добрых двадцать шагов. Иван Ильич шел мимо стеллажей с книгами, вдыхая их ни на что не похожий запах. Из высоких окон лился свет, в воздухе кружились пылинки – тишину нарушали только его собственные шаги да тиканье старых часов на стене. И вот так всегда – ни одна молодая зараза просвещаться не хочет, только старики ходят.

За столом библиотекаря было пусто. Иван Ильич нерешительно потоптался на месте, а потом крикнул:

– Тамара Семеновна?

– Иду!

И через минуту она действительно появилась: хлопнула где-то невидимая дверь, и вошла Тамара Семеновна с охапкой дров. Как всегда, подтянутая, собранная и красивая. Такая красивая, что при знакомстве он оробел, но она сразу дала понять: я – библиотекарь, вы – читатель. И точка. И слава богу, а то после полугода в деревне Иван Ильич слегка ошалел от жен-

ского внимания и с дамами держался весьма настороженно, даже заносчиво. А тут наконец нормальная женщина, на своем рабочем месте, и ничего ей от него не надо, лишь бы книжки не портил да сдавал вовремя.

– Давайте, помогу вам, – спохватился Иван Ильич.

– Не нужно, спасибо, – она сбросила дрова у небольшой печки и аккуратно стяхнула опилки со свитера. – Долго вас не было.

– Вроде ничего не просрочил. С прошедшими вас! – он протянул ей конфеты.

– Спасибо. У меня и чайник как раз вскипел.

Она скрылась за стеллажами, а Иван Ильич снял пальто и повесил на спинку стула. Было прохладно: батареи плохо прогревали просторное помещение, и в морозы приходилось топить печь. Тамара Семеновна оставляла вещи где-то в подсобке, там же хранился электрочайник и дрова. Он в закулисье библиотеки никогда не заглядывал и даже не знал, где находится эта самая невидимая дверь. Хозяйка всегда появлялась словно из ниоткуда.

– Садитесь, – она сдвинула стопку книг в сторону и поставила на стол чайник и две чистые чашки. – Сейчас вашу карточку найду, вы похозяйничайте пока.

Иван Ильич налил кипятка в чашки, положил в каждый по пакетик чаю.

– Вы слышали, что у нас в деревне произошло?

– Слышала, – она села напротив и положила читательскую карточку на стол. – Кошмар. Василий Петрович у меня часто бывал и книги брал интересные.

– Часто? – удивился Иван Ильич.

– Он в нашу парикмахерскую ездил, – пояснила Тамара Семеновна, – раз в пару месяцев точно. Ну и в библиотеку заглядывал регулярно, как вы.

– Просто удивился: он без машины, а из деревни попутку не так легко найти. Да и я полтора года как переехал, мог подбросить.

– Василий Петрович из деревни до дороги обычно пешком шел, а там останавливал кого-нибудь. Стеснялся, может быть. Кто знает, у художников свои пунктики.

Иван Ильич нахмурился. Он в доме друга бывал не раз и не два в неделю. Чаще. И даже не заметил, что книги там обновляются. Когда давеча убирался, просто сложил их в стопку. Василий читал неинтересное: что-то по истории, о живописи, даже юриспруденция была. Судиться, что ли, с кем надумал?

– Я книги со штемпелями завтра же найду, привезу в следующий раз, – пообещал он библиотекарше.

Она спокойно кивнула и спросила:

– А вы дружили?

– Было дело, – Иван Ильич машинально взял из коробки конфету и прищурился, пытаясь разглядеть сквозь черноту шоколада цвет начинки.

– Я белые люблю, – негромко сказала Тамара Семеновна.

Он смущенно улыбнулся.

– А я и не ел толком. Дочке покупал раньше. Она тоже: сперва белые, потом с остальных шоколад объест и в последнюю очередь огрызки эти слопает.

Библиотекарша взяла конфету, отломил шоколад с одной стороны – начинка была светло-коричневой.

– Тоже неплохо, – констатировала она. – Вы рано сегодня. Обычно тут до полудня никого.

– Я из Владивостока, первым автобусом. Василия вчера хоронили.

– Почему в городе? – удивилась Тамара Семеновна.

– Старший брат там живет, родительская могила...

– Хм... Интересно было?

– На похоронах? – удивился Иван Ильич.

– По такому поводу очень странные сборища устраивают, – пояснила библиотечка. – Соседи приходят, друзья детства, родня – седьмая вода на киселе. Соберутся за столом и болтают, что в голову взбредет, в основном – чушь, причем с самыми важными лицами. Сидишь и думаешь: то ли плакать, то ли смеяться.

Он не выдержал и усмехнулся.

– Точно, есть такое. Но тут иначе вышло: из наших в город только я и приехал, всей родни – старший брат, остальные собрались из мира искусств. Однокурсники какие-то и прочие художники. Так что мало интересного, все разговоры о прекрасном вели.

– О высоком?

– Ага. Не знаю, правда или нет, но... если их тостам верить, Василий был талантище, каких мало. Хотя на поминках и не такое говорят.

– А вы-то его картины видели?

– Конечно, – он с удивлением отставил чашку. – Что за вопросы? Мы сколько лет знакомы, даже детские рисунки припоминаю – он их на промокашках рисовал.

– Ну так неужели не разглядели за столько лет, талантлив Василий Петрович или нет?

– Я много чего в нем не разглядел, – признался Иван Ильич после паузы. – В живописи совсем не разбираюсь... да и в людях, наверно, тоже. А вы что-нибудь странное заметили, когда он последний раз тут был?

– Нет, – покачала головой Тамара Семеновна. – Он приезжал в декабре, вел себя как обычно. Ни грустный, ни веселый – просто человек. Ушам не поверила, когда узнала...

– Вот именно: не верится. А вчера я руки его разглядел... в гробу. Там царапины, порезы...

Библиотечка внимательно посмотрела на Ивана Ильича.

– У художника? Странно... Думаете, это убийство?

Тамара Семеновна была редкой умницей, и это ее красило даже больше, чем внешность, подаренная природой.

– Думаю. Только пока никто не верит.

– Значит, нужно больше доказательств. Вскрытие уже было?

– Да, в тот же день, в здешнем морге. Вряд ли что-то нашли, а то бы не разрешили хоронить так быстро.

– Если патологоанатом думала, что работает с самоубийцей, то ничего бы и не искала. Но она хороший специалист, внимательный. Хотите, я с ней поговорю?

– А вы знакомы?

– Ирина к поступлению в медицинский долго готовилась, дважды проваливала экзамены. У нас школа слабая, так она самообучением занялась плотно, сидела тут в читальном зале целыми днями. Я такого упорства никогда не видела.

Иван Ильич знал, что патологоанатомом в райцентре работает дочка Шерифа. Он смутно помнил рыженькую девчонку с косичками и с трудом мог представить, что она выросла в серьезного специалиста. Как гены иной раз чудят!

– Поговорите, – кивнул он. – А я в деревне тоже без дела сидеть не буду, опрошу свидетелей по горячим следам.

– Правильно, – одобрила Тамара Семеновна. – Если Ирина до конца недели не зайдет, я сама ее на чай приглашу. А потом вам позвоню.

– У меня телефона нет, в деревне только автомат. Давайте, я – вам.

Она кивнула, взяла чистый бланк и написала два номера.

– Второй – домашний.

Иван Ильич аккуратно сложил бумагу и спрятал во внутренний карман пиджака.

– Спасибо. Я тогда в понедельник... или лучше на выходных?

– Лучше на выходных, я постараюсь с Ириной встретиться пораньше, – Тамара Семеновна поставила чайные чашки одну в другую и поднялась. – Вам, наверное, домой нужно. Книги я потом сама оформлю, а сейчас что будете брать?

– Тетя Зоя про домашнюю выпечку хотела, а мне... Агату Кристи бы – чего-нибудь нечитанное.

– Опять Кристи? – улыбнулась библиотечка. – Может быть, Стаута еще раз попробуйте?

Он помотал головой.

– Скучно мне про Вульфа: сидит в своей квартире да пиво хлещет. Нет, лучше уж про английскую деревню что-нибудь.

Через десять минут Иван Ильич ехал по знакомой дороге домой. После рассудительной беседы с Тамарой Семеновной равнодушие и халатность Шерифа возмутили его еще сильнее: лишь бы не работать! Ну да хрен с ним. Расследование один черт проводить надо в деревне, а мента этого туда не дозовешься. Зато он, Иван Ильич, там живет и всех знает. И со всеми, с кем надо, поговорит.

Только с кем надо?

На ум пока приходили только ближайшие соседи Василия – Мурашovy. Они видели, как он шел с реки последний раз – могли также заметить и как он снова туда отправился. И даже пойти следом. Он тряхнул головой: ерунда какая! В одной школе же учились, с детства знакомы, а получается как в детективных романах...

Кто-то из своих.

Дорога попетляла между сопok, взобралась на вершину, скатилась вниз, сделала очередной виток – и он увидел родную деревню. Теперь Иван Ильич понял персонажей любимых детективов – отчего они так огорчались, если преступление не мог совершить какой-нибудь бродяга. Мысль о том, что в ближайшем окружении живет убийца, разом отравила всю его жизнь.

Деревня, в которой вырос, куда всегда возвращался, где надеялся нескоро и нестрашно умереть – оказалась полна опасностей и загадок. Как будто сорняк ядовитый поселился в огороде. И пока его не изведешь, ничего хорошего там не вырастет.

Что ж, ему к земле не привыкать!

Иван Ильич притормозил возле бондаревского дома. Тетка давеча обещала покормить кота, но проверить не помешает. Калитка оказалась заперта изнутри, как он и оставлял. А у тети Зои росту и длины рук бы не хватило, чтобы дотянуться до задвижки. Он мысленно треснул себя по лбу, вошел во двор и свернул к сараю. Ключ был на прежнем месте, а она б с собой унесла. Это развеяло последние сомнения.

– Хоть бы не нагадил где... – бормотал Иван Ильич, возясь с замком. – Только б не в муку.

Муку Василий хранил в алюминиевой кастрюле на пятьдесят литров. Крышка от нее давно потерялась, но хозяин уверял, что это даже лучше: дышит, мол.

В доме ощутимо похолодало, изо рта даже вырывался парок, который исчез только на кухне. Подозрительных запахов не было. В мучной кастрюле ничего не нарушало сияющей белизны содержимого. Кешка восседал на краешке печи с равнодушным видом.

– Ну, извини, брат. Сейчас натопим, покормим...

Обрадованный Иван Ильич хлопотал на кухне, а кот безразлично глядел куда-то вдаль, порой даже как будто сквозь него.

– Ты прям как моя бывшая. Тоже вот так умела: без лишних слов в дерьмо с головой макнуть. Сидишь потом, обтекаешь – и пожаловаться-то не на что, да и некому.

Ответом ему был презрительный взгляд. Кеша спрыгнул с печи только услышав шипение спички. Он проследовал к своим мискам и требовательно мявкнул.

– Сейчас-сейчас! Сушки насыплю, покормлю котика... Воды-то полно, чего врать?

Кот приступил к еде, а Иван Ильич почистил его лоток, после чего уселся на низкую скамеечку перед печкой, пошире открыл поддувало и закурил.

– Подвела тетка, извини, брат. Ростом не вышла, калитку не смогла открыть, а я, дурак, не сообразил. Может, это и к лучшему, а? Хвостатых она не очень жалует, да и двуногих тоже. Детей разве что, и тех – пока не вырастут.

Кеша оторвался от миски и с минуту, казалось, обдумывал услышанное. Считать ли удачей суточную голодовку – сложный вопрос. Он наверняка пожал бы плечами, если бы умел, но в силу особенностей телосложения не стал даже пробовать и просто вернулся к трапезе.

Снаружи стукнула калитка, и кот недовольно заурчал, не вынимая мордочки из миски. Иван Ильич подошел к окну и осторожно выглянул из-за края занавески.

– Что за ерунда – Мураш! И с супругой. Чего это им понадобилось тут? И мимо двери – а машину-то видели! Погоди-ка...

Когда он вышел во двор, соседской пары там и вправду как будто не было. Однако за домом послышались голоса, и Иван Ильич направился туда. Сойдя с расчищенной тропинки к сортиру в глубокий снег, Мурашова возились у общего забора. Кузьминична держала конец рулетки возле углового столбика, а Иннокентий вдоль ограды ломился через сугробы к другому краю участка.

– Вы чего затеяли? – от удивления он даже забыл поздороваться. Впрочем, супруги не обиделись.

– Да вот, померить решили, – отозвалась Кузьминична. – У нас с Бондарями давние споры насчет раздела были, только они нас на участок не пускали.

«А то с вашей стороны забора цифры другие», – мысленно усмехнулся он, а вслух сказал:

– Петр продавать будет, наверняка землемеров привезет.

– Сказал, будет продавать? – Кузьминична даже выпустила из рук конец металлической ленты, и тот с визгом унесся в сторону Иннокентия. – А за сколько, не говорил?

– Да я не интересовался. Вряд ли за дорого. Старье ведь.

– Ну да, кому оно надо, – подхватил Мураш, пряча рулетку в карман.

Иван Ильич пожал плечами.

– Вам, видать, надо.

– А ты чего тут? – проигнорировала намек Кузьминична.

– Кота зашел покормить.

– Не зашел, а заехал, – подмигнул Мураш. – В райцентре, что ль, был?

– В городе. Василия хоронили.

– Прямо в городе? Рядом с родителями?

– Ага, – Иван Ильич смутно припомнил в оградке два аккуратных памятника со знакомыми фотографиями.

– Ну и славно. Пойдем, Кеш.

«Чего хотели-то? – недоумевал Иван Ильич, вернувшись в дом. – Машину видели, однако ж полезли со своей рулеткой. Терки из-за земли у них и вправду были давние, это вся деревня знает».

Сытый кот обустроился на кухонном столе и принялся вылизываться. В доме потеплело. Иван Ильич дождался, когда прогорят дрова, и начал собираться домой. Перед уходом он решил все-таки накрыть муку – от греха подальше. Нашел подходящую по размеру крышку.

– А запасся-то наш самоубийца всерьез, – пробормотал он через минуту, запирая дверь. – До майских бы хватило.

Василий жил бобылем и в голодные дни пек себе сам. Постные лепешки из муки и воды, нередко пригорелые снаружи и сырые внутри – на дровяной печке нагрев не отрегулируешь. Однако сейчас Иван Ильич поймал себя на том, что скучает по вкусу этого холостяцкого лакомства.

Перед калиткой он оглянулся на дом старого друга. Что за тайны здесь хранятся? И куда Иван Ильич, простой, в общем-то, мужик, лезет? Это ведь настоящее расследование, а у него ни ума Тамары Семеновны, ни теткиного авторитета...

Тут еще вспомнил про корицу... Дома будет жарко.

Зоя Ивановна и вправду расстроилась.

– Ты это серьезно? Пяти минут не нашлось в магазин зайти?!

– Теть Зой, ну я в городе толком не был: с автобуса на кладбище, потом у Петра ночевал в пригороде, утром на автобус сразу – не до магазинов вообще.

Теперь, когда угроза поступления новой партии ватрушек стала менее явной, он слегка воспрял духом. И ведь даже врать не пришлось!

– Ты, между прочим, тоже хороша. Кот голодный, изба застыла, – добавил Иван Ильич, окончательно осмелев.

– Вот так да! – вскинулась тетка. – А кто калитку запер? Я, старая женщина, скакать вокруг забора должна? Даже к Мурашовым ходила, чтобы Кеша отпер – он повыше – да не докричалась никого.

Иван Ильич поднял руки в знак окончательной капитуляции и примирительно спросил:

– А что, ватрушек твоих не осталось?

Глава пятая

С самого утра Иван Ильич, все еще виноватый, работал по хозяйству. Тетка требовала то одного, то другого: накопи дров на следующую неделю, перевесь зеркало, подмети коридор... Он не особенно возражал: ручной труд успокаивает и прочищает мысли.

А прочищать было от чего. Вопросов смерть Василия действительно вызывала слишком много. Почему? Отчего? Куда полущубок делся? Не хотелось верить, что вещь просто сперли. Да и что с нею в деревне сделаешь? Одежка приметная. Вмиг все узнают. И как это вообще: подходит человек, видит полущубок на снегу, знает, чей – и все равно тырит? Ну, бред же!

Увы, разумнее всего было предположить, что полущубок забрал тот, кто пришел к реке вместе с Василием или сразу после него. То есть убийца и вор.

Разобравшись с делами, он занялся бойлером. В ванной стоял старенький дровяной котел – узкий цилиндр почти до потолка с крошечной дверцей топки. Его чистить не требовалось, а вот Ивану Ильичу помывка после утренних хлопот была просто необходима. Он набрал в сарае специально наколотых мелких дров и уже поднялся на крыльцо, предвкушая горячий душ перед обедом, когда к дому подбежал Мураш.

– Ильич, там звездац!

Мужик запыхался и ловил ртом морозный воздух. Иван Ильич стоял на ступеньке с дровами в руках и с любопытством разглядывал заполошного визитера.

– Какой звездац-то? С Кузьминичной чего?

– Да че ей делается, – махнул рукой преданнейший из супругов, – в магазине ценники переклеивает. Не, ты слушай... я щас около новой базы был, а там...

Дверь со скрипом открылась, и на крыльцо вышла Зоя Ивановна. Она строго оглядела племянника с гостем и сказала:

– У Вани полно дел, Кеша, зайди в другой раз.

– Да погоди, тетя. Я уже все закончил, а там звездац какой-то, – Иван Ильич даже не стал интересоваться, какие еще дела его ждут.

– Что за выражения? И «там» – это где?

– Я ж говорю, на базе новой, – возмущенно отозвался Мураш. – Прямо за забором там!

– Да что такое-то?

– Покойник! Василий ходит, как живой весь!

Иван Ильич выронил дрова, и они с дробным стуком скатились по ступенькам на землю.

– Ты шуточки эти брось, – строго сказал он. – Выпил с утра – так и скажи...

Мураш даже обиделся.

– С утра никогда не пью, только по праздникам. А покойника видел, вот тебе слово моряка!

– Ну и что же он там делает? – сдерживая улыбку, спросила Зоя Ивановна.

– Ходит, говорю же! Между домиками этими гуляет как будто, по сторонам глядит. Я как представил, что он на меня щас прямо посмотрит – так и сквозанул оттуда. Ну его! И вот чего подумал... – Мураш подошел ближе и доверительно прошептал: – Это он неспроста там ходит. Васька ж с этими бандюками громче всех ругался, помнишь?

Иван Ильич кивнул и наклонился, чтобы собрать дрова. Строительство базы отдыха переполошило всю деревню. В конце лета на месте бывшего рыбзавода из ниоткуда появились вагончики для рабочих, выросли штабеля материалов, а территорию окружил двухметровый забор из рабицы. Все видно как на ладони, а не сунешься.

Вот и со стройкой так же: рабочие делиться информацией с местными не собирались, и выяснить что-либо о планах владельцев новой базы или о самих владельцах было невозможно.

Между тем на территории уже выстроились в шахматном порядке с десяток семейных домиков класса люкс – не ниже, унитазы-то люди через забор тоже видели!

Приведя территорию в порядок, рабочие уехали, а вместо них вскоре появились двое очень серьезных ребят в кожанках. Толстый и лысый – вот все, что было известно об охранниках местным жителям. Так их и называли. Громилы жили на базе безвылазно, продуктов им оставили с избытком – даже в магазин не навещались. К тому же в конце декабря приехал еще один мутный тип в наглухо тонированном джипе. И не один – бабу с собой привез. Каждый день с базы доносилась музыка, а над отдельно стоящим домом-баней дым стоял столбом. Селяне поглядывали недобро из-за забора и спорили меж собой: в бане-то есть унитаз или нет? Иван Ильич в спорах не участвовал, но полагал, что есть.

– Ну, ругались-то с ними многие, – возразила тетка. – А призраку быть откуда?

– Как откуда, Зоя Ивановна? – Мураш был поражен, что его старая учительница не знает таких элементарных вещей. – Он мстить пришел. Эти гады его небось запугивали, грозили – вот руки и наложил! Так-то с чего б ему такую херню с собой творить?

Вот так обычный пьяница озвучил мысль, который день не дававшую покоя Ивану Ильичу. Василий и вправду был главным правдоискателем деревни. А теперь еще этот призрак!

Оставлять происходящее без внимания было решительно невозможно. Иван Ильич вручил собранные дрова тетке, которая все еще подбирала достойную отповедь на «херню», и заявил:

– Пойду погляжу, что там за призрак такой. Теть Зой, бойлер разожги пока, а?

Он зашагал в сторону моря, сопровождаемый неугомонным Мурашом.

– Обалдел совсем? Вань, а ну как он на тебя посмотрит? Че делать будешь?

– Так я сам иду на него посмотреть, – на ходу пожал плечами Иван Ильич. – Ты лучше скажи, чего за ерунда вчера была? Вы ж видели небось, что я подъехал – зачем на участок полезли и потом изображали?

– Видели, – понурился мужик, – Лизка еще с утра узнала, что ты на похороны поехал, все думала, как тебя разговорить насчет участка... глядит – машина твоя – и говорит, пошли, мол... может, узнаем чего.

– Дом, что ли, купить хотите?

– Ну. Лизка думает, как база заработает, народ сюда потянется – чего зевать-то? У нас огород разработанный, жалко под туристов, а Васькин давно будылями порос. Пустим сперва палаточников, потом домики поставим... может даже с унитазами, – мечтательно сказал Мураш.

– А не боитесь, что эти городские предприниматели вас за конкуренцию прижмут?

– Пусть попробуют. Они небось сами на шухере каждый день, как бы ихнюю красоту тут не пожгли. И вот, знаешь, всякий раз, как хожу мимо, руки чешутся.

Иван Ильич хмыкнул: снова его мысли совпадали с мурашовскими. К добру ли?

Они приблизились к базе. Забор из рабицы ничего не закрывал от любопытных взоров, и глазам Ивана Ильича во всей красе открылась картина, выбившая из колеи его провожатого. Было чему удивляться: по дорожкам между домиков разгуливал некто (или некто) в полушубке Василия.

Перетрухнувший Мураш застыл на месте, мелко крестясь, а Иван Ильич продолжал идти вперед. С каждым шагом он убеждался, что полушубок – тот самый. «Призрак» пока не заметил зевак и продолжал патрулировать территорию: заглядывал в окошки домиков, дергал ручки дверей – словом, вел себя как типичный и вполне живой сторож турбазы. Кем он и был. Тот из двух, которого в деревне прозвали Лысым – Толстого и последний алкаш бы издали опознал, несмотря на маскировку.

Лысый бандит ходил по турбазе в полушубке самым непонятным образом погибшего Василия.

– Слышь, ты? – крикнул Иван Ильич прежде, чем успел придумать более удачную завязку для разговора.

Охранник застыл на месте. Километров на сто кругом не было никого, способного безнаказанно обращаться к нему таким тоном. Увидев за забором всего лишь парочку местных, он издал звук, похожий на львиную отрыжку. Мураш ойкнул и повернул назад к деревне; Иван Ильич даже не обернулся на удаляющийся скрип снега под его сапогами. До того ли? Тут надо вытащить информацию из субъекта, который сам что хочешь из кого хочешь вытащит. А отступить некуда.

– Откуда полушубок взял? – прямо спросил он.

– Чего?

Лысый подошел ближе. Их разделяла только тонкая сетка, едва ли способная удержать доброго пса – чего уж говорить о злом бугае...

– Откуда полушубок взял, говорю?

Иван Ильич мысленно прикинул, что до ворот отсюда метров двадцать. Лезть через забор или ломать его Лысый не станет, так что фора в полминуты будет. До дома все одно не успеть, а у соперника ноги молодые... С другой стороны, убивать его никто не собирается, калечить тоже побоятся. Максимум нос расквасят. Пожертвовать физиономией в целях расследования – не страшно.

– Ты кто такой? – изумленно спросил Лысый.

Искатель приключений? Местный идиот? Любой ответ будет к месту, но едва ли устроит вопрошающего: слишком уж верзила напрягся. Смотрит сквозь сетку, едва ли ее вообще замечая. Он подошел к забору вплотную, почти вжался носом в одну из ячеек. Иван Ильич перед ним чувствовал себя как кот, которому вздумалось подразнить цепного пса. Жутко, но азарт невероятный.

Поэтому он тоже сделал шаг вперед, приблизившись к оппоненту на минимально допустимое расстояние, и спокойно сказал:

– Это ты кто такой? Нормальные пацаны так не поступают.

У Лысого аж челюсть отвисла.

– Где мародерствовать научился?

– Маро... чё?

В голосе охранника зазвучала растерянность. Он попросту не понял последнего вопроса, и Иван Ильич мысленно ругнул себя. Это все теткина кровь, учительская. Водился за ним такой грешок: злоупотреблять умными словами. Для поддержания статуса интеллигента полезно, для взаимопонимания с населением – наоборот.

– На одежду с мертвого ты позарился, говорю. А на себя ее зачем напялили?

Это Лысый понял. И рванул вперед с занесенным кулаком. «Цепь» выдержала. Зазвенела сетка, простонали что-то вмерзшие в землю столбики, но забор уцелел, а охранник заплясал на месте, потрясая рассеченной о сетку рукой. Иван Ильич едва заметно отступил назад. Несмотря на пережитый стресс, этой сценой он остался очень доволен.

– И не круши имущество хозяйское, не для того тебя тут поставили.

– Дед, я ж тебя на запчасти растащу, – сквозь зубы просвистел Лысый, держа разбитую руку на отлет.

– В автомастерской начинал? – невозмутимо поинтересовался Иван Ильич. – С людьми-то поаккуратнее надо. Поговорить для начала, например.

Из домика с надписью «Администрация», стоящего особо от остальных, вышел второй охранник и крикнул:

– Что за фигня у вас там?

– Тут какой-то герой народный базар не фильтрует, – отозвался Лысый, свирепо сверля глазами сетку.

Толстый подошел к воротам, окинул взглядом напарника и повернулся к нарушителю спокойствия.

– Шел бы ты отсюда, дед, пока не схлопотал.

Это была отличная возможность бескровной капитуляции, но Иван Ильич не мог себе позволить отступления. В конце концов, он ясно озвучил претензии и был вправе ожидать ответа. Какого хрена, собственно, носить одежду с покойника? Убийцам-то такое наверняка ни к чему – и тот факт, что охранник напялил чужое, говорил скорее о том, что он не в курсе событий.

– Никуда я не пойду, пока он, – Иван Ильич указал на Лысого, – не ответит, где полушубок взял. Вещь эта – с жертвы убийства, следствие по делу идет полным ходом.

Вот так смерть Василия стала криминальным событием. Неофициально. Пока. Впрочем, бандиты и того не знали, поэтому заметно ступсывались. Толстый быстро подошел к напарнику и что-то прошептал в покрасневшее на морозе ухо. После этого оба удалились в сторону администрации, не обращая более внимания на дерзкого посетителя.

– Вот так поговорили, – пробормотал Иван Ильич и несолоно хлебавши отправился домой.

По пути он заглянул на хутор, чтобы пожурить Мураша за неспортивное поведение, однако там никого не оказалось. На подходе к дому стало известно, куда девался Иннокентий: он суетился на крыльце, оглядывая окрестности, и скрылся внутри, едва завидев Ивана Ильича. Тот с недоумением тоже проследовал внутрь. В полутемной прихожей его встретили странноватый гость и тетка. Зоя Ивановна разволновалась не на шутку.

– Ты смерти моей хочешь? – без обиняков спросила она. – К бандитам в одиночку – какие мозги надо иметь?

– Я-то шел не в одиночку...

Мураш виновато понурился, но тетка тут же осадила племянника:

– Он-то все правильно сделал: в минуту опасности побежал за помощью. Если будем помалкивать в тряпочку, они нас тут всех рано или поздно перережут. Может, смерть Василия – только начало?

Тетка не на шутку растревожилась. Мураш до этой минуты следовавший за хозяевами молча и не отставая ни на шаг, вытаращил глаза на старую учительницу.

– Начало чего, Зоя Ивановна?

– Тебя, между прочим, жена искала. Шел бы ты домой, Кеш.

Насчет Кузьминичны Иван Ильич почти не соврал: она начинала искать мужа, едва тот скрывался с горизонта. Скукожившись обратно в себя, Мураш направился к выходу, а уже на пороге оглянулся на хозяина и приглушенно спросил:

– А знаешь, почему я так с призраком сплоховал?

– Почему же?

– А потому что Васька-покойник туда целую неделю после Нового Года мотался! Утром зайдет, днем выйдет. Примелькался он мне прям. А тут гляжу: полушубок его, да место то же... ну, и глаза уже не те. Вот и попутал малость. А когда-то ведь на фазана ходил, его попробуй в траве разгляди!

– Ну так!.. – рассеянно отозвался Иван Ильич. – А чего бы Василию на базе делать? Он же громче всех выступал против стройки.

– Кто ж его знает. Я не спрашивал, – Мураш махнул рукой. – Ладно, домой надо, дела...

– Бывай, – пробормотал хозяин, когда за гостем закрылась дверь.

Глава шестая

Остаток предыдущего дня Иван Ильич помнил смутно. Ближе к вечеру сходил в дом Василия проведать кота, потом поужинал под ласковое бурчание тетки – но эти события остались в памяти вехами, грубыми зарубками, не более того. И наутро голова гудела, как с похмелья, хотя вчера ни капли в рот не взял. Внутри вертелась единственная мысль, и другим не оставалось места.

Какого хрена произошло?

Чтобы Василий ходил на базу – по собственной воле и регулярно – невозможно было представить. Стройку он возненавидел с первого бульдозера. Простой работяга, прибывший сносить заводские развалины, пробудил спящего Кибальчиша. Он как пес цепной кидался на каждую незнакомую машину, сам ездил в райцентр добиваться правды, но получил только совет не высовываться.

Так-то закон нас защищает от бандитов... Отжали пляж у деревни – все нормально, строят базу на спорной территории – вообще отлично, разгуливают в одежде покойника – никаких вопросов!

А у Ивана Ильича вопросы были. И ответы на них рано или поздно найдутся. От этих дум и взаправду хотелось выпить, но он держался. Не с утра же! Кроме того, судьба полушубка оставалась невыясненной. Идти снова на разведку к охранникам не очень хотелось. К тому же теперь они оказались в числе подозреваемых.

За завтраком, глядя в глазунью, заботливо приготовленную теткой, Иван Ильич вспомнил, что одна голова хорошо, а две – лучше.

– Теть Зой, – сказал он, берясь за нож и вилку, – как думаешь, убийца стал бы надевать одежду жертвы?

– В книге? – бесстрастно осведомилась Зоя Ивановна. – Мог, на этом немало сюжетов построено. Вот, «Всадника без головы» вспомни, хотя там, кажется, было наоборот...

– Ну, в книжках-то по-разному бывает. А в жизни? Вот убил человек человека, потом взял и напялил то, что на нем было – нормально это?

– Нет, конечно. Это же улики. Сам себя выдает. Нет, так только умственно отсталый или дегенерат будет делать.

Он с новыми силами напустился на яичницу. Мысли тетки были созвучны его собственным: по крайней мере, Лысый охранник ничего не знал о преступлении, иначе просто не надел бы полушубок. Насчет «дегенератов» Иван Ильич тоже сомневался. Слишком мало данных.

И вообще, чего он их сразу в бандиты записал? Парни молодые, в криминальном мире наверняка еще мелкие сошки, может, с «мокрухой» и вовсе не имели дела. Работа-то у них вполне безобидная: закрытую на зиму базу охранять. А тут вам не город, тут наездов не бывает. Если и воруют, то тихонько. Так что от сторожа в деревне требуется не твердая рука, а скорее дисциплина, чтоб не пил беспробудно.

К сожалению, все эти рассуждения не давали ответа на главный вопрос: как полушубок оказался на базе?

К счастью, ответ пришел сам. Точнее, приехал. Около полудня тонированный «Гранд Чероки» перемахнул через здоровенный сугроб, будто того вовсе не было, остановился перед крыльцом и бибикнул. Стайка воробьев сорвалась с крыши сарая и унеслась прочь, а из дома вышел Иван Ильич. Он бесстрашно глядел в зеркальную черноту лобового стекла, хотя на душе было беспокойно. Черт знает, что и кто там внутри.

Словно учуяв его темные мысли, владелец машины опустил боковое стекло и, высунув наружу руку в кожаной перчатке, сделал приглашающий жест. Иван Ильич подошел. Незнакомец улыбнулся.

– Здорово отец. Я – Дмитрий, а тебя как звать?

– Иван Ильич.

Едва ли бандит принял эту информацию к сведению.

– Садись, поговорим.

Такое радушие удивило отставного моряка. С подобными типами приходилось иметь дело еще в начале девяностых, когда из Японии стали возить машины. На рейде в порту приписки было две беды: бандиты и таможенники. Что одни не отберут, отождут другие. Причем столкнуться с рэкетирами было даже предпочтительнее – этим хотя бы можно дать отпор.

А Дмитрий почему-то больше походил на таможенника, чем на криминального авторитета.

Иван Ильич сел на пассажирское сиденье и захлопнул дверь. В салоне было тепло, пахло кожей и женскими духами. Бандиту за рулем было не больше сорока. Неплохо одетый, подтянутый, с аккуратным ежиком на голове... Он продолжал улыбаться, и это начинало пугать.

– Стало быть, это ты моих ребят напряг вчера?

– Должно быть, я... – осторожно ответил Иван Ильич. – Не на ровном месте, прошу заметить.

– Ясное дело! – кивнул бандит. – В одежде с покойника ходить – непорядок. Пацан уже все понял и осознал. Только ведь он не в курсе был, что полущубок с историей.

– Точно не в курсе?

– Сто процентов. Сам мне сказал. Нашел, говорит, на территории у ворот. Теплый такой, хороший – ну и не смог устоять. Холода у вас тут какие, а мои пацаны из города приехали, не подготовились как следует. Им с базы запрещено выходить, да и нет в деревне бутиков – вот и мучаются... Мерзнут, – пояснил бандит, заметив непонимание на лице собеседника.

– Нашел, значит... А когда?

– Да вот на Крещение, с ранья. Обходил утром, часиков в восемь, территорию, смотрит – полущубок лежит. Бесхозный. Соображаешь? Притащили его да забросили через забор.

– Соображаю, – задумчиво кивнул Иван Ильич. – Стало быть, до восьми это случилось. И что, ваш... сотрудник вот так запросто надел?

– Ну... – бандит откинулся на спинку сиденья, прикурил от «Зиппы», шелчком открыл пепельницу. – Он подумал, что кто-то из местных их пожалел. Ты ж сам видел в какой херне пацаны ходят: кожанки на рыбьем меху. По городу нормально, а тут – только дуба дать.

Иван Ильич вытащил сигареты, нерешительно повертел пачку в руках и засунул обратно в карман.

– Это верно. А почему вы мне это все рассказываете?

– Для обеспечения взаимопонимания, – по гладко выбритому лицу снова расползлась ухмылка. – У вас же на этой почве вчера конфликт случился.

– На этой. Тут я сам виноват: надо было повежливей, да опасался, что разговаривать не захотят.

– Да я без претензий, что ты, отец. И пацаны не в обиде. Правильно сделал, что глаза на проблему раскрыл... только в другой раз выражения подбирай аккуратнее. Они у меня суровые.

Иван Ильич припомнил свой вчерашний тон и сам чуть не испугался. Старый дурак! Мог ведь зубов недосчитаться или чего похуже. На что только ради дружбы и ради правды не пойдешь. Как в книжках, честное слово. И теперь вот сидит в машине настоящего бандита – посреди деревни, но скрытый от глаз тонированными стеклами...

– Разволновался... Тот мужик, что полушубок на вашем охраннике заметил, вообще его за призрака принял. Сами понимаете, в каком настроении мы туда подошли.

– Ну а кто бы не волновался? Ты с покойником дружил, должно быть?

– Дружил.

– Ну а мои пацаны – не очень. Сам, наверное, знаешь...

Об этом вся деревня знала. Но в последнее время казалось, что Василий смирился с происходящим. Он снова сосредоточился на работе, да эта затея с крещенским купанием отнимала кучу времени и нервов...

– Ну, в целом все эти конфликты проходили без последствий, – справедливости ради заметил Иван Ильич. – Василий за словом тоже в карман не лез, мы даже удивлялись, как ему ваши строители такое с рук спускают.

– Те были не мои, – рассеянно ответил бандит и, наткнувшись на недоумевающий взгляд собеседника, неохотно пояснил: – Я базу не строил, уже готовую купил.

– И Василий знал об этом?

– Понятия не имею. С чего бы?

– Да просто я в курсе, что он на праздниках часто на базу заглядывал, – ответил Иван Ильич с простодушным видом.

– Вон что, – усмехнулся Дмитрий. – Тут секретов никаких: он мою жену рисовал. Неделю ему позировала. А к чему ты это дело вообще копаешь? Там же явное самоубийство, никакой уголовщины.

– А это вы откуда знаете?

– К участковому вашему заехал на чаек, полюбопытствовал.

Иван Ильич мысленно обругал Назаренко последними словами. Сам не работает и другим не дает.

– Не похоже это на самоубийство, – прямо сказал он. – Я Василия знал лучше, чем кто-либо, накануне с ним виделся.

– Дело твое... Ты главное ребят моих больше не зли – молодые, горячие. Хорошо, сообразили мне позвонить, хотя раньше следовало, конечно, тех же шмоток теплых заказать. Молодые еще, стеснительные, – хохотнул Дмитрий. – Ну, ничего. Я понавожу тут дисциплину. Отдохну еще пару дней. На праздниках с неделю на базе прожили – красота.

– И не заскучали в деревне-то за неделю?

– Жена не дает заскучать. Она у меня – у, какая.

Описывая супругу, бандит сделал руками размашистый жест в воздухе и снова засмеялся. На этот раз почти по-доброму. Любит, видать. И вообще, может, просто смешливый мужик, а не техника запугивания у него такая.

Иван Ильич взялся за ручку дверцы, собираясь прощаться.

– Рад, что мы все выяснили. Хорошо вам отдохнуть.

– Погоди, – бандит взял его за локоть. – Главное, отец, давай определимся окончательно... Мы тут шухер наводить не планируем и с местными спор не хотим. База стоит, летом заработает – и вам хорошо будет, и нам. Народ в деревню потянется, в магазин деньги пойдут, у бабушек ваших будут молоко туристы покупать. Сами ж начнете комнаты сдавать. В общем, давайте жить дружно, и чтоб мои пацаны ночью за огнетушители не хватались, ясно?

Как там у классика? Довольно обидные ваши слова! Как будто они тут в деревне совсем дикие: так вот запросто возьмут и пожгут... Иван Ильич хмыкнул, мысленно представив базу: между домиками расстояние приличное, на земле снег, опять же охрана по ночам бдит – тут на раз-два не получится. Напарник нужен, и лучше не один, горячее – а это шум, время, деньги. Кому охота возиться?

– Поджигателей у нас не водится. Всего хорошего! – обронил он, и полез наружу.

– Погоди, отец, – Дмитрий тоже вышел из машины, открыл заднюю дверь и вытащил оттуда объемный пакет. – Это тебе вот. Держи.

– Что такое?

Иван Ильич растерянно взял подарок. Увесистый, а внутри что-то подозрительно булькает.

– Как что? Друга помянешь. Это дело святое.

– Святое...

Получить взятку от представителя криминального мира – неожиданно. И где-то даже приятно. Но допустимо ли?

– И это тоже забирай, нам чужого ни к чему, – вслед за магарычом с заднего сиденья на свет извлекли полушубок Василия.

В тот же момент машина вздрогнула и застонала: на капот с крыши сарая приземлился пятикилограммовый кот. Иннокентий смотрел на бандита и шипел, выгнув спину белоснежной дугой. Это пугающе комичное происшествие привело потенциального взяточника в себя. Да и при виде важнейшей улики сомнения рассеялись.

– Вот это забери, а подарков не надо, – Иван Ильич сунул пакет в руки Дмитрию и сгреб полушубок в охапку. – До свидания.

Кот спрыгнул с капота на крыльцо и с равнодушным видом разглядывал окрестности. Бандит сел в машину.

– Бывай, отец, – и дал по газам.

Иван Ильич проводил взглядом внедорожник, подхватил кота под теплое пузо свободной рукой и вошел в дом.

– Это что такое? – изумилась тетка, выглянув в прихожую. – Ты где хвостатого взял?

– Полушубок вот вернули... А Кешка сам прибежал. Как только из дома вылез – через погреб наверняка, – он вспомнил, что Василий один продох в завалинке всегда держал открытым, чтобы кот мог выбраться в случае чего.

– И что теперь с ним делать?

– Я у тебя хотел спросить... может, оставим все-таки? Пропадет ведь зверь, когда Петр дом продаст. Глянь какой красивый.

Тетка наклонилась и вгляделась в мерцающие в полумраке прихожей глаза.

– Ух, морда хитрая. Представляю, сколько он ест. Не прокормим. Нет, Ваня, и не проси.

Скрестив руки на груди, Зоя Ивановна сурово покачала головой, давая племяннику оценить глубину собственной непреклонности. Он вздохнул, поудобнее перехватил полушубок, пристроил сверху кота и заявил:

– Ладно, отнесу пока обратно. Но деваться животине некуда, так и знай.

Тетка кивнула.

– За хлебом зайди, если успеешь. Я машину видела, должны были свежего привезти. К ужину колбаски с капустой по-немецки, тут эти сухари прошлогодние не годятся.

Идти через всю деревню с полушубком и котом в охапке оказалось не слишком приятно. Односельчане так и тарасились из окон, а встречные спешили поздороваться и тут же принимались расспрашивать, что, куда и как. А что он мог им ответить? Полушубок. Кот. Василия. Несу обратно – не у себя ж держать.

Иннокентий не возражал, не рыпался, не пытался сбежать. Возлежал спокойно и зыркал по сторонам. У Ивана Ильича к концу пути совсем руки отнимались – шутка ли: пять живых кило да полушубок. Канадский. Приметный.

Во дворе бондаревского дома он с трудом выудил из кармана ключи и непослушными пальцами отпер замок. Толкнул дверь бедром и вошел на веранду. Кот спрыгнул на пол только на кухне, полушубок Иван Ильич с облегчением бросил на стол.

– Тяжелый ты, братец. На диету бы надо. Вот точно, созреет тетка – и будешь у нас жить, а она уж проследит за твоим питанием.

Как известно, человека отличает от животных способность к абстрактному мышлению – мы умеем представлять то, чего нет. Иннокентий такими глупостями не занимался. Призрак диеты угрожающе маячил на горизонте, но кот и в ус не дул. Он только подошел к пустой миске и требовательно мяукнул.

Покормив Кешу, Иван Ильич озаботился его дальнейшей безопасностью. Не дело это, когда зверюга лазит туда-сюда, что бы Василий себе ни думал. Он плотно закрыл люк погреба – до сих пор крышку подпирал кирпич, оставленный заботливым хозяином, – и погрозил коту пальцем.

– Не убежишь теперь!

Потом вспомнил о полушубке. Тот сиротливо лежал на столе и ждал своей участи. Важнейшая и пока единственная улика в этом деле – что она могла рассказать доморощенному сыщику? Речная вода, если и попала на нее, давно высохла – ветром и морозом выбивало малейшие частицы влаги из любой ткани.

– Ну и что ты можешь рассказать полезного по делу? – пробормотал Иван Ильич, разворачивая полушубок на столе.

В карманах ничего полезного не нашлось – так, пара табачных крошек да старая зажигалка. Даже рабочих перчаток Василия там не оказалось, а ведь дома и в сарае тоже не было. Не пошел бы он на реку с голыми руками.

Если Лысый побрезговал зажигалкой, то и перчатки – тоже, между прочим, приметные – вряд ли зажалил бы, возвращая полушубок. Значит, их оставил у себя неизвестный вор?

Иван Ильич убрал полушубок на вешалку. Этот след обрывался. Но оставался еще один.

Если Дмитрий не соврал, портрет должен был найтись среди других картин Василия. В мастерской их несколько десятков, если не считать тех, что хранились в свернутых холстах, без подрамников. Со свежей работой художник бы так не поступил, тем более, в ближайшее время он наверняка собирался ее демонстрировать.

Иван Ильич прошел в комнату и принялся разворачивать картины лицом к себе. Среди пейзажей и натюрмортов мелькали и лица, некоторые показались знакомыми, но жены Дмитрия среди них не было.

Такую женщину сложно не узнать. Высокая, стройная, с каштановыми волосами и гордым подбородком. Она каждое утро выходила на пробежку по пляжу – в любую погоду. Мураш об этом еще в декабре по деревне растрепал, да многие и сами видали. Жена Дмитрия была намного моложе его, лет двадцати пяти, не больше. Неудивительно, что мысль о брачных узах, связывающих «бандита» и «городскую шмару» никому даже не пришла в голову.

Иван Ильич вернулся на кухню и сел перед холодной печкой. Знакомый дом впервые показался ему неуютным: ведь столько лет Василий здесь провел в одиночестве и тишине! Их детская дружба вспыхнула с новой силой, когда старый моряк сошел на берег и обосновался в деревне, но, если вдуматься, Василий все отмеренные полвека с лишним прожил особняком.

Иван Ильич помнил мечтательного парнишку, над которым смеялись деревенские ребята. Это их и сблизило: маленький Ванька тоже популярностью среди местных не пользовался. Противостоять гогочущей ватаге всегда легче вдвоем. Потом «училкин подкидыш» окреп, стал давать достойный отпор и заработал кое-какой авторитет среди мальчишек. Его лучшего друга тоже скоро перестали задирать.

После школы их дорожки разошлись в первый раз. Ивана Ильича ждала служба на флоте, а Васю – художественное отделение Института Искусств. За несколько лет, прожитых в городе, они виделись от силы дважды.

Уже потом он узнал, что Вася бросил художку и вернулся в деревню. Помнит, с каким изумлением читал теткин письма. Что случилось с его другом? Ведь он только и мечтал,

что рисовать – и вдруг... Иван пообещал себе при следующем визите на малую родину все разузнать, но вышло иначе.

Вышло так, что в деревне он первый раз объявился только через год, с невестой – и ни на шаг от нее не отходил все время побывки. Может, с другом вовсе и не виделся в тот раз. Теперь разве вспомнишь...

Потом были долгие рейсы и короткие наезды домой. Случалось и отпуска проводить у тетки после развода. С Василием тогда, конечно, встречались не раз. Сидели. Молчали – каждый о своем. Как-то так у мужиков принято, особенно когда есть, о чем молчать.

Так и вся жизнь в тишине прошла.

Ну и ладно. Смерть Василия он замалчивать не позволит. Полиция может бездействовать, брат – до бесконечности убеждать себя, что не было убийства... Кстати, Петру бы надо позвонить, рассказать об истории с полушубком.

Кот после трапезы не стал умываться, а запрыгнул на табуретку и свернулся калачиком, спрятав нос в меху. Иван Ильич встрепенулся и принялся растапливать печь. Скомканная газета вспыхнула от шипящей спички, пламя быстро перебежало на щепки. Горячий дым загудел в трубе, согревая старые кирпичи, унося прочь из избы дурной воздух и дурные мысли.

Иван Ильич прикрыл дверцу и закурил.

С другой стороны, подумалось ему, зачем Петру звонить? Только побеспокою лишний раз. Еще пошлет куда подальше – и что тогда? Он, по сути, единственный родственник, который может потребовать дополнительного расследования. И важнее всего – перетащить его на свою сторону, собрать побольше доказательств того, что Василий умер с чужой помощью.

Убили его.

Эта мысль была дурнее прочих. Иван Ильич невольно сжал кулаки, сминая зажженную сигарету. Он чертыхнулся и подул на левую ладонь, посреди которой пылало красное пятнышко ожога. Впрочем, он был почти что рад – думать об убийстве лучшего друга оказалось еще больнее. Пусть лучше так, на самом деле. Авось быстрее пройдет.

Кот, будто почуяв неладное, запрыгнул к нему на колени. Иван Ильич рассеянно почесал Кешу за ухом здоровой рукой, и тот заурчал. Впервые, надо сказать. Когда он бывал тут в гостях, кот и близко не подходил, тем паче в руки не давался. А теперь вот... Принял, значит. Признал.

– Ты по хозяину-то скучаешь? – спросил Иван Ильич, пытаясь поймать взгляд янтарно-желтых глаз. – Говорят, вы к нам вообще не привязываетесь. Да и хрен бы с ними, пусть говорят. Я вот собак не люблю: шумные, все скачут, в лицо лезут. Мы дочке как-то подарили щенка... давно... Мороки было! Все шнурки мои сгрыз. Ну, он с ними остался жить, конечно. Джеком звали. Ванильные сухари любил...

Воспоминание двадцатилетней давности неприятно поразило его. Пес-то давно издох, а память вон какие фортели выкидывает. Иван Ильич не любит думать о прошлом – что-то в этом есть неправильное. На дворе двухтысячный год, а ты вдруг оказываешься в восьмидесятом. Брежнев по телеку, дочка в садик идет, жена тайком таскает ванильные сухари в кармане плаща, потому что заводчик настрого запретил...

Да и пес бы с ней, неправильностью, но отчего так горько-то? Оттого, что жизнь прошла? И зря прошла, судя по всему?

Кот свернулся клубком и задремал, не прекращая урчать. Иван Ильич осторожно погладил его по голове и затих. Так и сидел, время от времени вороша в топке поленья. Когда печь прогорела, небо за окном налилось оранжевым светом. Теперь уж точно не до звонков – в лавку бы успеть.

Едва ли не с извинениями спустив Кешу на пол, Иван Ильич поднялся со скамеечки и потер затекшие колени. Впрочем, онемение было приятным. Все-таки правду говорят: коты лечат. Душевные хвори – так определенно. Из дома он вышел, можно сказать, в приподнятом

настроении и зашагал к магазину, прикидывая, рассердится ли тетка, если купить еще и пива? Пропустить за ужином по стаканчику – грех небольшой.

Глава седьмая

На крыльце магазина разыгрывалась необычная сцена: отец Геннадий о чем-то горячо спорил с... супругой Дмитрия. Она была как всегда хорошо одета, голову держала высоко и, судя по усмешке, гуляющей на подкрашенных губах, эту неожиданную проповедь воспринимала со скепсисом. Иван Ильич тоже ничего не понял – ветер донес лишь пару крепких словечек, которые при дамах обычно не употребляют.

И что в таких случаях полагается делать деревенскому атеисту-интеллигенту? Напомнить зарвавшемуся служителю культа о правилах хорошего тона или сохранять благоразумный нейтралитет? Иван Ильич даже шаг замедлил, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию...

В магазинном окошке плющила нос Кузьминична, жадно внимая пастырю сквозь стекло. Впрочем, тот в пылу не замечал ни преданной прихожанки, ни соседа-безбожника, в нерешительности топчущегося неподалеку. Молодая женщина увидела Ивана Ильича первой, порядочно смутилась и что-то наконец ответила священнику, после чего невозмутимо спустилась с крыльца и пошла вниз по улице.

Отец Геннадий с минуту глядел ей вслед, а потом тоже отправился восвояси, молча кивнув соседу. Отлипнув от стекла, Кузьминична скрылась в глубине магазина. Над деревней сгустился мирный зимний вечер. Иван Ильич облегченно вздохнул и вошел внутрь.

– Добрый вечерок, – приветствовал он хозяйку. – Слышал, хлебушек свежий завезли...

– Есть такое. Тебе сколько?

– Да булки хватит, потом еще зайду... И пива пару бутылочек, – добавил Иван Ильич, когда на прилавке появился румяный кирпичик в целлофановом пакете.

– Не частишь?

– Что за красавица сейчас вышла? – он разумно пропустил мимо ушей бестактное замечание бывшей одноклассницы.

– Да бандитская баба. Не слышал, что ли? Хозяин на базу приехал, да кралю с собой привез. Отдыхают вроде как. Каждый день баню топили. Там прямо в хозяйском большом доме – баня, – хриплым шепотом закончила Кузьминична.

О супруге бандита Димы Иван Ильич знал, между прочим, из первых уст. Что касается бани... ничего предосудительного в такой чистоплотности он не видел. Сам бы ходил каждый день, дайте дров только. И баню.

Собственная ванная в деревне – это, конечно, роскошь, но Иван Ильич с удовольствием бы обменял ее на хорошую парилку, да чтоб рядом с морем. Выйдешь на крылечко – и в воду. Хоть летом, хоть зимой! Он даже зажмурился, представляя такую благодать. Кузьминична истолковала это выражение лица по-своему.

– Во, и этот туда же! Вы и на пенсии все об одном думаете, кобели!

– Что, и отец Геннадий тоже? – деланно удивился Иван Ильич, в очередной раз закрывая глаза на несправедливые обвинения.

– Да побойся бога! Этот и зайти не успел. Она только расплатилась, вышла на крыльцо – слышу ругань. Ну, я к окошку, а там... Отец Геннадий на эту наседает, руками машет – я уж испугалась, залепит он ей леща! И чего делать? Вроде и правильно, а с другой стороны и грех!

Иван Ильич понимающе кивнул.

– Да видел я. А в честь чего он даме выволочку сделал? Вроде одета прилично, да и сам мужик молодой, должен бы понимать.

– Я так думаю, батюшка-то наш совсем того... – вздохнула Кузьминична. – Все-таки выпишу по весне племянницу в гости.

– Зачем племянницу?

– Ясное дело – зачем. Жениться отцу Геннадию надо, пока окончательно крышу не сорвало. Заберут в желтый дом – и кто о душах ваших думать станет?

– Чьих это – наших?

– Ваших, алкашовских.

Не удержавшись, Иван Ильич фыркнул. Кузьминична не без основания считала пропащими всех выпивающих безработных мужиков, но его, молодого пенсионера, в эту категорию записала впервые. Собственная душа хозяйки магазина наверняка хранилась где-то в надежном месте, аккуратно сложенная и оснащенная инвентарным номером.

Ниже всех в сложной картине мира Кузьминичны находился ее собственный муж. Мураш не работал, не получал пенсию и обладал самой поганой кличкой в деревне. Впрочем, стараниями супруги пару лет назад он оформил инвалидность. Односельчане даже не знали, на каком основании. Сам инвалид на все расспросы туманно отвечал: «Нервы». Выплаты получал на сберкнижку, чтоб не пропивать.

– Ты все-таки зря на отца Геннадия наговариваешь. Ну, психанул – с кем не бывает. Одичал у нас в деревне, а тут женщина молодая, хорошо одетая, незнакомая...

– Да как же незнакомая? На Рождество, помню, забежала в церковь, тут Васька навстречу, как ошпаренный... А внутри отец Геннадий с этой, – Кузьминична выразительно кивнула в сторону двери. – Соображаешь?

– Пока не очень, – признался Иван Ильич.

– Я так считаю, она приходила грешки замаливать. Думала, в деревне священники добренькие, а тут на нашего нарвалась. Ну, Васька и послушал ненароком, как бабы молодые в городе живут. А ему, бобылю, много ли надо? Коза эта тоже быстро ушла. Мне, конечно, тоже любопытно было, да отец Геннадий насчет исповеди строго.

– В этом как будто и смысл...

– Тебе-то, безбожнику, откуда знать?

– В книжке теткой вычитал.

– Да уж... В детстве старухи грамотнее нынешних были, когда дело бога касалось... Я помню, как Зоя Ивановна нас атеизму учила, – протянула Кузьминична, – а сейчас вон как, все по-другому. Уже мы ее можем кое-чему поучить.

В этом Иван Ильич сильно сомневался. Расплатившись, он попрощался с хозяйкой и пошел домой. Про себя решил при случае поговорить с отцом Геннадием: с чего он так взбеленился? Но это подождет. Сегодня к соседу лучше не лезть.

– Стой! – донеслось сзади.

Его догнала запыхавшаяся Кузьминична. Выскочила на мороз в чем была.

– Забыла совсем. Про Ваську-то статья вышла.

– Что за статья?

– Да в газете! Прессу же свежую подвезли! – она сунула ему в руку газету. – Вот, держи. Деньги потом занесешь.

Зябко стянув на животе полы вязаной жилетки, Кузьминична затрусилась обратно к магазину. Иван Ильич в недоумении взглянул на титульный лист – разворачивать газету на морозе не хотелось. В сгущающихся сумерках черные буквы с неохотой сложились в заголовок:

«Что имеем – не храним: Приморский «Айвазовский» умер в неизвестности – стр. 5».

– Ишь как, – пробормотал он. – Обозвали красиво, а место только на пятой странице нашлось.

Сунул газету в карман брюк и пошел домой.

Глава восьмая

– Теть Зой, я пришел! – крикнул Иван Ильич из прихожей. – Держи свой хлеб!

Зоя Ивановна вышла ему навстречу и взяла авоську.

– Отнес кота? А это что такое звенит?

– Отнес, протопил, накормил... Нам хлеба свежего купил и пива взял по бутылочке хорошего.

– С ума сошел: мне – пива?

– Ты ж говорила, колбаски домашние с капустой. А к ним пиво необходимо – у европейцев спроси.

Иван Ильич повесил куртку, отобрал назад авоську и прошел на кухню. Тетка проследовала за ним, скептически качая головой.

– Где мы и где Европа? Все-таки по географии ты всегда слабоват был.

– Я по морям ее выучил. Китайцы, между прочим, тоже пиво уважают, но мы сегодня все-таки поужинаем по-европейски. Культурно, – он поставил на стол покупки и выложил рядом газету. – Свежую прессу почитаем, поговорим об искусстве.

– Газету купил? – изумилась Зоя Ивановна. – Что-то ты совсем сегодня разгулялся. Ну, понятно: пообщался с бандитами – и вспомнил городскую жизнь.

– Я вообще-то в городе с порядочными людьми общался... в основном. А за газету даже не платил – Кузьминична дала сама. На мороз за мной выбежала, представляешь?

– Чего это на нее нашло? Интересное что-нибудь напечатали?

– А вот сама погляди.

Он поднес газету к глазам тетки, расставляющей тарелки на подносе. Она прочла заголовков и ахнула:

– Неужели про Васю? И как узнали?

– Так на его похоронах сплошной бомонд собрался. Плюнешь – в творческую личность попадешь, я один был нормальный. Написать кто угодно мог, – Иван Ильич развернул газету и прочел подпись под нужной статьей: – Сергей Горобец какой-то. Первый раз слышу.

– Странно, что они вообще за такую тему взялись, – заметила Зоя Ивановна, неодобрительно покосившись на соседнюю страницу, где красовалась полуобнаженная девица со спиннингом в руках.

Что правда, то правда. В былые времена газета «Плоскодонка» печатала интересные материалы для рыбаков-любителей: как залатать лодку, для чего какая наживка – а также своевременно оповещала о нересте лососевых и запрете на их вылов, параллельно публикуя инструкцию по извлечению икры.

Перестройка изменила это приличное, в общем, издание до неузнаваемости: страницы наполнились рекламой снастей, чернушными отчетами о браконьерских рейдах и, разумеется, обнаженкой, ради которой «Плоскодонку», в основном, и покупали. Иван Ильич рыбалку тоже уважал, поэтому время от времени ее почитывал.

Каким, интересно, образом желтую газетенку мог заинтересовать местный художник?

Иван Ильич присел на краешек стула, вглядываясь в отпечатанные плохой краской строки.

– Да ты вслух читай, мне же тоже интересно! – потребовала тетка.

И он прочел:

«На трагической ноте оборвалась жизнь талантливого приморского художника Василия Петровича Бондаря. Одиночество, равнодушие публики и безденежье толкнули его на край

проруби в роковой день. Собравшимся для Крещенских купаний односельчанам пришлось отложить свои планы, чтобы воздать дань уважения последней жуткой инсталляции художника...»

– Это он серьезно?

Зоя Ивановна даже хлеб резать перестала. Так и замерла с ножом в руке, надеясь, что племянник опровергнет ту ересь, которую только что прочел. Увы, ничего утешительного Иван Ильич любимой тетушке сказать не мог.

– Так и написано, – кивнул он. – Дальше читать?

Тетя махнула рукой и снова склонилась над разделочной доской. Иван Ильич продолжил:

«Василию Петровичу было пятьдесят четыре года. Большую часть жизни он провел в родном селе, за исключением нескольких лет учебы во Владивостокском институте искусств. Академическое образование художник не окончил, вернулся домой и более не покидал родных мест. Жизнь в окружении деревенских пьяниц удивительным образом не отразилась на его творчестве: многочисленные полотна Бондаря наполнены светом, радостью, передают предвкушение чуда...»

– Смотрите, искусствовед какой! – фыркнула Зоя Ивановна. – Куда нам, алкашам деревенским, до него!

– О, точно, пиво забыл открыть!

Иван Ильич отложил газету, взял запотевшую с холода бутылку и достал из ящика стола открывалку. С тихим чпоком крышечка выпустила облачко пара, и к ароматам свиных колбасок, наполняющим кухонный воздух, добавился запах хорошего пива.

– Подожди, я стаканы поставлю, – спохватилась тетка.

– Алконавтам стаканы ни к чему, – назидательно ответил Иван Ильич. – Только посуду переводить. Будем из горла. По-нашему, по-деревенски.

– Будем!

Они звонко чокнулись и пригубили холодное пиво. Тетка с непривычки чуть не поперхнулась пеной и рассмеялась. Иван Ильич взял поднос и пошел в комнату. На его лице тоже играла улыбка – статья, чего скрывать, оказалась забавная благодаря зашкаливающей абсурдности и щедро рассыпанным сантиментам.

В то же время на душе скребли кошки: из смерти лучшего друга устроили фарс. Может быть, для посторонних статья выглядела безобидной, но каково будет односельчанам читать это? Как бы отнесся сам Василий к такому пасквилю? Деревню он любил искренне и жил здесь добровольно. Люди, конечно, разные бывают, но сказать, что художника окружали одни алкаши, ни у кого язык бы не повернулся. Ни у кого, знавшего Василия лично.

А вот кто напел в уши журналисту? Что знал он?

Или она?

– Ешь давай, остынет! – вернул Иван Ильич к реальности голос тетки.

– А ты пей давай, – отозвался он, берясь за нож и вилку.

Зоя Ивановна отправила в рот кусочек жареной колбаски, сделала глоток из бутылки и вздохнула от удовольствия.

– Давно так хорошо не ужинали.

Иван Ильич что-то промышчал с набитым ртом. Колбаски удались на славу. Природа щедро одарила его тетку кулинарным талантом, к сожалению, обойдя вниманием раздел выпечки. Теперь, когда городские поставщики оправались после праздников и в магазине появился свежий хлеб, опасаться новых порций плюшек не приходилось. Это воодушевляло.

Дальше он читал про себя, озвучивая для тетки лишь самые удачные цитаты.

– Смотри-ка, вон почему «Плоскодонка» за эту историю взялась: тут написано, что Василий пять лет отработал у нас на консервном заводе. Когда такое было?

– В восьмидесятых, – наморщив лоб, живо вспомнила Зоя Ивановна. – Отец уже плохой был, мать давно дома сидела, пенсии маленькие – вот он и пошел. С деньгами туго было. Скотину Вася один не держал, а с огорода разве проживешь. Потом уж Петр родителей к себе забрал, полегче стало, должно быть.

– А ведь такой момент биографии не каждый знает, как думаешь?

– Не каждый, конечно. Кто ж ему мог рассказать?

– Петр разве что... Хотя из деревни немало народу в город уехало, но на похоронах я никого из знакомых не видел. Одни художники. Может, он переписывался с кем-то?

Зоя Ивановна пожалала плечами. Почтальон приезжал в деревню исправно, развозил пенсии и опустошал ящик для писем, установленный рядом с телефоном. Молчаливый, вечно хмурый мужичок выполнял свою работу без лишних слов. В деревне близких знакомств не имел.

Василий вполне мог поддерживать переписку с кем-нибудь из города. И если этот человек присутствовал на похоронах... Иван Ильич впервые пожалел, что ни с кем там нормально не познакомился, даже с соседками по застолью. Может, дамы были и не самые симпатичные, зато могли что-нибудь поведать о другой стороне жизни Василия, о которой никто в деревне не знал. Даже лучший друг.

Единственным способом все выяснить был звонок в редакцию. Номер телефона Иван Ильич нашел на последней странице, фамилию журналиста запомнил еще при первом прочтении. Сегодня уже поздно, а завтра утром – в самый раз.

На следующий день он проснулся не рано, позавтракал, оделся потеплей – на улице было морозно – и пошел к телефону. За углом церкви размеренно стучал топор – отец Геннадий сам заготавливал дрова для здешней печи. Иван Ильич воровато проскочил к телефону и набрал загодя переписанный номер.

Слушая длинные гудки в трубке, он слегка нервничал. Застанет, не застанет? По его расчетам, рабочий день в городе уже должен был начаться, хотя черт знает этих журналистов.

– Редакция, – молодой голос звучал не слишком приветливо, зато сразу дал понять, что номер набран правильно.

– Доброе утро, – поздоровался Иван Ильич. – Будьте добры, Сергея Горобца к телефону позовите.

В трубке брякнуло, потом щелкнуло, и сквозь редакционный гул он услышал, как выкрикивают фамилию журналиста. Ждать пришлось не меньше минуты, наконец бодрый мужской голос ответил:

– Горобец на проводе.

– Приветствую. Это из села Двупалое беспокоят...

– Двупалое... Погодите, я ведь про вашего художника недавно писал!

– Точно, про Василия. О нем и речь, – Иван Ильич пожевал губами – качать права и жаловаться он не привык. – Нехорошо со статьей-то вышло, Сергей.

– А что такое?

– Да вы, можно сказать, походя всю деревню обидели. В алкаши нас записали.

– Ну, из песни слов не выкинешь, – рассмеялся журналист. – Пьют в деревнях у нас? Еще как пьют. В командировки регулярно езжу, да и знакомые у меня самые разные. Легко жилось в ваших краях художнику? Вот готов поспорить, что нет.

– А кому легко сейчас? Василий сам был из простой семьи, жил и не жаловался. И никто его тут не притеснял сроду. Мы в одном классе учились, с детства знакомы – знаю, что говорю.

– Друг детства, стало быть? Ну а в последние годы как, много общались?

– Достаточно.

– Выпивали вместе, а? – голос звучал чуть ли не издевательски.

Разговор свернул куда-то совсем не в ту сторону. Иван Ильич, конечно, был наслышан об ушлых журналистах, но этот оказался просто мастером манипуляций. Теперь он сам себе

представлялся деревенским алкашом, спаивавшим слабохарактерного художника. А ведь не так все было!

– Вас это не касается, – наконец выдал он. – Я вообще о другом хотел поговорить. Понятно, что кроме чернухи в вашей газетенке ничего не напечатают...

– Гражданин... не знаю вашего имени-отчества... я ведь с вами вежливо разговариваю. Судя по голосу, журналист продолжал веселиться, однако слова и вправду следовало подбирать аккуратнее. И не в первый раз ведь уже язык его подводит.

– Иван Ильич меня звать. Друг Василия. Извините, если грубо вышло, просто статья и вправду далека от истины.

– Вы меня тоже поймите, Иван... У материала своя аудитория и свои цели. Без надрыва сейчас и читать никто не станет, всем накал эмоций подавай. Верите ли – пишу и морщусь. Но таковы правила игры.

– Игры, значит... – он сжал трубку в кулаке. – А чего ж вы не сказали тогда в своей статье, что Василия убили? Вот уж где надрыва – жопой ешь!

– Позвольте, Иван, позвольте. Во-первых, вы снова нервничаете. Во-вторых, за вранье меня по головке не поглядят ни читатели, ни руководство...

– А кто говорит о вранье? Это правда! Вот напишите, как все на самом деле было, – и хоть какая-то польза будет от вашей газеты!

Журналист снова рассмеялся, но уже как-то невесело.

– Только на понт меня не надо брать, пожалуйста. У вас есть какие-то факты, доказательства... подозреваемые, наконец? Языком трепать каждый может...

«Лапы, хвост и усы – вот мои доказательства!» – чуть было не ответил Иван Ильич, но вместо этого со всей дури шарахнул трубкой о рычаг. Телефон жалобно звякнул и перестал подавать какие-либо признаки жизни: ни коротких гудков, ни длинного, сколько ни вращай диск, как по аппарату ни стучи. Так деревня осталась без связи с материком; такое и раньше бывало, но по вине порядочного и трезвого гражданина случилось впервые. От этого порядочному гражданину стало совсем не по себе. Он воровато огляделся и достал сигареты.

Справедливое негодование Ивана Ильича, вызванное статьей в желтой газете, потихоньку оборачивалось против самого себя. Надо ж быть таким ослом! Журналист явно не пытался скрытничать, выдал бы свой источник на раз-два, если бы одного старого дурака черт опять не дернул за язык. Вот как проснется этот правдоруб внутри – тушите свет. Всем все скажет в лицо, не разбирая родных и друзей, наплевав на возраст и субординацию.

Иван Ильич шел вперед, засунув руки глубоко в карманы куртки и упрямо наклонив голову. Бормотал под нос: «Дурак! Старый дурак!» На душе было совсем гадко и очень хотелось выпить, но он только набылся еще сильнее и ускорил шаг. До того ли теперь? Если он хочет хоть как-то пролить свет на странную смерть Василия, надо научиться держать себя в руках – это и трезвости касаясь, и базара.

Ситуация-то все интереснее становится! Вот утонул человек – и в самоубийцы записали. Это в какой-то степени понятно. Назаренко неплохой мужик, но за место свое держится, ему «глухарь» в отчетности совершенно ни к чему. А без отчета о вскрытии рассуждать не о чем, но Иван Ильич подозревал, что ничего интересного там и нет. Патологоанатом не искала подозрительных зацепок, она думала, что работает с телом самоубийцы...

Потом этот полушубок... Даже если бандиты правы, и его на базу подбросили, то кто это сделал? Сам убийца, его сообщник или молчаливый свидетель? Впрочем, последний вариант даже рассматривать не стоит: место у реки тихое, уединенное, и спрятаться там негде. Свидетелей не было. По крайней мере, таких, о которых тут же не стало бы известно преступнику.

Опять же бандиты... То, что на выручку к охранникам приехал аж сам хозяин базы, само по себе интересно. А как он по-человечески общался, насколько был вежлив и обходителен – вообще ни в какие ворота. У Ивана Ильича в голове не укладывалось, что такой серьезный

мужик может взаправду опасаться простых деревенщин вроде него. Вооруженных топорами, вилами или хуже всего – спичками.

Ведь в их глушь пожарные исторически приезжали уже на пепелище, не поспедали просто. В былые времена добровольную дружину набирали из местных, а теперь... Шериф протокол составит – и дело с концом. А вложенные деньги, понятно, с деревенщин не стрясеешь.

И, наконец, статья в «Плоскодонке». Тут все в кучу: и неформат, и вранье, и неизвестные источники информации. Ему не известные. Потому что языком трепать надо меньше, а слушать – внимательнее.

– Поеду в город, – решил Иван Ильич. – Найду этого Горобца и разговорю, хоть он дерись.

За углом здания продолжал ритмично стучать топор. Иван Ильич решил поговорить с отцом Геннадием и направился на звук. Молодой священник, голый по пояс, стоял перед колодой. Рядом высилась груда свеженаколотых дров.

Лицо служителя культа покраснелось и блестело от пота, борода взмокла, мышцы спины и рук грозно бугрились под кожей без единого пупырышка – это на морозе-то! Типичный такой русский богатырь. Но Ивану Ильичу почему-то вспомнилась итальянская комедия «Укрощение строптивого». Герой фильма в исполнении Челентано хватался за топор при малейшем намеке на половое возбуждение. И киношный персонаж, и отец Геннадий оберегали собственное целомудрие. Впрочем, мотивы у них были совсем разные.

– Доброе утро, – поздоровался Иван Ильич, подойдя на прилично близкое расстояние.

Священник выпрямился, бросил быстрый взгляд на соседа.

– Привет.

– Бог в помощь.

Морозный воздух звенел тишиной. Безобидная, ничего не значащая в большинстве случаев фраза повисла в воздухе красной тряпкой. Иван Ильич заметил, как на шее молодого человека вздулись вены, но поспешил себя успокоить, что это от работы.

– Погодка-то сегодня – благодать, – ляпнул он.

Брови попа сдвинулись к переносице. Нужно аккуратнее вести беседу, пока собеседник окончательно не решил, что над ним издеваются.

– Статья про Василия вышла, слышали?

– Зоя Ивановна утром показывала, – буркнул отец Геннадий. – Печатают всякую муть, чего от желтой прессы еще ждать?

– Ну так! – радостно ухватился за спасительную нить Иван Ильич. – Покойника просто в грязи искупали, да и деревню вместе с ним.

– Журналисты...

Священник передернул плечами и снова взялся за топор. Иван Ильич, однако, не был намерен упускать возможность нормально поговорить.

– А знаете, – сказал он, пряча руки поглубже в карманы – мороз кусался, а перчатки оставил дома, – ведь я звонил тому писаке только что.

– Ну? – топор замер в воздухе. – А я-то слышу, вроде с городом ругаетесь. Высказали накипевшее?

– Газету его желтушной назвал разве что, но все равно обиделся.

На лице отца Геннадия мелькнуло подобие одобрения. Слабый ручеек беседы явно набирал силу. Иван Ильич оживленно добавил:

– И представьте, этот гад мне заявил, что ни слова неправды в статье нет. Разве что с эмоциями перегиб. Но по-другому, говорит, читать не будут.

– Да кто эту дрянь ради чтения покупать будет?

– Вот именно! Я даже тетке на растопку не беру, срам один.

Тут Иван Ильич малость приврал: «Плоскодонку» он последние годы покупал регулярно, хоть и нечасто. Кроссворды там были неплохие. Но тетке на растопку газету и вправду не давал, стеснялся. Обычно менялся с Василием на что-нибудь более приличное.

– Лишь бы горело хорошо, – отец Геннадий поставил на колоду очередную чурку. – А про Василия Петровича и вправду дрянь написали.

– А, главное, о том, каким он был – ни слова. Журналист, тоже мне... Нет чтобы приехать, поспрашивать – накидал биографию по верхам, да и все. А Вася... он ведь какой был... Честный, прямой.

– Трудолюбивый, – добавил поп.

– Точно, работы не боялся. Что рисовать, что руками чего-нибудь. Вон, прорубь та же...

– Да... я сразу не одобрил, а потом... думаю, прочувствовал его замысел. Теперь, впрочем, не могу так однозначно сказать.

Отец Геннадий опустил топор и, нахмурившись, оглядел плоды своих трудов. На скромный взгляд Ивана Ильича, такого запаса дров хватило бы на пару недель – батюшка явно увлекся.

– Много нарубили, – аккуратно одобрил он. – А насчет замысла не сомневайтесь, Вася от души работал.

– Вы серьезно? От души себе могилу готовил?

– Так вы не в курсе? Дело-то не такое простое. Самоубийством там даже не пахнет!

Священник серьезно посмотрел на него.

– А чем оно пахнет, по-вашему?

– Криминалом, – подумав секунду ответил Иван Ильич.

– Это серьезное заявление. А доказательства есть?

– Пока только улики. А доказательства обязательно будут.

– Вот когда будут, расскажите.

Бросив топор, отец Геннадий повернулся к собеседнику спиной и начал собирать дрова в охапку. Разговор был окончен.

Пожав плечами, Иван Ильич побрел восвояси. Неудачный день: с журналистом разругался, телефон вон сломал, да и с попом неловко вышло. С другой стороны, этот разговор получился самым долгим за все время их знакомства.

И вообще собеседник из отца Геннадия так себе. Про погоду ни-ни, про природу... даже об актуальных событиях – через губу. А чуть что: аудиенция окончена. Иван Ильич вздернул подбородок и хмыкнул. Молод батюшка, да крут. Гордыня заедает.

– Теть Зой, – сказал он за ужином, ковываясь в ризотто из китайского риса, – а что ты про нашего соседа думаешь?

Отец Геннадий сегодня решил поститься, и за столом были только Осинниковы. Тем не менее Зоя Ивановна покосилась на закрытую дверь и сделала круглые глаза прежде чем ответить.

– Что я о нем думаю... Хороший человек, честный, порядочный... – она подумала с минуту и добавила: – Иногда прямолинеен чересчур, ну а кто идеален?

Иван Ильич кивнул и подцепил вилкой щупальце кальмара, свернувшееся колечком на горке из риса.

– Поболтали с ним сегодня. Знаешь, он ведь до сих пор думал, что Василий это... сам.

– У отца Геннадия своих дел хватает. Он по деревне не бегает, вопросами людей не изводит...

Иван Ильич тут же набил рот рисом. Он давно привык пережевывать теткинны нравоучения. Это она не со зла, а по учительской привычке: из любой ерунды можно извлечь урок и обязательно – мораль. Проще перетерпеть, чем переучивать. Взять слово племянник решился только когда Зоя Ивановна слегка выдохлась.

– В общем, не знал он. А когда услышал, что дело криминалом пахнет... – Иван Ильич запнулся: очередной выуженный из тарелки морепродукт был вовсе неопознаваемым, – в общем, странно себя повел.

Кажется, мидия.

– Как странно?

Нет, все-таки осьминог.

– Да как будто и признавать такой возможности не хочет. Сказал: будут доказательства – приходите. Тоже мне, прокурор!

Может, вовсе гребешок?

Смирившись с неизбежностью, он отправил подозрительный деликатес в рот и облегченно выдохнул: морковка!

– Ну, сомнения и у меня есть. А журналисту этому позвонил?

– Поговорить толком не вышло, – уклончиво ответил Иван Ильич.

Глава девятая

На следующий день Иван Ильич решил покормить-обогреть кота пораньше: к вечеру по радио обещали метель. Сразу после обеда он вышел из дома и зашагал в сторону хутора.

Небо хмурилось. По нему изредка проносились рваные облака, на мгновение закрывая солнце, – ничего, в общем-то, не предвещало. Разве что ветер сильнее толкал в бока и норовил стащить шапку с головы.

Незапертые ворота и знакомую машину возле дома Иван Ильич увидел издалека. Он тут же ускорил шаг. Неизвестно, зачем приехал Петр, но пара вопросов для него давно назрела. Да и беспокойство о судьбе кота шевельнулось в душе: не выкинули бы хвостатого на мороз.

На веранде он помедлил, потом один раз стукнул кулаком в дверь и вошел. Петр на кухонном столе заворачивал в простыню одну из картин. С десяток других – уже упакованные в разную ветошь – стояли прислоненные к стене, и еще несколько ждали рядом своей очереди.

– Здорово, Петь, – Иван Ильич протянул новому хозяину руку, украдкой ища взглядом кота.

Петр ответил на рукопожатие.

– Как сам? – спросил он без особого интереса.

– Живем помаленьку. А ты чего, выставку организуешь, что ли?

– Организирую помаленьку, – Петр вернулся к прерванному занятию. – К марту.

Он явно не был заинтересован в поддержании беседы. Иван Ильич тихонько опустился на табуретку возле печки и достал курево.

– А знаешь, полушубок-то Васькин нашелся.

– Видал уж... – Петр кивнул на полупустую вешалку, где висел предмет разговора.

– И представляешь, где был? На базе новой!

– Ишь ты, – хмыкнул Петр.

– Ну! Охранник один в нем ходил. Я на него здорово насел, только без толку. На другой день главный их приехал, отдал. Извинился даже. Как я понял, конфликтов с местными они сильно боятся.

– Еще бы не боялись...

– Тебя тут вообще ничего не удивляет? – поднял брови Иван Ильич.

Петр ничего не успел ответить, потому что на веранде раздался топот, и в дверь ввалилась румяная с мороза Кузьминична.

– Здорово, ребята, – она совсем не удивилась присутствию в доме Ивана Ильича, впрочем, особой радости по этому поводу не выказала. – Бог в помощь! Чего это ты, Петь, картины заворачиваешь? На выставку, что ли?

– В марте будет, – коротко ответил хозяин.

– Ну?! Вот, Васька... и не дожил!

Кузьминична грузно опустилась на свободную табуретку, обмахивая лицо уголком шерстяного платка. Петр отставил в сторону очередную картину и в замешательстве оглядел гостей.

– Может, чаю сварганить?

– А можно, – согласилась Кузьминична. – У меня и пряничков как раз с собой есть.

Она вынула из кармана и положила на освободившийся стол кулек с мятными пряниками. Грамм триста или сколько там в совок вмещается. В общем, подготовилась тетка к серьезному разговору.

Печку топить Петр не захотел, и чайник вскипятили на газовой плите, стоящей на веранде; Василий ею пользовался в основном летом, чтобы избу не греть. Чистые чашки

нашлись в буфете, чай Иван Ильич не выбрасывал – что ему сделается? Через десять минут все сидели за столом и молча жевали пряники.

Кузьминична шумно прихлебывала из блюдца, Петр свой чай не трогал – ждал, когда остынет. Иван Ильич думал о коте, которого по-прежнему не было видно. Видать, придется позже все-таки тащиться через метель, чтобы обогреть хату да этого мерзавца найти.

– Дом-то худой совсем, – прервала молчание Кузьминична. – Ты ж, Вань, вчера топил, и вон как все выстудило.

– Ветер, – пожал плечами Иван Ильич.

Этот разговор ему не нравился. Несмотря на формальное одобрение Петра, неловко было напоминать, что шарисься по дому в отсутствие хозяев. Пусть и с благими намерениями.

– Худой, – покачала головой Кузьминична. – Ремонт надо, денег много уйдет...

– Кому надо, раскошелится, – отозвался Петр и залпом допил чай.

Соседка на секунду вытаращила глаза, а после как ни в чем не бывало спросила:

– А ты продавать-то за сколько думаешь?

– Тысяч за двести, не меньше.

– Да ты в уме?! Кто ж за столько купит? Развалюха-то, да на отшибе.

– Зато море рядом, городским другого и не надо.

– Это точно, – кивнул Иван Ильич.

– К лету еще приеду, – продолжил Петр, – подмажу-подкрашу – и с руками оторвут.

Кузьминична отставила чашку.

– Ну, тебе там, конечно, виднее. Совсем у городских мозги поотсыхали – такие деньги на старье выбрасывать.

– Дом не старее твоего, между прочим.

– Сравнил! Мы с Кешей – хозяйева, а Васька-покойник только малевать был горазд. Одинокий мужик – это вообще что такое? Совсем хату запустил вон.

– Так сосватала бы, пока жив был, – Петр глянул исподлобья, – теперь-то чего?

Кузьминична была заметно смущена. Даже перекрестилась.

– Что теперь судачить... Да и не мое дело.

На кухне снова повисла тишина. Петр тарабил пальцами по столу, разглядывая заснеженный огород за окном. Иван Ильич тоже нервничал: в присутствии соседки разговор то и дело уходил в ненужную сторону.

– А ведь у Василия-то завтра – девять дней! – вспомнила вдруг она.

– Разве? – поднял брови Петр.

– Ну а когда? Девятнадцатого утром погиб, завтра аккурат девять дней. Что, Петь, останешься? Помянуть-то надо. Мы поможем.

– Поможем, – поддакнул Иван Ильич, обрадованный переменной темы.

Петр качнул головой.

– Не могу. Дома дел по горло, с картинами этими еще разобраться надо. Я только на сегодня. И то поторопиться надо: метель обещали, не хочу в дороге застрять.

Кузьминична завязала кулек с остатками пряников, убрала в карман и с усилием поднялась.

– Без поминок брата оставлять – где такое видано? – пробормотала она под нос. – Мертвому ж покоя не будет! Ну, прощай, Петь. Счастливо, Вань.

Хлопнула дверь. Иван Ильич перевел взгляд на хозяина.

– Давай помогу, что ли. Вдвоем быстрее управимся.

Менее чем через час картины были готовы к отправке. Петр собрал их все, даже небольшие эскизы уложил в папку и забросил на переднее сиденье. Остальные полотна – на подрамниках или в рулонах – отправились на заднее сиденье и в багажник. Закрыв машину, Петр утер пот со лба:

– Галерейщик сказал, по морозу осторожно везти... Ну, за несколько часов ничего им не сделается.

– Печку посильнее врубишь – и нормально, – согласился Иван Ильич. – Кот Васин, жаль, так и не объявился. Ты не выпускал его?

– Не выпускал. Если тайком сквозанул, мог не заметить. Может, все-таки к себе забережь?

– Тетка против. Я бы взял... Ладно, поищу потом, – Иван Ильич взглянул на небо, затянутое тучами. – Статью про Василия читал?

– Не читал. Людмила что-то говорила, сам не видел.

– Дурнину написали какую-то. Жил мол тут среди пьяниц... наврали, в общем.

– Так уж наврали?

Тон собеседника изменился, а в голосе зазвучала неприязнь. Иван Ильич даже вздрогнул мысленно: неужели Петр и его таким считает?

– А насчет полушубка еще хотел спросить...

– Чего насчет полушубка?

– Да вот... странно же это все. Как он на базе-то оказался, в километре от реки?

– Ну, подкинули, надо думать.

– Кто?!

– Да черт вас знает! Какой-нибудь дурак пьяный приперся на реку, увидел чужую вещь да спер. А потом испугался. И подбросил бандитам городским – чтоб на них подумали.

– А ты на них не думаешь? Между прочим, Василий все праздники на эту базу ходил. Каждый день! Жену хозяйскую рисовал – и даже мне ни полслова об этом...

– Васька вообще был не из болтливых, – Он уже глядел зло, с открытой неприязнью. – И как только с тобой сошелся, не пойму. Собутыльник, видать, очень нужен был...

Иван Ильич снова вздрогнул – на этот раз по-настоящему. Рука сама нащупала в кармане запасные ключи от дома.

– Держи... хозяин.

Глава десятая

Метель налетела на деревню сразу после заката. Ветер выл полночи. Он будто играл со снегом: наметал высоченные сугробы только затем, чтобы сразу же раскидать их начисто. Волны колотились об берег, словно кто-то стучал в громадный гонг. Шавки засели по конурам и хором подпевали ветру, скрывая инстинктивный ужас перед стихией.

А наутро ничего так, солнышко выглянуло. Зое Ивановне не пришлось напоминать о девяти днях: сама велела племяннику позвать соседей на небольшие посиделки.

– Ты лучше знаешь, кого нужно, а кто обойдется...

«И тетка вспомнила, и Кузьминична... Видимо, у женщин имеется специальный счетчик на такой случай,» – рассуждал Иван Ильич, короткими перебежками перемещаясь от избы к избе. Ветер и сегодня разыгрался, как молодой пес: только выйди на улицу – налетит, растреплет, залижет, и не скроешься от него нигде, пока обратно в дом не уберешься.

Люди и сидели по домам. Он зашел ко всем бывшим одноклассникам, сообщил о поминках, но большого энтузиазма не встретил. Только Кузьминична, отвечившая полкило изюма по теткинскому заказу, пообещала прийти.

Беспокоясь о судьбе кота, он спустился к хутору, пробрался через сугробы к дому и безрезультатно покликнул Кешку. Даже в окна заглядывал, но внутри никого не было. Спрятался где-то, должно быть. Конуры у него нет, зато и шуба – не чета собачьей.

Иван Ильич вернулся домой хмурый, вручил Зое Ивановне изюм и сообщил, чтобы на толпу гостей не рассчитывала. До четырех, когда закрывался магазин, он не выходил из комнаты.

Природа оказала плохую услугу. А, может, и не природа вовсе...

В Приморье всегда так: только помер человек – началась в доме работа. Сперва огород зарастет полынью, потом молодые деревца невесть откуда поднимут головы посреди двора. Хата сгниет на глазах, осядет; через год-другой упадет труба, потом провалится крыша, а там и стены сложатся внутрь. Будто и не было ничего. И соседи уж позабыли, что ты жил.

Вот и теперь: девять дней – и поминать некому.

Круглый стол превратился в овальный и занял половину теткиной комнаты. Вокруг толпились собранные по всему дому стулья. Пустые.

– Устала, – пожаловалась Зоя Ивановна, ставя на стол очередную тарелку. – И кто эти блины выдумал на поминках есть.

– Москвичи, небось, – мрачно отозвался Иван Ильич. – Они разве что хорошее придумают... А стол зря раздвинула, четверо бы и так уместились.

– Так я еще отца Геннадия позвала.

Он только вздохнул.

К пяти часам пришли Мурашovy, на голоса в коридоре выглянул и молодой священник. Все расселись за столом. Из-за лишних стульев было тесно. Огорченная Зоя Ивановна изо всех сил старалась не разочаровать малочисленных гостей.

– Все разместимся... Ваня, отодвинь пару стульев. Пустые тарелки уберу сейчас... Вы накладывайте, накладывайте! Кеша, за женой поухаживай. А наливать кто будет?

– Я налью, – пробасил отец Геннадий и потянулся за бутылкой. – Помянем раба божия Василия.

– Царствие ему небесное, – добавила Кузьминична, подняв рюмку с водкой.

Поп нахмурился и уж раскрыл было рот, чтобы возразить, но Иван Ильич перехватил инициативу.

– Земля пухом Васе, – сказал он, – и вечная память.

Выпили, не чокаясь, и застучали вилками. Иван Ильич поначалу опасался притрагиваться к теткиной стряпне. Однако хлеб, к счастью, был магазинный, а блины Зоя Ивановна научилась печь еще в юности. Кутья и копченья-соленья тоже удались на славу. Ну а водка есть водка.

– Ну, между первой и второй... – Мураш отложил вилку и налил всем по новой.

Жена пихнула его локтем.

– Не части, нам ехать еще.

– Далеко собрались? – любопытствовала Зоя Ивановна.

– В райцентр надо, к куме. Хотели днем еще, магазин пораньше закрыть, да раз такое дело...

Иннокентий дрогнувшей рукой поднял рюмку.

– За Васю. Хороший был мужик.

Иван Ильич поднял брови: всего-то девять дней назад бывший одноклассник высказывал противоположное мнение. И в довольно резкой форме.

– Всякое было, – добавил Иннокентий, перехватив его взгляд, – а кто старое помянет, тому, как известно...

– Всякое... да вы с малолетства собачились, даром что жили через забор, – хохотнула Кузьминична, закусив грибочком. – Он и kota в честь тебя назвал. Помнишь, ты грозился хвост ему оторвать, как кличку услышал?

Смущенный Мураш пробормотал:

– Чего в сердцах не скажешь, зверь-то ни при чем. На месте хвост его, все видели.

– А, кстати, Кешка не бегал у дома? – повернулся к нему Иван Ильич. – Петру вчера ключи отдал, теперь душа не на месте.

– Не видал. Или в избе остался, или сныкался еще где-то. Кто их, шепутных, разберет!

Его супруга махнула рукой.

– Что говорить, тяжелый Васька был человек. С малолетства себе на уме, да и как сосед – врагу не пожелаешь.

– Василий Петрович в одиночку и голыми руками, можно сказать, старый клуб в часовню переделал, – отчеканил священник. – Других энтузиастов в деревне не припомню. Пока красивое место для молений не оборудовали, никто на порог и носа не казал.

– Я казал, – смущенно возразил Мураш. – Гляжу: работает Васька, весь в мыле – ну и ходу. Чего мешать-то художнику?

Зоя Ивановна тихонько фыркнула в салфетку, а отец Геннадий только плечами пожал. Кузьминична попыталась оправдаться:

– Ну, я ж не в плохом смысле, батюшка. Церковь – дело хорошее, нужное. Я Ваське потом так и говорила: хорошо, мол, поработал... Придешь, бывает – и так светло на душе становится, спокойно-спокойно. Славно получилось.

– Скромный он был, – улынулась Зоя Ивановна. – Для людей старался.

– Нет, ну а Петька... Выставку эту он для людей затеял, что ли? – снова вскинулась Кузьминична. – Да в жизни не поверю! Вася, конечно, не без таланта, но все не Рембрандт какой-нибудь. Никто его не знает.

– В деревне все его знали, а на поминки народу не густо пришло. Может, в городе наоборот получится, – возразил Иван Ильич.

– Тут другое: люди обиделись, что на похороны не пригласили. Вот и девять дней им как будто не настоящие.

– Похороны Петр устраивал, в городе, а обиды на покойника какие вообще могут быть?

– Да не на покойника же, Вань! – Кузьминична досадливо дернула шей. – Говорю тебе: Петька не по-человечески сделал.

– А как по-человечески?

– По-правильному ему надо было и родителей тут хоронить, и Ваську. Чтоб на родной земле и все рядом.

– Тебе-то видней, где кого хоронить!

– Может и виднее! Пожила на свете и кой-чего знаю...

– Лиз, не хорохорься, – тронул супругу за локоток Иннокентий, – не в полуклинике, чай...

– Да ты-то не позорь перед людьми еще хуже, горе луковое! Слова при тебе не скажи, сразу со своей миротворческой миссией лезешь.

Зоя Ивановна негромко, но внушительно хлопнула ладошкой по столу.

– Так. Еще ссор мне тут не доставало. Немедленно успокойтесь... Петя все делает, как ему кажется правильным, – продолжила она, с удовлетворением глядя на притихших гостей, – его дом в городе – и родня рядом лежит. А выставка – дело хорошее. Признание Вася заслужил, даже если всю жизнь провел в деревне.

– Ну, как всю жизнь... – возразил Иван Ильич, – учиться-то он во Владивосток ездил. Почему бросил, не знаю.

Тетка переглянулась с гостями и пожалала плечами.

– Да он и не рассказывал никогда, родители тоже помалкивали. Знаю, что-то нехорошее случилось, но без подробностей.

– Ишь ты, – вздохнул Мураш, глазами пожирая забытую всеми бутылку водки.

Кузьминична перехватила взгляд мужа и встала из-за стола.

– Ну, спасибо всем. Вам особенно, Зоя Ивановна! Уважили память... А мы пойдем, Кешке еще драндулет заводить битый час надо.

– Да чего драндулет-то сразу? Двадцать лет катается и все – драндулет...

Зоя Ивановна встала и-за стола, чтобы проводить гостей. Отец Геннадий тоже поблагодарил за ужин и ушел в свою комнату. Тетка с племянником начали убирать со стола.

– И куда столько наготовила, – ворчала Зоя Ивановна, складывая недоеденные блины в пустую кастрюлю. – Старая дура, будто делегацию какую ждала.

– Не ругайся, Теть Зой. Народ погоды забоялся, вот и не явился никто. И потом, Васька ни с кем особо не общался в деревне, кроме нас да Мурашовых – и с теми по нужде.

– Это верно... Всю жизнь на отшибе, – она вздохнула. – Ну, еды теперь нам на неделю. Хоть готовить не надо будет... и чем теперь заниматься?

– Ты ж вязать умеешь... Или платье выходное в порядок приведи, на выставку-то надо поприличнее одеться.

– С ума сошел? Какая выставка?

– А ты думала пропустить? Нет уж, съездим обязательно. Так что наряд готовь самый лучший.

Иван Ильич помог тетке со стульями, вернул столу круглую форму и ушел к себе. Выставка – она только весной, времени валом. А вот кота надо завтра всерьез искать. Но что делать, если он в доме тихонько засел?

«В крайнем случае – высажу стекло», – решил Иван Ильич и отогнал дурные мысли. Утро вечера мудренее.

Глава одиннадцатая

Иннокентий пронесся по утренней деревне на своем драндулете. У магазина сделал крутой разворот и покатил вниз. На дорогу почти не смотрел: вцепившись двумя руками в рулевое колесо, он высунул плешивую голову в окно и орал:

– Пожа-аааар!

Люди выбегали из домов, шепотом матерились на столб дыма, поднимавшийся над хутором, хватали, что попадется под руку, и спешили на помощь.

Минут через пятнадцать добрая половина деревни собралась вокруг того, что еще накануне было домом Бондарей. Опоздавшие «спасатели» продолжали подходить со стороны деревни, но еще вдалеке замедляли шаг: во-первых, спасти было уже нечего, во-вторых, на месте уже трудились профессионалы. Шипели реагенты, поблескивала хромированными деталями огромная алая машина – кипела работа.

Сгоревший дом недружелюбно глядел на собравшихся черными провалами окон. Стекла лопнули от жара, усеяв все вокруг осколками. Снег растаял в радиусе нескольких метров и под ногами пожарных превратился в черное месиво. Жуткое дело, как полыхнуло. Слава богу, что спасатели явились так вовремя!

А народ вместо того, чтоб радоваться, удивился. Целая пожарная бригада! В Двупалом! Повод, конечно, был вполне уважительный, но сопутствующие обстоятельства – весьма сомнительны. И главное – как узнали?

– Через сопки, что ли, дым увидели? – разводили руками мужики.

– Последний раз на цунами приезжали, – вспомнили бабы.

– Ребятюшки, – решила одна старушка обратиться непосредственно к героям дня, – а вас кто вызывал-то?

Начальник расчета, сорокалетний здоровяк с усами, взглянул на нее со смесью жалости и брезгливости.

– Ты чего, мать? В диспетчерскую вызов поступил. Никто особо сюда ехать не хотел, да служба...

– Да я к тому, – не унималась старушка, – что телефон в деревне третий день не работает.

Начальник плечами пожал:

– Тебе, мать, будто жалко, что приехали и погасили. Между прочим, – добавил он, – очень вовремя погасили. Внутри газовый баллон – не взорвался, слава богу – да еще вон ветер подымается. На соседей бы перекинулось, как пить дать.

Кузьминична, стоявшая у забора, перекрестилась.

– Надо ж как вовремя вернулись! Я еще в дороге беду почуяла, а потом как дым увидела – чуть сердце не остановилось. Сама выскочила, давай забор проверять. Кешке говорю, езжай за подмогой. Ну, не долетело ничего, слава богу! Спокойно было, а если б ветер?

– Как загорелось-то – вот вопрос, – заметил Иван Ильич.

Люди стали переглядываться. Удивление на лицах сменилось хмурым подозрением.

– А ты ж вроде каждый день сюда ходил. Может, печку плохо закрыл? – предположил один мужик.

– Я Петру ключи еще позавчера отдал.

– Верно говорит, – кивнула Кузьминична. – Вчера еще на поминках про кота спрашивал... ох ты ж, господи! Кешка-то внутри был!

Все с недоумением повернулись в сторону Мураша. Тот замахал руками.

– Совсем офонарели? Она про васькиного кота толкует. Назвал же, зараза... Я в районе был, вот подъехали аккурат перед пожарными.

– Кто ж тогда?

Ответа не было. Пожарные сворачивали брандспойты, готовились к отъезду. Деревенские, почесав затылки, побрели по домам. Мурашovy у забора о чем-то перешептывались.

«Не уберег Кешку, – мрачно думал Иван Ильич. – Васька пропал ни за что, а я и за котом уследить не мог. Два дня в холодной хате просидел – времени не нашлось вызволить. И такой конец...»

Кузьминична, поживаясь, пошла к своему дому, а Мураш приблизился к Ивану Ильичу.

– Вань, я че вспомнил... у охранников-то на базе телефон есть. Такой, который через космос фурычит.

– Спутниковый, – догадался Иван Ильич. – Точно, есть. Думаешь, они позвонили?

– А больше и некому. Мы приехали – уже окна повывлетали. И вот чего думаю, – он понизил голос, – а не бандиты ли городские подожгли-то?

– Сами подожгли, сами пожарных вызвали? Не стыкуется как-то.

– Да мало ли! Увидели, как полыхнуло, испугались, что полдеревни сгорит. Ну и позвонили.

До деревни пламя бы и по осеннему былью не добралось, чего уж о заснеженной земле говорить.

– А зачем им поджигать?

– Это уж я не знаю. Ты у нас самый сообразительный – вот и думай.

Иван Ильич поглядел в сторону базы. Сейчас на территории никого не было видно, но охранники делают обход регулярно. Не заметить дым они вправду не могли.

Пожарная машина отъехала. Мужики проводили ее взглядами и увидели, что с сопки навстречу спускается другой автомобиль. Помельче, конечно, но не легковушка. Внедорожник отечественный. Иван Ильич прищурился: ба, да это Шериф собственной персоной!

– Кого это Назаренко везет? – удивленно пробормотал Иван Ильич

– А ментов кто вызвал? Вань, вот когда такое бывало, чтоб и менты, и пожарные сразу?

– По идее, так и должно быть.

Мураш с досадой поглядел на него.

– Я не говорю, как по идее, я говорю, когда такое бывало. Вот ей-богу, без городских не обошлось. Только они всех сразу вызвать могли.

– Да у Шерифа спросим, делов то... Или на базу зайдем, как тут все разрулится.

При мысли о новой конфронтации с охранниками Мурашу подурнело. Он замахал на Ивана Ильича руками, не находя нужных слов.

– Чего крыльями машешь, погорелец? – Назаренко остановил машину и мрачно оглядел пепелище. – Стало быть, бондаревский дом? Мне сказали только, что на отшибе – думал, ваш.

– Не наш, слава богу! – кивнул Мураш. – Соседский. И внутри никого не было...

– Один кот, – мрачно добавил Иван Ильич.

Шериф вылез из машины и протянул руку сначала одному, потом другому.

– Ну, коты учету не подлежат. Вполне можем считать, что обошлось без жертв... А мне так и так в Двупалое надо было, – он повернулся к машине, откуда с любопытством выглядывал мужчина средних лет. – Вот, прессу вам привез. Из Владика прямо! Будет статью про потерпевшего художника писать.

Журналист, поняв, что речь идет о нем, живо выбрался наружу, захватил с заднего сиденья чемоданчик и направился к ним. Походка была бодрой, пружинистой – не по возрасту. Мужики под пятьдесят уже степеннее ходят. Да и пальто какое-то... студенческое. Впрочем, Иван Ильич старался не судить о людях по одежке. Тем более, тут с самого начала все понятно: журналист порядочным человеком быть не может.

Приезжий между тем приблизился и улыбнулся неожиданно приятной улыбкой.

– Добрый день. Будем знакомы, – он поставил чемоданчик на снег и протянул ладонь, – Сергей Горобец.

– Из «Плоскодонки»? – спросил Мураш и тут же в испуге оглянулся – не прознала бы супруга о его глубоких познаниях в местной прессе.

– Ну-ну, я внештатник. Впрочем тут как раз по их заданию.

– По какому же? – любопытно спросил Иван Ильич, с трудом сдерживая растущее изумление.

– Да вот на материал о вашем земляке отзывов немало. В том числе прямо отсюда, из деревни звонили.

– Так телефон же сломан, – удивился Мураш.

– Это как сломан? – строго спросил Назаренко.

– Да несколько дней уже.

– А мне почему не доложили? Виделись же вчера! Как вот с вами работать прикажете? Одичали совсем...

Журналист с интересом перевел взгляд с Шерифа на местных и продолжил:

– Звонок и был несколько дней назад. В общем, редакция и решила еще одну статью подготовить, поподробнее – тем более, выставка у него намечается.

– А мы уж слыхали, – Мураш приосанился. – Петька, брательник покойного, давеча за картинами приезжал.

– Ну? Стало быть, не погибла коллекция вместе с домом?

– Все увез, слава богу.

– Где ж вас поселить-то теперь? – задумчиво пробормотал Назаренко. – Думал в дом художника – да вон как вышло.

Он поглядел на Мураша, и тот поспешно ответил:

– У нас местов нету... Вон, у Ваньки, может? У них просторно, да и удобства имеются.

Все обернулись к Ивану Ильичу. Он представил сцену, которая непременно разыграется, едва журналист узнает – а он непременно узнает! – кто звонил с местного телефона в редакцию, – и ужаснулся. Горобец тем временем сделал шаг вперед.

– Так что же, Иван... извините, отчества не расслышал.

– Ильич... – это прозвучало как признание.

– Иван Ильич, – голубые глаза весело сощурились, – что, примете городского гостя?

Он беспомощно огляделся.

– Да у нас места тоже не то чтобы... Я-то не против, главное, чтобы тетка не возражала.

– Я не стесню, – заверил журналист. – Размещусь компактно и ненадолго. Командировка максимум на неделю, а наберется материал быстро – еще раньше уеду.

– Ну вот хозяин вам и поможет, – подхватил Шериф, – познакомит, с кем надо, да и сам порасскажет... они с художником друзья были.

– Я уж понял, – улыбнулся Горобец. Почему-то теперь его улыбка совсем не казалась приятной Ивану Ильичу.

«И чего ты прицепился ко мне? – с тоской подумал он, – Неделю в одной комнате жопами толкаться – зачем? Уж городской мог бы башкой подумать. И было б на что обижаться, тоже мне – газету желтушной назвал. Тем более внештатнику какое дело? Как бы отвлечь его?»

– Между прочим, ситуация с пожаром вдвойне интересная, и возможно, след тянется к базе отдыха. – повернулся он к Шерифу. – Во-первых, источник возгорания не выяснен, во-вторых, пожарную команду вызвали неизвестные и неизвестным образом.

– Точно! Телефон же... – даже у непрошибаемого Назаренко брови уползли на полсантиметра выше по лбу.

– Сломан! – кивнул Иван Ильич. – Иннокентий считает, что...

Мураш бойко вставил:

- У этих бандитов телефон есть специальный...
- Спутниковый, – буркнул Шериф. – Ну что с того? Вызвать пожарных – это не преступление, а общественно полезный поступок. Тут скорее интересно, кто сломал общий телефон.
- Да они небось и сломали.
- Чтобы что?
- Чтобы подмогу было не вызывать, – заявил Мураш. – Потом увидели, что ветер подымается, да забоялись, что огонь до базы дойдет.

Шериф с сомнением посмотрел на заснеженный пустырь шириной в добрую сотню метров, отделяющий старый хутор от новых домиков.

- Будылей под снегом хватает, конечно, но вряд ли...
- Да откуда городским-то это понять?

Мураш даже по лбу постучал. Справедливости ради, Иван Ильич разделял сомнения Шерифа, но не стал сбрасывать со счетов неосведомленность городских о пожарной безопасности и о жизни вообще.

- Я с Иннокентием согласен. Единственное, не думаю, что поломка телефона – дело их рук. Охранники базу вообще не покидают, по деревне незамеченными бы просто не прошли.
- А может они того... ночью? – нахмурился Мураш.
- Ночью собаки бы хай подняли. На чужих-то! Нет, точно не вариант.
- Да чего вам вообще тут криминал мерещится? – вполне искренне удивился Назаренко. – Ну, сгорела халупа старая, пустая. Мало ли кто мог залезть – поживиться, может, чем-то хотел – да плитку включенной оставить.

– У Василя плитка газовая была...

– Тем более, вон как полыхнуло! Обычное дело. У меня приятель во Владике служит, так там дачи каждый год горят – бомжи залезли и привет. И хорошо, если пустые дачи...

– В Двупалом бомжей нет... Стало быть, расследовать не будете?

– Возможности не имею и смысла не вижу. Ущерб минимальный, жертв нет. Специалиста по поджогам я сюда вызывать не буду, да он и не поедет!

– А Петру Петровичу сами доложите обстановку? – стараясь сохранять спокойствие, спросил Иван Ильич.

– Доложу. Вот вернусь в отделение – и позвоню ему сразу, – кивнул Назаренко. – Он поймет, думаю. Дом больших денег не стоил, а дело о поджоге – ну, заведомо провальное.

– У вас все дела заведомо провальные! Убийства, поджоги... Лишь бы задницу от кресла не отрывать.

Шериф шумно выдохнул в усы и засунул руки еще глубже в карманы.

– Как видишь, оторвал вот и приехал! И давай, Осинников, начинай за языком следить. Я-то в курсе, что за домом ты присматривал, да ходил туда каждый день. Хочешь, чтоб дело завели – так ты первым подозреваемым и будешь!

– Да вы вообще в себе? Я туда два дня не ходил, ключи Петру отдал, когда он тут картины паковал – вон Мурашovy подтвердят.

– Ну, рядом-то нас не было, но я в окошко видал, что ты ему чего-то в руку сунул, – неуверенно сказал Мураш.

– Для отвода глаз это все, – непреклонно заявил Шериф.

– Да у самого Петра спроси!

– И спрошу. Вот позвоню, спрошу и сообщу о пожаре. А дела заводить один хрен не буду. Ясно? Привет!

Назаренко запрыгнул в машину, яростно хлопнув дверцей, и дал по газам. Узик круто развернулся, разрыл колесами снег и, подсакивая на кочках, унесся прочь. Иван Ильич выматерился вслед и оглянулся на остальных. Мураш тихонько ретировался домой, а журналист рассматривал сгоревший дом; его чемодан сиротливо стоял у обочины.

– Идемте, что ли. Тут с полкилометра, да в сопку, – позвал Иван Ильич.

Горобец подхватил нехитрый багаж и в два шага нагнал его. Несколько минут шли молча.

Когда приблизились к новой базе, журналист с любопытством спросил:

– Это что за строения?

– База отдыха. Городские осенью отгрохали.

– Городские – для городских? – усмехнулся Горобец.

– Все на лету схватываете, – мрачно процедил Иван Ильич.

– Схватываю не всегда на лету, но подмечаю многое – профессия такая... Не хотите зайти туда?

– Зачем еще?

– Насчет звонка в пожарную часть поинтересоваться, конечно. Это вам явно покою не дает.

Иван Ильич пожал плечами и чуть ли не с ненавистью поглядел через сетчатый забор на домик охраны. Опять дым из трубы. Опять небось сидят в тепле, а выйдут – на три буквы пошлют со всеми вопросами. Сам-то он почти уже привык, но при свидетелях не было охоты.

– А чего спрашивать? – он шел мимо базы, не сбавляя шага. – Они и вызвали, больше некому. Я просто не думаю, что подожгли сами – ни к чему вроде. Они там взаперти сидят да боятся, что деревенские их подожгут когда-нибудь. Это ж прямая провокация, если подумать!

Горобец кивнул.

– Пожалуй. А что насчет соседа? Который как раз главный сторонник этой версии...

– Кешки? Да ну, у него кишка тонка поджоги устраивать! Вот Лизавета – жена его – могла бы... Только они оба в райцентре с вечера были. Приехали, когда уж горело вовсю.

– То есть ближайшие соседи ночью отсутствовали? И многие знали об этом?

– Я знал, тетка, поп... то есть, отец Геннадий.

– Местный священник?

– Да. Вчера девять дней Василию отмечали вот такой компанией.

– Это как же – на деревенские поминки всего пять человек собралось? – поднял брови журналист.

Иван Ильич замаялся. Даже перед ушлым газетчиком было стыдно признать, как он вчера разочаровался в местных жителях.

– Погода подгадила, – выдавил он, – Ветер был сильный. Я полдеревни пригласил, только все по домам остались, печки стеречь.

– Погода – штука такая, – согласился Горобец. – Во Владивостоке тоже ветер.

– Да по всему побережью так. Зимой прямо с ног сшибает.

– А телефон, значит, пять дней как сломан, – задумчиво сказал журналист. – А вы мне звонили как будто пять дней назад?

– После этого и сломался, – мрачно ответил Иван Ильич.

– Думаете, это поджигатель постарался?

– Думаю, случайно вышло: пацаны мелкие или выпимши кто-нибудь звонить полез.

Мужчины обменялись быстрыми взглядами, и Горобец неожиданно рассмеялся.

– Чего вы? – с недоумением спросил Иван Ильич. Он даже остановился.

– Да видите как... я думал, скучнейшая командировка выйдет: буду болтать со старухами, фотографии школьные смотреть, ночевать в развалюхе какой-нибудь. А тут сразу пожар, расследование и даже дом с удобствами.

Иван Ильич вынул из кармана сигареты и медленно пошел дальше.

– Тут до перестройки завод рыбоперерабатывающий был, – сказал он. – Для специалистов общежития с удобствами построили, ну и тетке моей дали комнату.

– Тетка – бухгалтер?

– Нет, учительница местная. Просто уважали, да и боялись всегда, что уедет. Но она школу до последнего не бросала. А потом разъехались все, комнаты пустые стояли. Отопление было от котельной – полетело, конечно, но вода и каналья живые. Я ей печку поставил и сам перебрался два года назад, когда на пенсию вышел.

– Рановато вроде, – заметил Горобец. – Вы как будто меня ненамного старше. На севера ходили?

– Ходил.

– То-то смотрю: не военный, не инвалид. Вариантов-то немного.

– Вам бы в милиции работать.

– Я и там работал. Пресс-секретарем, только недолго.

– Почему?

– Бюрократ из меня так себе.

Иван Ильич неопределенно хмыкнул. Почему-то журналист начинал ему нравиться, и этот факт совсем не радовал.

– В третьей комнате у нас отец Геннадий живет, – вспомнил он. – Вы как со служителями культа?

– Если поститься не заставляет, нормально.

– Значит, решено. Тетка возражать точно не будет, она только рада новым лицам. У меня поселитесь. Кровать ваша, я раскладушку возьму.

– Может, наоборот?

– Гостю место, – возразил Иван Ильич.

«Определенно нормальный мужик, – решил он. – И как умудрился такую дерьмовую статью написать?»

Глава двенадцатая

Кот сидел на теткинском крыльце. Красавец – хоть сейчас на выставку; ни мазка сажи на белоснежной шубе.

– Кешка! – охнул Иван Ильич, подхватывая его на руки. – Живой, гад! Целый?

Он осмотрел лапы, заглянул в глаза, даже хвост прощупал – нет, если кот и пострадал, то где-то в глубине души.

– Это из сгоревшего дома зверюга? – полюбопытствовал Горобец.

– Да, Васькин Кешка. И как выбрался? Я про него Мурашовых вчера спрашивал – думал, может, брат старший выкинул прежде чем дом запирает... не видели, говорят. Где ж ты был? Глядите, даже не замерз!

– В такой шубе и на северном полюсе не замерзнешь, – поежился журналист.

– Заходите, сейчас и мы отогреемся, – Иван Ильич распахнул дверь.

В прихожей, стараясь не шуметь, они разулись и повесили пальто. Отпущенный на пол кот шмыгнул куда-то на кухню. Хозяин выдал гостю собственные тапки – тот был на голову выше, но размеры обуви удачно совпали. Зоя Ивановна выглянула из своей комнаты, когда они проходили мимо.

– Так кто погорел-то?.. Ой, здравствуйте!

– Бондаревский дом сгорел, тетя. Знакомьтесь, это журналист из Владивостока, Горобец Сергей... как по батюшке?

– Просто Сергей, не люблю отчества.

– А это тетка моя...

– Зоя Ивановна. Я к отчеству привыкла, это профессиональное, – тетка протянула руку, и журналист с удовольствием пожал ее. – Очень приятно. Вы про Василия писать приехали?

– Да, в редакции решили еще одну статью к выставке выпустить. Поподробнее, хоть целую биографию. А вы его учили?

– Конечно. И его, и Ваню... да практически всю деревню. Вы ходите ко мне! – спохватилась тетка. – Ваня не позавтракал и вы наверняка тоже.

Они прошли в комнату. Здесь было тепло и уютно, как всегда.

– Еле кофе успел выпить, – признался Горобец, усаживаясь за стол. – В четыре утра выехал.

– Вот сейчас поедите и еще кофе сварю. У нас хороший, Ваня из города привозил.

– Из района, – поправил тетку Иван Ильич. – В городе я давно не закупался, отвык.

– По такой дороге я бы тоже быстро отвык... вообще бы, наверное, из деревни не вылезал.

– Мы и не вылезаем, – улыбнулась Зоя Ивановна и ушла на кухню.

– У меня машина-то есть, – принялся объяснять Иван Ильич, чтобы разбавить паузу, – но дальше района не езжу. Вообще я во Владивостоке почти двадцать лет прожил. Ну, как прожил...

– Сходили на берег время от времени, – подсказал Горобец.

– Именно. Квартиру жене с дочкой оставил после развода, а в городе то по знакомым, то по гостиницам. Мотался с рейса на рейс, на берегу не задерживался. Машину-то почти не водил тогда – можно сказать, здесь учился заново. Хотя правам уж сколько лет... – он задумался. И правда – сколько? Может, и не действуют уже. – Нет, мы выбираемся... Я вот на похороны Василия ездил – брат приглашал.

– Да, вот интересно, почему его в городе похоронили? Жил и умер ведь здесь...

– Здесь, – кивнул Иван Ильич, – но Петр – это старший – так решил. Родители тоже на Лесном кладбище там, вот и Василий с ними.

– Ну, если с родителями – логично. Да и если прославится – ну, кто знает, как будет после выставки – могила целее будет.

– Почему?

– Поклонники будут ходить, ухаживать. В городе это проще, а сюда... – он хмыкнул, – вряд ли бы кто-нибудь стал регулярно ездить.

– А вы думаете...

– Ваня! – в дверях, держа на вытянутых руках Кешку, стояла тетка. – Это что?

– Кот, – растерянно ответил Иван Ильич.

– Я вижу, что не выхухоль. Я спрашиваю, что этот кот делает у меня на кухне.

– Теть Зой, у него хозяин погиб, дом сгорел... ну, куда его?

Кешка, тряпочкой висевший на теткиных руках, сделал еще более сиротское лицо. К сожалению, Зоя Ивановна видела только кошачий затылок и не получила должного впечатления. Она сурово спросила:

– А мы с ним что делать будем? Кормить чем?

– Он мышек ловит, – это прозвучало не совсем уверенно.

– Нету мышек! – тетка твердо, но мягко поставила Кешку на пол. – Что ты выдумываешь?

Он же весь дом загадит.

– Да не загадит! У Василия горшок был специальный...

– Лоток с наполнителем нужен, – подсказал Горобец. – Это недорого, можно опилки или песок обычный насыпать. А чтоб мебель не драл, когтеточку купить или смастерить, если умеете.

– Из чего? – живо повернулся к нему Иван Ильич.

– Да из дерева обычно. Один мой приятель целую березку в дом притащил. Ветки срезал, конечно, кору ободрал, отшлифовал – даже красиво.

– Ну, это легко!

– А кормить лучше всего перемороженным мясом или птицей – только не свиной. Резать маленькими кусочками и давать дважды в день. Овощи полезно, злаки – по чуть-чуть. Можно отваривать, но сырое им вроде полезнее.

– С такой готовкой и я управлюсь! Нарезал-заморозил – и всего делов.

– Занимайся, – развела руками Зоя Ивановна и вышла.

Иван Ильич вытер лоб.

– Выручили, спасибо, – сказал он Горобцу. – Я сроду котов не держал... Откуда столько про них знаете?

– Писал как-то об одном питомнике, – улыбнулся журналист. – А Зоя Ивановна его еще полюбит, вот увидите. Вон красавец какой.

Кешка мяукнул, уселся перед печкой и принялся намывать мордочку.

– Наполнитель этот вроде в магазине был, – задумчиво сказал Иван Ильич. – Может, и лотки есть. После завтрака схожу.

– Я с вами, если не против. Заодно деревню покажете.

– Да кто же против! И вы... извините меня за тот разговор. Я с психу за языком вообще не слежу.

– Дело прошлое. Да и статья – дрянь, чего там скрывать. У меня на сбор материала времени практически не было, а информации – кот наплакал.

– Коты вообще не плачут, – улыбнулся Иван Ильич.

– Вот именно.

Вошла Зоя Ивановна, в руках она держала поднос, на котором стоял чайник и большая миска, полная дымящихся блинов. Аромат начинки – до корочки обжаренного фарша с румяным луком и специями – до слез зашекетал ноздри голодного Ивана Ильича.

– Вань, ты хоть бы стол накрыл!

– Заболтался, – он вскочил и подошел к буфету, где тетка держала посуду. – Мы после завтрака в магазин пойдем. Нужно чего?

– Муки купи, – ответила Зоя Ивановна, ставя поднос на стол. – Вечером испеку чего-нибудь.

От одной мысли о теткиной выпечке заныл желудок. Иван Ильич, расставляя тарелки на столе, с ужасом подумал об ужине.

– Я, кстати, не сказал: Сергей у нас поживет несколько дней.

– Максимум неделю, – вставил Горобец.

– Да на здоровье, – улыбнулась тетка и тоже села за стол, – мы только рады. Тем более с настоящим журналистом никогда не была знакома. Очень интересная работа, наверное. Командировки, разные люди...

– Вот за ужином и расскажет! – подхватил Иван Ильич. – Так может, я у Лизаветы еще тех колбасок возьму? Последний раз отлично посидели...

– Пива больше не хочется, – поморщилась Зоя Ивановна.

Горобец понял, что снова пора вступать в разговор и сказал:

– А я на всякий случай коньяк прихватил и шоколад хороший. Наш, приморский.

– Со знанием дела человек в деревню ехал, – одобрил Иван Ильич. – В нашей лавке одни сникерсы засохшие, нормального шоколада не возят. Но лимончики я там давеча видел, вполне живые.

– Значит, колбасок, лимончиков и муки все-таки купи. Не сегодня займусь выпечкой – так завтра, – вздохнула тетка.

– Вы с ее плюшками осторожнее, – предупредил журналиста Иван Ильич, когда, позавтракав, они вышли из дома, – с виду красивые, а в рот возьмешь – наружу просятся. Я для виду ем, и то как отвернется – в карман прячу.

– Запомню, – рассмеялся Горобец. – А блины замечательные были.

– Да, она кулинарией увлеклась, когда на пенсию вышла. И все замечательно выходит, но как печь начинает – хоть из дома беги. И никто ведь не скажет, уважают, да и обидеть не хотят.

– Неужели сама не чувствует?

– Сама-то тетка выпечку не ест, – пояснил Иван Ильич, – фигуру бережет.

Они некоторое время шагали молча. Поднявшийся было ветер стих, выглянуло солнце, и в деревне было по-зимнему уютно. И не скажешь, что такой замечательный день начался с пожара.

– Церковь красивая у вас, – заметил Горобец, увидав ослепительно сверкающий крест. – Интересная.

– Это бывший клуб. Когда поп приехал, решили там церковь сделать – все равно закрыто было. Крест привезли откуда-то, а Василий позолотил, еще фрески внутри рисовал. Я сам не был, но говорят, красиво получилось, народ потянулся... А первое время отец Геннадий чуть не впроголодь жил – им же зарплату не платят.

– И правильно делают. Это как у официантов: больше стараешься – больше чай. А зарплату у них тоже, можно сказать, нет – думаю, так и надо, если с людьми работаешь.

– Чтобы люди и платили? – уточнил Иван Ильич.

– Не совсем... А это магазин? – журналист издала разглядел надпись «Продукты», украсившую лавку Мурашовых.

– Он самый.

На крыльце сидел Мураш, грелся на зимнем солнышке.

– Как устроились на новом месте? – спросил он журналиста.

– Отлично, – Горобец поднялся на крыльцо. – Даже удачно вышло с этим пожаром: пришлось бы на окраине жить, а так – почти что в центре.

Мураш закивал.

– Это да, это да. Мы на хуторе, впрочем, привыкли, – добавил он с мудрым видом. – А вы как, за хлебушком или чего посерьезнее надо?

– Кот Василия нашелся, – объяснил Иван Ильич. – У вас вроде наполнитель был.

– Есть, есть. Его один Васька и брал для своего, другие газетами обходятся. Но держим. Лизка давеча ругалась, что заказала с запасом, а покупать теперь некому. Во обрадуется!

Мужчины втроем зашли в магазин. Внутри было, как всегда, сумрачно. Полки привычно ломились от товаров первой необходимости. Кузьминична глядела из-за прилавка с необычным любопытством.

– Здравствуйте! – поприветствовала она покупателей. – А это вы с Назаренкой приехали? Журналист?

– Я самый. Сергей Горобец, – он протянул руку.

– Вся деревня болтает, – сообщила Кузьминична, по-женски стеснительно отвечая на рукопожатие. – Говорят, вы про нас статью будете писать к Васькиной выставке.

– В основном про него, но с подробностями. Наверняка и местных упомяну: друзей, соседей ближайших...

– Так это мы и есть! – обрадовался Мураш. – А, Лиз? Прикинь, в газете про нас напишут! А что, большая выставка намечается, раз целую биографию решили состряпать?

– Немаленькая. Художник-то был плодовитый. Как я понял, старший брат из деревни привез часть картин, еще что-то у себя держал.

– Неужто прославится Васька? – с любопытством спросила Кузьминична.

– Вполне может, – серьезно кивнул Горобец. – Пока на местном уровне, но люди искусства на месте не сидят – о хорошем художнике слава в другие города легко пойдет. Тем более сейчас, когда Интернет у нас потихоньку оживает.

– Кто оживает? – переспросил Мураш.

– Интернет... не слышали? Всемирная информационная сеть, туда через компьютер заходят.

– Информационная... новости, что ли?

– И новости – тоже, – Горобец обернулся к Ивану Ильичу. – Мы тут заболтались совсем, а вам ведь столько всего купить нужно.

– Точно, – он подошел ближе. – Кузьминична, наполнитель дай и лоток кошачий, если есть.

– Кота завел? – спросила она, нырнув под прилавок.

– Васькин нашелся, представляешь? – вмешался Мураш.

– Ну? Вылез, значит. – на прилавке появился пыльный прямоугольный лоток из пластика, за ним возник пакет древесного наполнителя на пять литров и последним – решетчатый совок.

– Это зачем? – удивился Иван Ильич.

Кузьминична иронично подняла бровь.

– Дерьмо руками грести будешь?

– Спасибо, – вполне искренне поблагодарил он. – Еще нам бы лимончиков пару штук покрасивше и колбасок твоих домашних.

– Лимончиков дам, а колбаски к вечеру только будут. Вам же к ужину? – Кузьминична исчезла в подсобке.

– К ужину! – крикнул в дверной проем Иван Ильич.

– Вот и ладно, Кешку пришлю или сама принесу, как магазин закрою.

Она отвесила два пузатых солнечно-желтых лимона и назвала сумму. Заплатив, Иван Ильич распрощался и вместе с журналистом покинул магазин.

– Постойте, мука же еще, – спохватился Горобец, едва они отошли от крыльца.

– Забыл, – не сбавляя шага, ответил Иван Ильич.

– Зоя Ивановна расстроится.

– И даже поругается немного. Поверьте, так будет лучше.

– Для кого?

– Для всех, – он крепче сжал ручку пакета и пошел быстрее.

Тетка и вправду поругалась, но не сильно – постеснялась при госте. Только когда Горобец ушел в комнату распаковывать вещи, сказала племяннику пару ласковых. В общем, легко отделались.

Кот благосклонно отнесся к новому лотку, который поставили в коридоре. Обнюхал пахнущие сосновой стружкой гранулы, потрогал лапой, потом уселся сверху и одобрил окончательно. Зоя Ивановна даже восхитилась такой воспитанностью и наградила Кешку куском курицы из бульона.

После обеда журналист решил вздремнуть. Иван Ильич выдал ему постельное белье, а для себя принес раскладушку. Удобную, дорогую, импортную. Раньше на ней ночевала дочь, частенько проводившая каникулы у своей деревенской «бабушки». Сам он тоже спал на раскладушке, когда приезжал в гости один.

Он улыбнулся воспоминаниям и вышел в коридор, чтобы не мешать гостю. Из своей комнаты выглянула тетка.

– Нашинкуй-ка капусты, – строго сказал она, все еще дуюсь из-за муки. – Я заранее потушу, тогда вечером возни меньше будет.

Иван Ильич не споря отправился на кухню. Кеша составил ему компанию. На столе лежали здоровенный кочан капусты, разделочная доска и нож. Вздохнув, провинившийся племянник сел на табуретку и принялся за работу.

Кот понял, что готовят совсем не мясо, и собрался было ретироваться в теткину комнату, но в дверях угодил под ноги отцу Геннадию. Тот с кружкой в руках явно вознамерился налить себе чаю, но провидение распорядилось иначе. Кружка улетела в сторону печки, а ее владелец распластался на полу.

– Это что за... Откуда тут эта тварь?! – прогремел он хорошо поставленным голосом.

Кешка тут же растворился в полумраке коридора, а на шум прибежали Зоя Ивановна и сонно моргающий Горобец. Иван Ильич даже нож отложил – не знал, что делать: кидаться на помощь молодому священнику или можно начинать смеяться?

– Извините, отец Геннадий... Это наш новый кот, – выдавил он. – У Василия раньше жил, а теперь дом сгорел – и вот...

– Благотворительностью занялись, стало быть. Дело хорошее, только можно его подальше от кухни держать? Тут продукты все-таки и... люди!

Отец Геннадий с помощью журналиста встал, поблагодарил его и смерил взглядом с головы до ног.

– Это Сергей Горобец, корреспондент из Владивостока, – поспешила представить гостя тетка. – Он статью о Василии пишет и поживет несколько дней у Вани в комнате.

– Прежняя статья чем не угодила? – поднял брови отец Геннадий. – Вроде бы вашим именем подписана.

– Моим. Неполная, да и неточностей хватает – мало было времени информацию собрать.

– Так нечего и писать было, – сказал как отрезал поп.

Он подхватил с пола чудом уцелевшую кружку и склонился над раковиной. Журналист, пожав плечами, вышел из кухни, а Зоя Ивановна все топталась в дверях, не находя себе места. Разлада с соседом она не могла вынести.

– Отец Геннадий, а вы с нами поужинаете? Я колбасок пожарю с тушеной капусткой, Сергей коньяк привез хороший...

– Я вообще думал попоститься сегодня, – неуверенно ответил священник.

– И шоколад, – добавил Иван Ильич.

Ссору с соседом он бы перенес легко, а вот насчет отношений отца Геннадия с Кешкой беспокоился. К сладкому поп питал особую слабость – с тех пор как он переехал и начал столоваться у тетки, покупать карамельки приходилось в три раза чаще.

– Приморский?

Священник явно заинтересовался. Отлично!

– Он, родимый. Я уже и лимончиков купил, вечером порежем с сахаром...

– Лимончик с сахаром – это хорошо, – отец Геннадий вздохнул и поставил чистую кружку рядом с чайником. – Приду, пожалуй. Спасибо. Только за котом уж следите.

– Вы его и не заметите, – заверил Иван Ильич. – Коты памятьливые, Кешка вас бояться теперь будет.

– Ну, бояться-то зачем... я ко всякой живой твари неплохо отношусь. Кешка, значит...

Священник покачал головой и вышел, а Иван Ильич, ухмыльнувшись, вернулся к работе. Коту надо будет двойной паек сегодня выдать, решил он. Определенно заслужил.

За накрытым столом все собрались часам к пяти. На белой скатерти красовалась гжельская тарелка с тончайшими ломтиками лимона, выложенными по спирали и пересыпанными сахаром, а также хрустальная вазочка с дольками шоколада. Последней тетка выставила на стол виновницу торжества – поллитровую бутылку коньяка. Пять звезд, ни больше ни меньше.

– Ну, давайте по маленькой, – предложила Зоя Ивановна. – Магазин уже час как закрылся, Лиза вот-вот придет. Я пожарю быстро, капуста готовая в духовке. А пока чего зря сидеть?

– Примем аперитив, – подхватил Горобец и шустро налил коньяк в рюмки.

Иван Ильич выпил, закусил лимончиком и почувствовал, как тепло разливается по телу. Отец Геннадий, заев первую рюмку долькой шоколада, застыл над столом огромной глыбой благодушия. Дремавший у печки кот заметил это и еще раз попытался установить контакт с несговорчивым соседом, но вновь потерпел неудачу. Ощувив какое-то движение возле ноги, поп непроизвольно дернул конечностью, и Кешка отлетел на прежнее место.

– Ну, прости, брат, – хохотнул отец Геннадий, – прости, не углядел. Другой раз внимательнее буду. В расчете, значит.

– Какой же это расчет, когда оба случая – по вашей невнимательности, – возразил Горобец.

– Тоже верно. Ну, если Кешка об меня споткнется среди бела дня, – даю слово не обижаться... два раза!

– Вот это дело, – рассмеялась Зоя Ивановна.

У входной двери раздался стук, и она вышла в коридор.

– Как статья ваша, материал набирается? – спросил священник журналиста.

– Понемногу. Я с дороги не в форме, почти ни с кем не поговорил еще толком, но Иван Ильич кое-чего успел порассказать. Похоже, интересной личностью был Бондарь. Даже таинственной.

– Что не из болтливых – это точно. Пожалуй, самый активный из моих прихожан, но я о нем мало знал.

– Я думал, на исповеди о себе многое рассказывают.

– В кино разве что, – усмехнулся отец Геннадий. – В жизни все проще намного: грехи озвучат – и все. И хорошо, если не соврут.

– А бывает, что врут?

– Случается. Человек слаб, что поделаешь.

Тетка на кухне загремела сковородками. В комнату вошла Кузьминична с каким-то прямоугольным предметом, завернутым в упаковочную бумагу.

– Вечер добрый, – поздоровалась она. – Извините, что не разуваюсь – я на минутку... Решила сегодня спросить, чтобы два раза не бегать. Я уж когда вы ушли, вспомнила про одну штуку: Василий-то последнюю картину мне подарил.

– Это когда же? – Иван Ильич встал и подвинул Кузьминичне свободный стул. Она усе-лась, взгромоздив сверток на колени.

– Да вот накануне... Крещения. Зашел в магазин – мне уже закрываться пора, а ему денег не хватило. Ну, я согласилась в долг записать, а он картину и оставил. В благодарность, значит. Все равно, говорит, заказчику не понравилось. Я нынче только развернула, глянула – за такое и платить-то грех. Но может, для выставки сгодится?

Зоя Ивановна стояла в дверях, с любопытством прислушиваясь к словам соседки и время от времени – к шкворчанию колбасок на плите. Воздух уже насытился мясным ароматом, и голодному Ивану Ильичу трудно было сосредоточиться на теме разговора.

– Наверняка сгодится, ты Петру позвони – он только рад будет... А что ж там такое нарисовано?

– Портрет, – почему-то поджав губы заявила Кузьминична. – Показать, что ли?

– Покажи, конечно! – не удержалась Зоя Ивановна.

Кузьминична осторожно сняла бумагу, положила ее на стол и развернула картину к остальным. Отец Геннадий шумно выдохнул, а Иван Ильич даже вперед наклонился от изумления: на среднего размера холсте действительно был нарисована супруга городского бандита. Но как нарисована...

В общем-то, с первого взгляда становилось ясно, почему картина не понравилась заказчику. Под кистью художника жена уважаемого человека превратилась в кающуюся грешницу: с распущенными волосами на поникших плечах, в бедной одежде, босую... Чувственность – почти неприличная даже для нашего времени. Очевидно, грешница находилась в самом начале покаянного пути, и лишь последний чурбан не разглядел бы внутреннего света, пробивавшегося сквозь неприкрытую порочность.

Иван Ильич чурбаном себя не считал, но все-таки украдкой оглянулся на соседей по застолью. Несомненно, портрет впечатлил каждого из них. Зоя Ивановна всматривалась в него, совсем позабыв о готовке, Горобец откинулся на спинку стула и глуповато улыбался, а отец Геннадий... ему, видимо, не понравилось: глядит на картину, словно призрак увидел. Даже напуган как будто.

– Годится? – Кузьминична нетерпеливо побарабанила пальцами по раме.

– Сто процентов, – заверил ее Горобец. – Я немного работ Бондаря видел, но, по-моему, это лучшая. Тем более, последняя картина художника! Она точно должна быть на выставке.

– Это – лучшая, – поддержала его тетка. – Все-таки удивительный талант был Вася. Вот так живешь рядом с человеком – и...

Она всплеснула руками и убежала на кухню: на плите уж совсем оглушительно стреляли жиром жарящиеся колбаски. Кузьминична быстро завернула картину в бумагу и встала.

– Пойду, значит. Пете позвоню при случае.

– До выставки еще время есть, но лучше не тянуть, – посоветовал журналист. – Экспозицию заранее составляют, ребятам в галерее нужно весь материал на руках иметь.

– Добро. Ну, приятного аппетита. Пойду я.

В дверях Кузьминична столкнулась с бывшей учительницей – та несла в руках миску дымящихся колбасок.

– Лиза, уходишь уже? Может быть, поужинаешь с нами?

– Не могу, Кешка некормленный еще. До свидания.

Она махнула рукой и вышла; через секунду в коридоре хлопнула входная дверь. Зоя Ивановна поставила миску на стол и скомандовала:

– Накладывайте. Сейчас капуста будет.

Отец Геннадий, словно очнувшись от морока, шумно отодвинул стул и встал.

– Вы извините. Что-то у меня аппетит пропал. Пожалуй, к себе пойду.

– Как же так? – забеспокоилась Зоя Ивановна. – Ох, не надо было на голодный желудок коньяк открывать.

– Да не в этом дело, – поп махнул рукой и слабо улыбнулся. – Просто устал. Доброго вечера.

Он кивнул на прощание присутствующим и ушел к себе. Зоя Ивановна, повздыхав, ретировалась на кухню за гарниром. Румяные колбаски на столе продолжали негромко шкворчать и исходить ароматным парком.

– Богатый ужин будет, – обронил Горобец.

Иван Ильич кивнул.

– И компания приятная.

«Интересно, – подумал он, – на живую женщину наш батюшка матом ругается, а от нарисованной аппетит теряет... »

Глава тринадцатая

На другой день погода выдалась отличная: солнечно и без ветра – и после завтрака Горобец предложил прогуляться по деревне:

– Мне бы расписанную Бондарем церковь хотелось посмотреть, ну и поговорить с теми, кто его знал...

– Да в основном мы и знали, – сказала тетка, убирая посуду со стола. – Однокашников в деревне осталось – по пальцам пересчитать, а дружил он с детства только с Ваней. И вообще нелюдимый был.

– В таком случае, вы мне и поможете восстановить биографию с подробностями, – улыбнулся журналист. – Но оглядеться все-таки не помешает.

– Сходите, конечно. Церковь внутри очень красивая, хотя Ваня там и не был – вот вместе и поглядите.

Иван Ильич мрачно пробормотал:

– Это если отец Геннадий атеистов туда пускает.

– Соседа и прессу уж пустит как-нибудь, – рассмеялась Зоя Ивановна.

– А вы, стало быть, атеист? – уже на улице спросил Горобец.

– Есть такое.

Иван Ильич не любил подобных вопросов: после них нередко случались ссоры на ровном месте. Но журналист выглядел на удивление довольным.

– В деревне такое – редкость. Зоя Ивановна как будто тоже без особого пиетета к батюшке. По крайней мере, руку не целует.

– Мне кажется, она его как хорошего соседа ценит, – подумав, ответил Иван Ильич. – Впрочем, кто знает. Вот с Кузьминичной тоже в одном классе учились, нормальная девчонка была – а потом она в религию эту сиганула как в прорубь. Ну и многие так же.

– И в основном – женщины?

– Ну да. Мужики пьют больше, а им тоже чем-то заниматься надо. Телевизор не всегда работает. Вот в бывший клуб по старой памяти и бегают – раньше танцевали, а теперь поют.

– Поют? – удивился Горобец.

– Хор у них. Кузьминична запевала там. Говорят, красиво исполняют, – пояснил Иван Ильич.

– Сейчас для пения, пожалуй, рановато, – журналист остановился и оглянулся на море. – А может быть, сначала к сгоревшему дому сходим? Раз уж официального следствия не будет, сами посмотрим, что да как.

– А вы в этом деле разбираетесь?

– Ну, поджог-то распознать можно.

– Давайте сходим

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, они стали спускаться к морю. Иван Ильич издали заметил на территории базы хозяйский внедорожник. Над трубой дома вился дымок – верный знак, что хозяева приехали. Можно Дмитрия расспросить о вчерашнем звонке в пожарную часть.

Насчет того, что звонили с базы, Иван Ильич не сомневался. Тем не менее охранники, когда заметили пожар, могли увидеть еще что-нибудь интересное... или кого-нибудь. А ведь хрен что сами расскажут! Он твердо решил: буду требовать встречи с хозяином в первую очередь, а того разговорить, да еще при журналисте – дело техники.

Но требовать никого и ничего не пришлось: Дмитрий, словно почуяв гостей, сам вышел из бани и направился к воротам. Из одежды на нем было лишь белоснежное полотенце на бедрах и шлепанцы. Еще один морж – и мороз им нипочем!

Больше всего Ивана Ильича удивило отсутствие наколок на теле городского авторитета. Он сбавил шаг и, глубже засунув руки в карманы, покосился на журналиста. Тот тоже явно был озадачен, но хорошо скрывал это и вопросов пока не задавал.

Дмитрий приблизился к воротам и дружелюбно поднял руку.

– Здорово, Иван Ильич. Пепелищем идете любоваться?

– Здрасьте... так вы в курсе уже? – с деланным удивлением отозвался Иван Ильич.

– Еще бы! Ребятки вчера ни свет ни заря позвонили: горит, говорят. Сказал им вызвать пожарных и не высовываться.

В окне домика охраны мелькнула чья-то лысая голова: «ребятки» бдили.

– На базе наверняка огнетушители есть... – заметил Горобец.

Дмитрий смерил журналиста внимательным взглядом.

– Имеются. Но я сказал не соваться, значит – не соваться. У деревенских в каждом втором доме газовый баллон; рвануло бы – больничным моим пацанам кто оплатит? Огнетушителями, кстати, велел делиться по запросу, только его не поступало.

– Да, пожарные быстро управились. Скажите, а ваши охранники не видели чего-нибудь необычного рядом с горящим домом? – спросил Иван Ильич.

– Вряд ли, – пожал мускулистыми плечами Дмитрий. – Я, как приехал, расспросил подробно. Во время обхода все было в порядке, а после завтрака увидели дым – ну и побежали мне звонить. А что такое, поджог подозреваете?

– Ничего нельзя исключать.

– Почему? Дом старый, проводка наверняка на соплях, печка опять же...

– Печку там сутки не топили, – мрачно отозвался Иван Ильич, – и выключено все было. Я лично поотключал, а новый хозяин за два дня до того в доме был, даже свет не зажигал.

– Уже и новый хозяин объявился? Быстро тут дела делаются.

– Да это брат старший. Он и на Крещение здесь был, а теперь за картинами приезжал... Выставка у Василия скоро будет.

– Ну, отлично как, – отозвался Дмитрий. Холод наконец добрался до него: кожа покрылась пупырышками, а плечи заметно дрожали. – Чего-то свежает. Пойду греться, пожалуй. Счастливо!

Он махнул рукой, развернулся и пружинисто зашагал в сторону дома.

– Что-то я вас даже не представил, – пробормотал Иван Ильич.

Горобец пожал плечами.

– Он бы имя тут же забыл. Зачем я ему сдался?

– Разве авторитетам связи в прессе не нужны?

– У этого связи давно есть, и на гораздо более высоком уровне.

– Поясните, – потребовал Иван Ильич.

– Вы же вроде знакомы хорошо с Дмитрием Алексеевичем.

– Не так чтобы хорошо...

Он в двух словах рассказал об обстоятельствах, при которых узнал владельца базы. Журналист слушал с интересом. Они подошли к калитке Бондарей и остановились, увлеченные разговором.

– Получается, Дмитрий боялся, что местные базу пожгут, а в итоге вон – его же парни пожарных для местных вызвали, – Иван Ильич закурил. – Ирония судьбы, так сказать.

– А вас, значит, он выбрал для переговоров, – задумчиво сказал Горобец. – Причем дважды.

– Ну, первый раз я чуть с охранником не подрался – Дмитрий, можно сказать, разруливать приехал. А сегодня... – он задумался, – пожалуй, просто повезло. Мимо же проходили.

– Вот именно, мимо! А он без штанов из сауны выскочил – нормально по-вашему? Видно, очень о пожаре хотел поговорить.

– Расставить все точки?

– Вроде того. Ситуация с этой базой неприятная, конечно, – Горобец поморщился, когда дым от сигареты полетел в его сторону. – Сейчас такие по всему побережью строят, в основном самозахватом, даже на заповедных землях.

– Здесь-то не заповедные. Заводик до перестройки был: цеха, причал небольшой – теперь, пожалуй, даже красивее стало. Но местным разве приятно на чужую богатую жизнь смотреть? Хотя Дмитрий в чем-то прав: туризм для деревни полезен.

Иван Ильич щелчком выбросил окурочок на дорогу и следом за журналистом вошел во двор. Пустые рамы дома кое-где обуглились, стены над окнами закоптились, выломанная пожарными дверь ничком вмерзла в грязь. Удручающее зрелище. Даже не верится, что он разговаривал здесь с лучшим другом меньше двух недель тому назад.

Горобец между тем обошел вокруг дома, заглянул в дверной проем, но внутрь войти не решился. Он остановился возле окна и с интересом уставился на землю.

– Подойдите-ка сюда.

Иван Ильич приблизился и тоже стал разглядывать перепаханную пожарниками грязь, которая за сутки ошетибилась, застыла колючей рябью.

– Ничего как будто, – заметил он.

– Именно что ничего. А теперь поглядите под другими окнами.

Иван Ильич послушно обогнул дом и снова уставился на землю. Как будто все так же. Разве что...

– Стекла! – догадался он.

– То-то и оно. – Горобец подошел и встал рядом. – Везде стекла полопались и осколки наружу полетели, а под тем окном чисто.

– Думаете, выбили?

– Не исключаю. Это единственное окно, которое выходит на дорогу. Что внутри? Кухня?

Иван Ильич покачал головой.

– Комната. В кухне как раз рвануло. Там Василий запас муки держал, а она взрывоопасная.

– А газовый баллон на веранде уцелел – значит, возгорание началось изнутри. Скорее всего, из этой самой комнаты.

Оба покосились на черную дыру входа.

– Можем рискнуть. Главное, чтобы крыша не обвалилась, – предложил Иван Ильич.

Горобец нахмурился, подошел к окну, под которым не было осколков, и заглянул внутрь.

– Посветить бы тут.

– Это я мигом.

Иван Ильич всегда выбирал зажигалки с какой-нибудь полезной функцией: картинка с голый дамой, например, или фонарик. В этот раз, к счастью, – последнее. Он направил хилый лучик в сумрак сторевшей комнаты, и удовлетворенно хмыкнул: на полу под окном блеснули осколки стекла.

– Даже не закоптились!

– Пожарные отмыли мимоходом, – пожал плечами Горобец. – Стало быть, версия с выбитым окном верна: осколки никак иначе не могли попасть внутрь. Жаль, не разобраться, откуда загорелось.

– Да уж, – отозвался Иван Ильич, безуспешно шаря лучом фонарика по обугленной мебели и полу. – Тут специалист нужен... А пожарные не могли окно выбить?

– Едва ли. Нет, это сделал либо поджигатель, либо еще кто-то, но в самом начале пожара.
– Первыми дым заметили охранники с базы... потом Мурашovy подъехали – вернулись из райцентра.

– Это вон те соседи, через забор? – кивнул в сторону дома журналист.

– Да, Иннокентия вы вчера видели, Кузьминична... Лизавета – жена его, в магазине работает.

– А, дама с портретом... Интересно.

– Между прочим, – сказал Иван Ильич, убирая зажигалку в карман, – вы знаете, кто изображен на портрете?

– А вы знаете?

– Угу. Это жена Дмитрия. Василий на новогодних праздниках часто на базу ходил, ее рисовал с натуры.

Горобец нахмурился и медленно пошел к воротам.

– Еще интереснее. Я ведь про него вам недорассказал: это Дмитрий Покровский, он во Владивостоке качалку держит... и служит в милиции – капитан, кажется.

Иван Ильич даже остановился.

– Ничего себе! Ну, тогда понятно, почему у него наколок нет.

– Удивились, да? – улыбнулся журналист. – В целом это обычное дело, когда силовики и бандитизм идут рука об руку – и в последнее время силовики берут потихоньку верх.

– Он сам упоминал, что базу другие люди строили, – вспомнил Иван Ильич.

– Отжал, скорее всего. Продавать нераскрученный бизнес по доброй воле никто не будет, как и покупать. Когда бесплатно достается – другое дело. Но вернемся к пожару. Я вот с трудом могу представить охранников в роли поджигателей. Отношения между ними и местными без того напряженные, а горящие избы обстановку вряд ли разрядят. Теперь Мурашovy. У них есть мотив?

– Кузьминична ценой дома интересовалась на днях, когда Петр за картинами приезжал. Еще раньше я их с рулеткой возле забора видел.

– Теперь участок подешевеет, – обронил как бы невзначай Горобец.

– Но их же в деревне не было!

– А пожар они обнаружили одни из первых... Есть возможность подтвердить их алиби?

Иван Ильич задумался.

– Они с Шерифом в райцентре виделись, сам говорил. Еще отругал Кешку, что про сломанный телефон не сказали.

– Шериф – это Назаренко? – улыбнулся журналист. – Ему подходит. Пожалуй, такой свидетель заслуживает доверия. Сговор тут маловероятен – слишком много участников. Дом загорелся рано утром, дым заметили после обхода...

– Это около восьми, – подсказал Иван Ильич.

Горобец кивнул и продолжил:

– Время легко уточнить в диспетчерской у пожарных – они фиксируют звонки. Мурашов поднял тревогу... перед моим приездом?

– Около девяти, кажется. Мурашovy подъехали, когда пожарных еще не было.

– Что ж они, час добирались?

– Это как раз меня не удивляет, но сработали быстро, молодцы. Еще минут через пятнадцать Назаренко вас привез... А как так вышло? У него рабочий день небось не раньше полудня начинается.

– У знакомых в редакции был контакт – еще накануне договорились, чтобы он меня с автобусной станции встретил... Итак, основную хронологию событий мы установили. Поджог совершили до восьми утра. Скорее всего, злоумышленник проник в дом через окно либо бросил внутрь «зажигалку». При этом у ближайших соседей есть неплохое алиби и мотив.

У охранников базы как будто ни того, ни другого, – Горобец взглянул на негостеприимные домики за сетчатым забором. – С этими, пожалуй, говорить бесполезно. А вот с Мурашовыми – попробуем!

– В магазин?

– Да, и побыстрее – я уже подмерзать начал.

– Тогда пойдемте через реку, тут к магазину быстрее. А вы не думаете, – спросил Иван Ильич, ускорив шаг, – что этот поджог имеет отношение к смерти Василия? Что это один и тот же человек сделал...

Горобец после паузы ответил:

– Может быть да, может – нет. Странное совпадение, конечно, но в жизни чего только не бывает.

– Не очень мне верится в такие совпадения.

– А это вы зря. Верить нужно фактам, а их пока мало. Вот почему вы вообще считаете смерть Бондаря насильственной?

– Так полущубка его на реке не было! И пальцы с ладонями порезаны, а Василий всегда работал в перчатках. Он же художник, руки берег.

– Мог снять перед тем как топиться. А если несчастный случай – упал в воду, когда уже домой собирался?

– Да вылез бы! Вон мостки удобные.

Они подошли к берегу реки. Прорубь затянуло льдом, все следы замела недавняя метель – только деревянные сходни напоминали о невеселом празднике. Журналист сообразил, что находится на месте убийства, и уставился на заснеженный лед.

Иван Ильич с воодушевлением продолжил:

– А насчет топиться – вот в это не верю. Не собирался он, вот ни разу!

– Депрессия – штука такая... малозаметная. Тем более творческим натурам дай только повод. Заказчик картину отклонил, денег нет – пошло-поехало.

– Иди ты! Поехало... я бы заметил.

Иван Ильич размашисто зашагал к деревне. Горобец догнал его и ткнул в плечо.

– Ты извини. Я за языком не всегда слежу.

– А по работе надо бы.

– И не говори, сам себе враг, – усмехнулся журналист. – Забыли?

– Забыли. Стало быть, на ты будем?

– Заметано, – Горобец замедлил шаг и прищурился. – А чего это, на лавке замок висит, что ли?

– Твою ж мать! – удивился Иван Ильич.

Магазин и вправду был закрыт. Когда такое бывало? Кузьминична вела торговлю даже по праздникам, сроду не упускала выгоды.

– Может, захворали?

– Вдвоем сразу? Так не бывает. Даже если бы Лизавета сама слегла – Кешку бы прислала.

– В доме у них вроде тишина. Я никого не заметил.

– Тогда уехали, – убежденно заявил Иван Ильич. – В райцентр, скорее всего. Может, Петру позвонить насчет картины.

– Это же не на весь день?

– Если других дел там нет, то к обеду вернутся. Хочешь, пока церковь глянем?

– Можно, – согласился журналист.

Но в бывшем клубе их тоже поджидало разочарование. Дверь была заперта – ни записки, ничего.

– Вот так да... – совсем растерялся Иван Ильич. – Отец Геннадий сроду служб не пропускал.

– Вчера у него аппетита не было – этот точно захворал.

– Наверняка. И утром в комнате его тихо было. Зайдем проверим – может, нужно чего.

Они пошли домой. Разделись в прихожей и прислушались: у Зои Ивановны негромко болтал телевизор, а из комнаты священника – ни звука.

– Хоть бы живой, – прошептал Иван Ильич.

– Точно. Такой гроб тащить – по всей деревне мужиков не наскрести.

Тихонько подойдя к двери, журналист постучал. Тишина. Он переглянулся с Иваном Ильичом – тот кивнул – и приоткрыл дверь.

– Вот те здрастье, – вырвалось у обоих.

Отец Геннадий сидел возле стола в исподнем. Подперев рукой лохматую голову, он с немой тоской глядел на бутылку кагора, в которой оставалось совсем чуть-чуть – на донышке. Еще с полдесятка пустых валялось под столом.

– Даже без стакана – из горла хлещет, – прошептал Иван Ильич.

– Это сколько он тут – с вечера сидит, что ли?

Священник не замечал гостей – его мысли были где-то очень далеко, если они вообще были. Аккуратно прикрыв дверь, Горобец подошел к столу и окликнул хозяина.

– Отец Геннадий. Вы себя нормально чувствуете?

– Лучше всех, – мрачно отозвался тот, не поднимая глаз.

– Вам бы поспать.

– На том свете отоспимся.

– И церковь закрыта, – воззвал к служебным обязанностям священника Иван Ильич.

– Кому оно надо? – отец Геннадий поднял на него мутный взгляд. – Тебе? К богу захотел?

Ох... – он снова опустил голову и махнул рукой куда-то в сторону, – ключи на тумбочке возьми.

– Да мне-то ни к чему... А Сергей прав, поспать вам надо. И нехорошо как-то – вино церковное по непрямому назначению...

– По самому что ни есть прямому, – возразил священник. – Вино создано для питья, как человек – для любви. И потом, не украл же!

– Не украл-не украл, – примирительно выставил перед собой руки Иван Ильич. – А поспать все-таки надо, а то только хуже будет, – он сгреб с кровати поповские вещи, повернулся к стулу, заменяющему тумбочку. – Сейчас лишнее уберем...

На стуле лежали рабочие перчатки. Слишком маленькие для отца Геннадия, слишком большие для тетки, слишком чистые и аккуратные для его собственных, слишком необычные и дорогие для любого в деревне.

Только у Василия были такие перчатки – пепельно-серые, с замшевыми вставками на ладонях. Брат привез, конечно.

– Отец Геннадий, откуда это у вас?

– Это? – священник обернулся, сделал неудачную попытку встать, но только рукой махнул. – Это не трогай. Отдать надо.

– Кому?

– Ты чего? – поинтересовался Горобец, подходя к кровати.

Иван Ильич протянул ему перчатки.

– Это Василия.

– Одна пара была?

– Одна. Наверняка в них прорубь делал...

– Я их там и нашел, – пояснил отец Геннадий.

– Это когда же?

– Да на Крещение, конечно. Встал как обычно, раненько... дай, думаю, схожу. Хоть погляжу, в какой обстановке работать.

– Ну и как? – Горобец подвинул пустой стул и сел рядом со священником.

– А хорошо, знаете... Сергей, кажется? – священник подпер бороду кулаком. – Хорошо там было. Тихо, чисто... благодать одна. Только сходни не доделал маленько... готовые рядом лежали – ну, я сам поставил на место. А перчатки валялись, я взял, чтоб отдать.

– И ничего странного не заметили? – с недоверием спросил Иван Ильич.

– А чего там странного? Водичка плещет, снежок скрипит... А что покойник подо льдом – так я тогда знать не знал.

– Удивились потом, должно быть, – заметил журналист.

– Удивился, конечно. Как все, – отец Геннадий выпрямился на стуле и с тоской поглядел на дотошных собеседников. – Чего вы пристали ко мне, а? Уйдите, Христа ради.

– Никуда я не пойду, – возмутился Иван Ильич и сел на скрипнувшую койку. – Почему раньше молчали?

– А о чем тут говорить? Ну, был там... ну, перчатки нашел. Не убивал же я его.

– Это еще предстоит выяснить!

– Да зачем мне это? – изумился отец Геннадий. – Сроду мухи не обидел.

– Темперамент-то у вас не из спокойных, это вся деревня знает.

– Грешен, – кивнул священник. – И накричать могу, и обидеть – но не убивать же! Да и зачем? Василий мне с самого начала первым помощником был.

– Но идею с крещенским купанием вы точно не поддерживали.

– Не поддерживал. Пережиток это, и не в наших широтах такое устраивать. Сляжет пол-деревни с воспалением легких – в районной больнице коек не хватит. Но Василий идеей прямо загорелся, как одержимый – тоже мало хорошего...

– Отец Геннадий, – осторожно перебил Горобец, – а кроме перчаток на берегу ничего не было?

– Нет... Полушубка – вы ж о нем? – точно не было. Я бы заметил.

– Следы, может, какие-нибудь? Снег-то довольно свежий был, – напомнил Иван Ильич. Отец Геннадий ненадолго задумался.

– Был след автомобиля, – сказал он наконец. – Из деревни на хутор... или обратно.

– Может быть, кто-нибудь помогал ему доски перевезти? – предположил журналист. – Для сходней сколько материала нужно, да инструмент еще – как одному управиться?

Иван Ильич покачал головой.

– Да там немного, он сам все, в несколько ходок. Накануне виделись, я еще думал – не помочь ли?

И замолчал. Ему вдруг стало жаль отца Геннадия. Молодой поп, небось, маялся все эти дни похлеще самого Ивана Ильича. Пастырь все-таки – ну, это по его мнению – и лучшую овечку упустил. Хотя для запоя поздновато, тут что-то другое...

Последнюю мысль Горобец будто расслышал и тихо спросил священника:

– А почему вас так этот портрет давеча расстроил?

Отец Геннадий протянул руку и взял последнюю бутылку кагора. Вытряхнув остатки в рот, он утер губы тыльной стороной ладони и ответил:

– Дело не в портрете, а в той, кто на нем...

– Наталья, – вырвалось у Ивана Ильича.

– Знакомы уже, – усмехнулся поп. – Вот и мы были знакомы... года три тому назад.

– Поссорились?

– Разругались. – отозвался отец Геннадий. – Потом я сюда приехал. Жил спокойно, а тут она – совсем не изменилась... Когда узнал, что замужем, просто крышу снесло. Сам не помню, чего наговорил.

– Много разного, – кивнул Иван Ильич.

– А портрет этот... не знаю... вот вроде она на нем, а вроде и нет.

– Непохоже? – спросил Горобец.

Священник пожал плечами.

– Она всегда была собранная, спокойная, холодная даже. А на картине – ни дать ни взять библейская грешница... только Спасителя еще не дождалась.

Иван Ильич посмотрел в окно. Комната у священника была не самой уютной, зато с лучшим видом – на бухту и пляж. Далеко внизу топорщились домики новой базы, белая от снега полоса берега контрастировала с холодной синевой моря.

Если Мураш не соврал, Наталья каждое утро выходит там на пробежку. И тут не пить, тут поговорить нужно.

Глава четырнадцатая

Иван Ильич встал очень рано. Прихлопнул будильник, едва тот запищал – Горобец на кровати только заворочался, но не проснулся. Остаток предыдущего дня для обоих выдался утомительным. Утомить священника оказалось делом нелегким: то он требовал продолжения банкета, то без конца извинялся за свое поведение, то рвался сходить в магазин за водкой... Привлекать тетку совсем не хотелось – сплетницей она точно не была, но к отцу Геннадию относилась замечательно и очень бы расстроилась, узрев его в таком виде.

К обеду священника кое-как удалось уложить в постель, но за столом Иван Ильич и Горобец сидели как на иголках, то и дело прислушиваясь к происходящему за дверью. Во второй половине дня они никуда уже не пошли. Смотрели телевизор в комнате Зои Ивановны и по очереди заглядывали к отцу Геннадию. Тот спал как младенец – если, конечно, у младенцев бывают бороды и ноги сорок седьмого размера.

Иван Ильич сгреб со стула одежду и тихонько проскочил по коридору в ванную, где привел себя в порядок. В доме было прохладно. Разжигать кухонную печь он не стал, обычно отец Геннадий встает в это время, и похмелье едва ли будет достойным поводом, чтобы поваляться подольше. Следовало поторопиться: прежде чем выйти на улицу, хотелось выпить кофе.

Он насыпал в турку темно-коричневый пахучий порошок, плеснул воды и включил электроплитку. Дремавший у печки Кешка потребовал завтрак. Иван Ильич открыл холодильник: в кастрюле с застывшим бульоном плавали куски куриной грудки. Один он выдал коту, и тот с урчанием приступил к трапезе. За окном было совсем еще темно. Впрочем, пока позавтракает, пока оденется, пока спустится к морю – рассветет. Самое время для пробежек.

Своей идеей – поговорить с Натальей – Иван Ильич не поделился с журналистом. Язык у того подвешен, спору нет, лучше, но наедине женщина наверняка будет откровеннее. Если вообще захочет разговаривать. Все-таки жена важного человека, да еще замкнутая, по словам отца Геннадия. Бог знает, что у нее за душой. Впрочем, спортсмены обычно незлые – что-то у них там вырабатывается во время тренировок.

В турке забулькало. Дав пене осесть дважды, Иван Ильич перелил кофе в кружку и уселся к столу. Давненько он не просыпался так рано, да еще по будильнику. А ведь перед рассветом самое время для дум: мысли незамутненные, идут сплошной чередой, друг дружку не перебивают – ясно, слаженно, спокойно.

Он постарался припомнить все, что узнал накануне. Отец Геннадий был на реке почти сразу после убийства... сходни Василий доделал, но не успел установить... а по дороге мимо реки проходил след от автомобиля. Сам Иван Ильич никаких следов не припоминал, да и не оглядывался там особо. По крайней мере, на снег не смотрел. А ведь это может быть важнейшей уликой, которая еще неизвестно к чему приведет. И к кому.

Машин в деревне не очень много: невыгодно держать, до райцентра обычно ездят с попутками. У Мурашовых есть драндулет, еще бандитский внедорожник... и Петр не на своих двоих в Двупалое прибыл. Шериф? Крайне маловероятно: пришлось бы выезжать до рассвета, а он человек женатый, и объяснить супруге сборы спозаранку было бы сложновато. Деревенские праздники раньше полудня не начинаются же.

– Кто ходит в гости по утрам? – пробормотал Иван Ильич.

И в голове тут же заиграла песенка Винни-Пуха. Вот тебе и ясность мышления! Он быстро допил кофе, сполоснул кружку и вышел в коридор. Кешка на пороге кухни наблюдал, как одевается новый хозяин. Мордочка кота выражала недоумение: куда, мол, собрался в такую рань? Застегнув пальто, Иван Ильич подмигнул ему.

– Извини, брат. Один на хозяйстве побудешь, пока не проснутся... а то может и я раньше вернусь.

– Мяв!

– Да самому неохота: там дубак, небось... Но правду о твоём хозяине нам надо узнать?

– Мяв, – смягчился кот.

– Вот то-то, – Иван Ильич потрепал его за ушком и вышел, бесшумно прикрыв дверь.

Мороз тут же вцепился в щеки, ущипнул за нос – хорошо, уши под шапкой не нашёл. Иван Ильич поднял воротник и нахохлившимся воробушком поскакал вниз по улице. В утренних сумерках приходилось ориентироваться по памяти, благо в маленькой деревне это несложно. Он решил подождать бегунью на пляже метрах в ста от базы. Ближе охранники могли заметить, что кто-то докучает хозяйке, и прервать беседу, причем самым неделикатным образом.

Дойдя до намеченного места, он принялся ждать.

Через несколько минут лязгнули ворота, и в конце пляжа появилась маленькая тень. Она быстро приближалась, уже можно было узнать очертания женской фигуры в спортивном костюме и шапочке. Иван Ильич стоял неподвижно, и только когда между ним и Натальей оставалось не более двадцати метров, махнул рукой.

Она замедлила шаг, заметив незнакомца, но – к ее чести – не струсилась. А может, любопытство оказалось сильнее? Иван Ильич шагнул вперед и поздоровался:

– Доброе утро, Наталья.

Женщина остановилась. У нее даже дыхание не сбилось – сказывались регулярные тренировки.

– Мы знакомы?

– Заочно, – улыбнулся он. – Я Осинников Иван Ильич, приятель Василия, который вас рисовал.

– А... Неудачно тогда получилось.

Она скрестила руки на груди и переминалась с ноги на ногу. Костюмчик для зимней пробежки вполне подходящий, а вот для светских бесед на природе – тонковат. Затягивать разговор было нельзя.

– А что собственно не устроило вас в портрете?

– Меня? Да я бы заплатила с радостью, но муж категорически против. А вы почему спрашиваете?

– Погиб-то он на другой день после вашей последней встречи.

– Я думала, это несчастный случай..

– Милиция думает, что самоубийство.

Он выдал только половину правды, чтобы посмотреть на реакцию собеседницы, но ее лицо оставалось бесстрастным.

– Давайте пройдемся – мне холодно стоять... – Иван Ильич кивнул, и они зашагали вдоль пляжа. – Да, тогда очень некрасиво получилось. Мы приехали специально, чтобы на готовую работу посмотреть, но увы... Мужу не понравилось. А почему вы только сейчас ко мне пришли?

– Ну, я не так давно узнал, что вы ему позировали. Василий не из разговорчивых был, но сосед видел, как он ходил на базу... а на днях картина нашлась.

– И что?

Прямолинейная девушка! С такой лучше не юлить.

– Я думаю, его убили, – ответил Иван Ильич.

Ему показалось, что Наталья сбилась с шага, но тут же взяла себя в руки. Они приближались к противоположному от базы концу пляжа – похоже, женщина тоже не хотела, чтобы охранники помешали разговору.

Иван Ильич был на добрые полголовы ниже спутницы и чувствовал себя не особенно уверенно. Он заставил себя расправить плечи. Нечего позволять собственным комплексам мешать делу.

– Почему вы так думаете? – спросила Наталья.

– Потому что для суицида действительно не было мотива, а несчастный случай исключен. Там неглубоко, верхнюю одежду он снял – выбрался бы без проблем. Даже если б головой ударился, следы бы остались, а у него только на ладонях порезы, – Иван Ильич перечислением этих фактов как будто пытался убедить себя, а не собеседницу.

– Когда, вы говорите, это произошло?

– Утром, на Крещение. Он сам прорубь делал, только сходни осталось установить. Полушубок его на вашей базе нашелся через пару дней. И перчатки рабочие оказались вообще у другого человека.

– О полушубке я слышала что-то – его наверняка через забор подбросили... Охранники у нас не особо умные, врать так складно не могут. А вот насчет перчаток вам лучше этого человека подробнее расспросить.

– Уже расспросил, как мог. Он тоже тем утром к реке прогулялся. Сходни установил на место и перчатки нашел. Забрал, чтобы не потерялись.

– И вы в это верите? – иронично осведомилась Наталья.

– Да не пристало как-то священнику врать.

Краем глаза Иван Ильич заметил, что женщина повернулась к нему, но сохранил невозмутимый вид. Еще подумает, что он сплетник.

– А зачем ему на реку с утра понадобилось?

– Решил морально подготовиться перед службой. – поразмыслив, ответил Иван Ильич. Наталья тихо фыркнула. Или это ветер с моря?

– Так почему у вас с портретом не сложилось? – спросил он.

– Мне понравилось... Не совсем то, чего я ожидала, конечно, но очень талантливо. Очень! А вот муж не понял и не принял. Ну, он от искусства далек... и грубым бывает.

Иван Ильич вообразил Дмитрия в гневе и мысленно поежился.

– А как вообще получилось, что вы начали позировать Василию?

– Случайно, можно сказать. Я первого января вечером вышла на пробежку, а он на берегу гулял, коряги собирал какие-то для натюрморта. Меня увидел – и почти сразу предложил написать портрет, – Наталья улыбнулась. – Романтика, одним словом.

– И вы действительно позировали в таком... образе?

– Нет, конечно! Василий Петрович только один раз попросил волосы распустить, а остальное сам додумал.

– Он ведь несколько раз приходил на базу?

– Почти неделю бывал ежедневно. Работал по три-четыре часа. По утрам, когда свет хороший, – добавила она. – В гостинной у нас рисовал. Сначала эскизы на бумаге, потом уже на холсте. Мы же уехали десятого, так что портрет Василий Петрович без меня заканчивал.

– А вы не разговаривали во время сеансов?

– Говорили, конечно. Но так, о пустяках всяких. Он ни на кого не жаловался, если вы об этом хотели спросить.

– Хотел, – признался Иван Ильич. – Я знаю, что Василий был не из разговорчивых, но вдруг...

– Он больше про церковь рассказывал – как расписывал ее. Еще о планах купель на Крещение соорудить...

– Значит, вы уехали десятого – а вернулись когда?

– Накануне Крещения, восемнадцатого января. Утром приехали, днем Василий Петрович готовый портрет принес.

– В котором часу, не помните?

– После обеда, точнее не скажу. Не позже трех часов. Пробыл недолго... ну, вы понимаете...

Иван Ильич быстро прикинул, что в магазине Василий появился под закрытие, к четырем, а там ходу минут пятнадцать от силы – значит, где-то еще с полчаса бродил. Не дома, иначе картину бы там оставил.

– Извините, что спрашиваю... а на Крещение все были на базе? Может, кто-нибудь уезжал?

– Нет, – не сразу ответила Наталья. – Муж накануне вечером ездил куда-то. Мы поссорились немного тогда... но вернулся быстро. У охранников машины нет, я вообще не вожу; только на пробежку выходила, как всегда. А около полудня мы уехали в город. Почему вы спрашиваете?

– След покрышек у реки был, а Василий «безлошадный», – нехотя пояснил Иван Ильич, мысленно ругая себя за такую откровенность с подозреваемой. Приятной во всех отношениях и с виду искренней, но подозреваемой. – Постарайтесь, пожалуйста, припомнить: может быть, произошло еще что-нибудь необычное в последнюю вашу встречу?

Наталья задумалась и ответила не сразу:

– Василий Петрович портрет в какую-то ткань упаковал... пока разворачивал, держал его лицом к себе – муж на обороте прочел автограф и спросил, не его ли родственник базу построил.

– Базу? – удивился Иван Ильич.

– Да, бывший хозяин – Бондарь. Думаю, однофамилец, потому что Василий Петрович тоже очень удивился... Я вообще хотела из собственных денег ему заплатить, но побоялась, что муж узнает. А теперь как...

Она обхватила себя руками за плечи и отвернулась к морю. Солнце совсем уж встало, покрасило оранжевым Два Пальца посреди бухты, и на воде играли желтые блики.

– Вы замерзли совсем, – сказал Иван Ильич. – Идемте, я вас до базы провожу.

– Я лучше пробежусь. Одна. Не обижайтесь, мне лишние расспросы ни к чему.

Наталья улыбнулась на прощание и сорвалась с места. Иван Ильич с минуту глядел ей вслед, а потом пошел домой. Шел неспешно, а сердце колотилось, как будто бежал.

Значит, Бондарь... Ходили ведь слухи, что строит кто-то из местных, да подтверждения не нашли. А Васька, значит, нашел и Петру все высказал. Наверняка ведь с базы звонить отправился, иначе с чего бы ему картину в деревню тащить. И если Петр приехал не перед купанием, а вовсе накануне...

Иван Ильич оборвал себя на половине мысли. Ну, если даже и приехал в другое время – то что? Тоже мне мотив: брат правду узнал! И база-то уже не его. Ну, посидели бы, выпили – и все. А уж топить в проруби родного человека, а потом его одежду раскидывать по деревне – ну, это перебор. Петр – мужик спокойный, степенный. Такую суету не стал бы разводить. Он бы и спланировал все заранее, и от тела избавился с умом.

– Не может быть, – пробормотал Иван Ильич. – Просто не может быть.

Он не заметил, как дошел до дома, и только в прихожей понял, что продрог до костей. Хотел было протопить печь, да услышал шум на кухне: там вовсю шуровал отец Геннадий. Незаметно проскочить мимо распахнутой двери не представлялось возможным, поэтому Иван Ильич отправил пальто на вешалку, переобулся в тапки и шагнул навстречу неизбежному.

Священник выглядел даже бодрее обычного. «Как огурчик!» – мысленно восхитился Иван Ильич. И не скажешь, что этот цветущий мужчина вчера пол-ящика кагора выкушал в одно лицо. При виде соседа отец Геннадий насупился и буркнул:

– Доброе утро. На пробежку, что ли, выходили?

– Рассвет встречал, – мрачно отозвался Иван Ильич, взяв чайную кружку.

Следовало догадаться, что поп вчерашнего не забудет и не простит. Сильные люди не любят демонстрировать слабость, самим себе в первую очередь. А тут свидетели! Уйти бы сейчас в комнату, да там Горобец спит и холодно еще. Нетушки, здоровье дороже! Он присел к столу и шумно отхлебнул горячего чая.

Священник открыл печную дверцу, чтобы подбросить дров, а потом добавил кипятка в свою кружку и занял стул напротив. Молчание было даже более напряженным, чем обычно. Отец Геннадий уставился в окно, а Иван Ильич барабанил пальцами по столу. Вот и помогай людям после этого – никакого намека на благодарность! Полдня с ним провозились, сами же теперь и виноватые.

– Утречко доброе! – на кухню, потягиваясь, вошел Горобец. Он выглядел, как и подобает мужчине хорошо за сорок в половине восьмого утра. – Чего грустные такие: не можете договориться, кому за пивом бежать?

– Да магазин только в девять откроется, – Иван Ильич не удержался от усмешки.

– Ну и отличненько, вместе ходим... Батюшка, куда же вы?

Но отец Геннадий уже хлопнул дверью своей комнаты. Горобец пожал плечами.

– Меньше народу – больше кислороду, как говорил мой первый главред. Где у вас тут кофе?

– Сейчас, – спохватился Иван Ильич. – Ты садись, я быстро.

Он насыпал в турку двойную порцию кофе: гостю и себе. Горобец сидел на стуле отца Геннадия и почесывал холку Кешке, невесть откуда нарисовавшемуся у него на коленях.

– Хороший котик, хороший... А ты когда встал-то? Я вроде не слышал.

– Рано. Дело одно было, позже никак.

Он рассказал об утренних приключениях и о том, что удалось узнать. Журналист слушал внимательно, время от времени отхлебывая кофе.

– Вот так, – закончил Иван Ильич. – Получается, накануне гибели Василий узнал, что эту чертову базу его родной брат построил. А ведь он первый был против.

– Может, зря он так, – пожал плечами Горобец, – Для деревни туризм – дело хорошее. У нас, сам знаешь, зона рискованного земледелия. А тут живые деньги, новые лица – жизнь закипит...

– Да кому это нужно? Старики одни остались небо коптить, вся молодежь разъехалась. Внуков летом привозят – тогда и жизнь. А теперь понаедут всякие, будут танцы по ночам устраивать, без пьяных драк не обойдется.

– Ну ты загнул! Среди городских тоже приличные люди имеются, им тоже детей надо на природу хотя бы раз в году вывезти. Контингент разный попадает, конечно...

– То-то и оно, что разный. В общем, Василий был против, и тут я с ним солидарен. Да что там я – вся деревня.

– Мда, некрасивая ситуация. Думаешь, он с базы звонить брату пошел?

– Скорее всего, – кивнул Иван Ильич. – А ты бы не пошел?

– У меня брата нет. А вообще черт его знает.

– Ну, смотри: магазин в четыре закрывается. Показывать портрет заказчикам Василий пришел не позднее трех и на базе не задерживался. Чем-то же он занимался все это время?

– Думаю, ты прав, – помолчав, ответил Горобец. – Надо бы у Мурашовых спросить – вчера мы до них так и не добрались.

– Сегодня должны вернуться. После завтрака ходим.

Глава пятнадцатая

Магазин был открыт: Мураш, как и в прошлый раз, «дежурил» на крыльце. И в позапрошлый, если подумать. Вообще загнать его внутрь могло только ненастье, а дома одного Кузьминична не оставляла. Иван Ильич в чем-то понимал эту строгость.

– Утречка доброго, – поприветствовал их Мураш. – Решили по пивку дерябнуть? У нас хорошее еще осталось.

– Да мы поговорить, – Иван Ильич поднялся на крыльцо и пожал хозяину руку. – Кеш, ты Василия видел, когда он последний раз в магазин заходил?

– Так это ж накануне... видал, поздоровался. Только в лавку он сам пошел, я с Лизкой в контрах че-то был.

– А время, время не помните? – спросил Горобец.

– Да уже закрываться собирались – покупателей в тот день ни хрена... Стало быть, часам к четырем дело шло.

– Может, раньше, если покупателей не было?

Мураш посмотрел на журналиста, как на идиота.

– В четыре – это и есть «раньше», – терпеливо пояснил он. – Лизка выгоду не упустит, да и чего дома без толку сидеть. Только после Васьки покупатель табуном пошел, так что закрылись поздно, а не как собирались. И выручки-то – тьфу!

– А «поздно» – это во сколько? – с улыбкой полюбопытствовал Горобец.

– В полпятого, – твердо ответил Мураш. – А то и без четверти... В пять Лизка макарон с котлетами разогрела, да ужинать сели. Я, помню, перед «Вестями» покурить вышел. Тогда как раз Васька с реки вернулся, я ему махнул с крылечка-то.

Дверь магазина приоткрылась, и в образовавшуюся щель выглянула Кузьминична.

– А чего вы тут толчетесь? – сладко пропела она. – Заходите, я чаек собралась пить. Мерзнуть еще с этим...

Мураш отвернулся к морю, демонстративно ее игнорируя: супруги, похоже, снова были в контрах. Кузьминична же скалилась, как волчица. Принять сейчас чью-то сторону означало вступить в эту нескончаемую войну. Иван Ильич растерянно взглянул на тлеющую сигарету, а Горобец будто прочел его мысли и заявил:

– Я и вправду подмерз. Пусть покурят, а мы давайте по чайку!

Кузьминична распахнула перед ним дверь и через секунду захлопнула ее, предварительно бросив презрительный взгляд на мужа.

– Мегера, – изрек Мураш. – Сама сперва выведет, а потом дуется, как мышь на крупу.

– Не деретесь – и то хорошо, – рассудительно заметил Иван Ильич. – Собачитесь иной раз на ровном месте, конечно... ну а кому легко в законном браке?

– Да, вовремя ты оттуда свинтил. Мне бы тоже, пока молодой, да сын ведь рос. Куда парня безотцовщиной оставлять, да еще с такой дурой-матерью.

Иван Ильич мысленно выматерился: вот, значит, что о нем в деревне говорят. И ведь за четверть века никто не поинтересовался, как на самом деле там было, а вон что – сами все придумали. По сути, тут о каждом какие-нибудь слухи ходят. К примеру, он сам не раз слышал, что Мураш поколачивает жену. Слышал, но не верил: обоих знал с детства и представить не мог, чтобы добродушный Кешка поднял руку на свою красавицу, в которой души не чаял с первого класса. Скорее уж наоборот.

– А чего вчера закрыто-то у вас было? – буркнул он.

– Да в райцентр ездили, Лизка Петру позвонила насчет картины, – Мураш даже не заметил перемен в настроении собеседника.

– Ну и как? Берет?

– Вроде берет – рожа у ней довольная была, когда в машину вернулась. Я не спрашивал. Их дело...

– Мудро, – Иван Ильич покосился в окно и увидел, что разговор между Кузьминичной и Горобцом идет полным ходом, лучше не мешать. – Как машина-то? Два раза за неделю через сопки гонять – не каждая выдержит.

– Скажешь тоже! Оба раза нормально съездили... то есть первый раз барахлила на обратном пути, а давеча вообще без проблем – моя ласточка летает, когда нужно.

– А я-то подумал: не из-за машины ли поругались?

– Да не, – Мураш нахмурился, – из-за фигни всякой. К вечеру отойдет, не бери в голову. Я уж давно не заморачиваюсь.

Иван Ильич понимающе хмыкнул.

– Слушай, а чего вы все разнохиваете? – спросил вдруг Кешка. – Журналисту, ясно, статью про Ваську сочинить надо, а ты-то чего?

– А ты веришь, что он сам утопился?

Мураш пожал плечами.

– Мог и сам. У Васьки всегда были мозги набекрень... Ты не обижайся, – добавил он, бросив быстрый взгляд на Ивана Ильича. – Мало ли кто с кем дружбу водит! Может, художник он был и хороший, а как человек – ну, я еще у проруби сказал, повторяться не буду. Нехорошо о покойнике. Только знаю его получше тебя, всю жизнь через забор, так сказать... Характер был – врагу не пожелаешь. Да чего там, он и в последний раз приходил злой, как черт. Меня с порога на три буквы послал ни за хрен собачий. Подумаешь – Рембрандтом его назвал – я, может, комплимент хотел сделать.

«За такой комплимент и по морде дать не грех», – подумал Иван Ильич, а вслух сказал:

– Он не в духе был. Картину ему заказали, а платить не стали – не понравилась.

– Да видал я, мне б тоже не понравилась. Таковую ни на стену не повесишь, ни гостям не покажешь. Вот мол, жена моя изображена, только с утра и не причесана малость – тьфу!

– Дурак ты, Кешка. Это искусство, настоящее. Нам с тобой не понять, но глазами-то смотреть надо!

– Сам дурак! Вечно вот нос задираешь, что городской и училкин племяш! Проще надо быть, проще...

– Да с чего вы все думаете, что я нос задираю? Вон Васька был замкнутый – он тоже, по-вашему, нос задирает?

– Ясное дело, – убежденно заявил Мураш. – С детства небось думал, что художником вырастет и будет в городе голых баб рисовать. Ни на рыбалку с нами, ни за грибами, ни сдачи дать, если полезет кто – все руки берег, как не пацан. Ему мать-покойница мозги промыла, все думала, что гения родила.

Бондариху Иван Ильич помнил хорошо. Тихая, добрая женщина, она много лет тянула на себе хозяйство, двух сыновей и мужа-фронтовика. Тот вернулся в середине войны после ранения. И вроде быстро оклемался, но внутри что-то надломилось. Пил по-черному, поколачивал домашних. Мать в таких случаях всегда защищала младшего и частенько получала сама... больше всех доставалось Петру. Но он никогда не жаловался, просто после армии не вернулся в деревню.

– Да когда ей мозги было промывать, – покачал он головой. – Сыновей бы одеть-обуть – забыл, какое время было?

– Я-то помню. Вы с Зоей Ивановой на всем готовом жили: и дрова, и продукты кой-какие по селу собирали – а я, деревенский, с пяти лет в огороде горбатился, корову в стадо гонял, с семи – дрова колот на морозе. И они так же! Только Ваську мать берегла и каждую копейку ему на краски и бумагу тратила. Петька как сорняк рос – здоровый лоб, че ему сделается.

Иван Ильич с минуту не находил, что сказать.

– Не замечал такого, – признался он. – Мы только в школе вместе держались, а домой он меня ни разу не позвал. Я даже не знал, как оно там.

– А вот знай теперь. И не говори мне даже, что вы носа не задирали. Жили на всем готовом – что ты, что Васька, царство ему...

Дверь скрипнула, и на крыльцо вышел Горобец с пакетом в руках.

– Все не накуритесь? – улыбнулся он. – А мы уж с Елизаветой Кузьминичной успели чаю попить. Идем, что ли?

Они распрощались с Мурашом и пошли домой.

– Выяснил что-нибудь? – спросил Иван Ильич, отойдя на приличное расстояние.

– Ничего нового. Вчера ездили в райцентр, чтобы старшему Бондарю позвонить насчет картины. Вроде заинтересовался. Перед пожаром они были там же в гостях, заночевали и вернулись утром; на обратном пути машина барахлила, особенно на перевале. Ну и накануне гибели Василий Петрович действительно заходил ближе к четверем. Был хмурый, практически хамил – Елизавета Кузьминична даже картину брать в залог не хотела. Не сомневалась, что выкупит, просто назло.

– Кешка почти то же самое рассказал.

– Есть расхождения? – оживился журналист.

– Нет, просто он в машине сидел, пока Кузьминична звонила Петру, да и Василий в магазин один заходил – Кешка на крыльце курил.

– Значит, либо все в целом правда, либо муж с женой в сговоре.

Иван Ильич неплохо знал об отношениях между супругами, поэтому усомнился в последней версии.

– Не врут, скорее всего. Им сговориться трудно, собачатся через день.

– Бывают такие семьи, – кивнул Горобец. – И немало. Как живут – непонятно.

– Смолоду у них по-другому было. Самая козырная пара, если вспомнить: она – первая красавица, да и он не хуже. Видный был парень, а еще на аккордеоне выучился играть, девки в штабеля укладывались. Только поначалу как было: Кешка в море, она на берегу, поругаться толком некогда – а потом... перестройка, все накрылось, денег нет, сына поднимать надо... торговать начали. Кузьминична-то баба хорошая, работающая, с такой не пропадешь. Ну и он на подхвате как-то устроился.

– Сын в городе?

– Стоматологом работает. Вроде хорошо живет, внуков возит – оба вежливые такие... Мурашovy при пацанах-то совсем шелковые становятся. Все улыбаются, вежливые, слова грубого не скажут. Потом во Владик внуков проводят и наверстывают упущенное. В конце августа хоть в лавку не ходи – под перекрестный огонь попадешь.

– Да и сегодня чуть не попали; хорошо, что удалось бойцов по разным углам развести.

– Это ты молодец, – одобрил Иван Ильич и с подозрением покосился на пакет. – А чего купил-то?

– Муки... Зоя Ивановна второй день вздыхает, а мы все забываем. Да и Елизавета Кузьминична такая радушная хозяйка – неудобно было без покупок уходить. Она еще полкило творога посоветовала взять своего.

– Взял? – без особой надежды спросил Иван Ильич.

– Конечно! Я деревенского сто лет не ел, да и домашней выпечки тоже.

– Ну вот вечером попробуешь... домашнего с пылу с жару.

Горобец вопросительно поднял брови, но Иван Ильич только махнул рукой и ускорил шаг. Он-то чаю не пил и успел на крыльце промерзнуть до костей.

Зоя Ивановна обрадовалась муке, как родной дочери. Она тут же убежала на кухню ставить тесто, а Иван Ильич с журналистом удалились в комнату, чтобы обсудить ситуацию.

– Мне один вопрос покою не дает: как Петр умудрился скрыть, что база – его рук дело?
– На его месте я бы тоже скрывал, – пожал плечами Горобец. – Местные затею не одобрили, так чего трепаться? Еще пожгут, в самом деле. Пока все думают, что хозяин – какой-нибудь городской бандит, все будет в порядке.

– Теперь-то так и есть, – задумчиво сказал Иван Ильич. – Расспросить бы его лично, но мне в город ехать глупо, да у него дел сейчас с этой выставкой полно, дома не застанешь... А позвонить неоткуда.

– Телефон-то починят рано или поздно. Назаренко обещал...

– Да он много чего обещает! – махнул рукой Иван Ильич. – Мне ведь не только с Петром связаться нужно.

После разговора с Тамарой Семеновной прошло около недели. Она наверняка уже выяснила подробности вскрытия и могла узнать что-нибудь важное – за всеми событиями последних дней он совсем забыл позвонить. Да если бы и вспомнил, что толку? Ехать, что ли? Если повезет, просидит в теплой библиотеке полдня, воспользуется тамошним телефоном, чтобы связаться с городом... Поток его мыслей прервал Горобец:

– Я завтра-послезавтра уже поеду, могу с Бондарем поговорить. А ты позвонишь в редакцию, как ваш аппарат починят. Домашний номер тоже оставлю, только меня там фиг застанешь. Да и вряд ли он что-то новое расскажет...

– Ваня, – в комнату заглянула Зоя Ивановна, – почисти картошки. Я тесто поставила, начинку готовлю.

– Сейчас, тетя Зой. Это мысль! – сказал он журналисту. – Я с картошкой разделаюсь, а потом продолжим.

– Давай, я пока наброски к статье поделаю, – Горобец достал из-под кровати чемоданчик, в котором держал все свои журналистские примочки.

Иван Ильич прошел за теткой на кухню, попутно захватив из ящика в прихожей несколько крупных картофелин. Он набрал в эмалированную миску воды из-под крана, взял маленький нож и принялся за работу. Зоя Ивановна тем временем занялась начинкой для своих уже легендарных плюшек. Собственно, требовалось просто смешать творог с сахаром, но тетка делала это с вдохновением и трепетом, каким позавидовал бы Пушкин где-нибудь в болдинском октябре.

– Что-нибудь новое удалось узнать? – спросила Зоя Ивановна, не прекращая орудовать ложкой.

– Неа, – первая картофелина полетела в воду. – Мурашovy давеча опять в райцентре были, Лиза Петру звонила насчет картины.

– Хорошо! Мне портрет очень понравился, Вася прямо молодец. Это обязательно на выставке должно быть, только... этот заказчик, Дмитрий, возражать не будет?

– С чего бы? Он же отказался покупать.

– Не захочет, например, чтобы жену его в таком виде выставили перед целым городом. Любителей живописи, конечно, во Владивостоке немного, но... портрет-то узнаваемый.

– Ну и ладно! Это же искусство, – в воду полетела вторая картофелина.

– Это для нас с тобой искусство, а для большинства – просто баба в дурацкой одежде нарисована, лохматая, – Зоя Ивановна полюбовалась содержимым миски, принялась, – Надо еще корицы добавить. Так что я совсем не удивлюсь, если он попытается помешать выставке... или, по крайней мере, забрать портрет.

– Кто ж ему даст?

– Ну, если денег предложит, Лиза не откажется.

– Это верно, – он бросил в воду третью картофелину. – Но чтобы предложить, ему нужно узнать, что картина еще в деревне. Дом-то сгорел, а перед этим Петр все вывез... Может, хватит?

– Еще парочку. А если Лиза сама ему скажет?

– Да зачем?

– Ну, у нее на деньги чутье отличное. Если уж я додумалась...

– Подозреваю, что с Петром тоже не за бесплатно договорились. Не стали бы Мурашovy из любви к искусству машину через перевал гонять, – Иван Ильич бросил в миску последнюю картофелину и с наслаждением потянулся. – Все, пять штук. Свободен?

– Иди уж, – улыбнулась Зоя Ивановна. – Спасибо, помощничек.

Перед собственной дверью он остановился: показалось, что внутри разговаривают. Но единственный голос принадлежал журналисту – не сам же с собою он там толкует? Иван Ильич тихонько повернул дверную ручку и заглянул в комнату.

– Это пока все, что удалось выяснить. Много зацепок, но ничего конкретного – я бы на вашем месте нанял профессионала, – рассказывал невидимому собеседнику Горобец. В ту же секунду он обернулся и увидел хозяина комнаты. – Не могу больше говорить... хорошо, понял.

Журналист опустил руку, в которой держал спутниковый телефон – таким же пользовались охранники на базе.

– Стало быть, ты у нас экипирован оборудованием для срочной связи?

– В командировки в отдаленные районы выдают в редакции, – голос журналиста звучал не слишком уверенно.

– Это внештатникам-то? Хороша редакция: посылает непрофессионала и телефон ему выдает, чтоб не сгинул в глуши.

– Перестань, – попросил Горобец.

Он убрал в чемодан телефон, забросил следом блокнот, свитер и захлопнул крышку.

– Уезжаешь, стало быть?

– Все, что мог, узнал.

– Это я уже слышал. Объясниться не хочешь напоследок?

– Ничего нового сказать не могу. Было задание – выполнил.

– Хоть про телефон мог рассказать! – Иван Ильич с трудом сдерживал гнев. – Уж пару звонков я бы тебе компенсировал.

– Дело не в деньгах... Ладно, пойду.

– С тетей Зоей попрощаться не забудь. Как до райцентра доберешься?

– Машина скоро должна прийти. Ну, бывай.

Иван Ильич не ответил. Молча дождался, когда за журналистом захлопнется дверь, и только после этого опустился на стул.

Вот же черт! Верь теперь людям: к этому проныре со всей душой, а он шпионить приезжал! И еще вопрос – на кого?

Городских и обеспеченных фигурантов в деле всего двое: Петр да Покровский. Последнему вроде совершенно ни к чему якшаться с журналистом, да и при встрече казалось, что они незнакомы. Значит, Петр? Если заказ на первую статью от него был, это упрощает дело. И сразу объясняет, кому сдался материал о провинциальном художнике в таком сомнительном издании. Старший брат перед выставкой хлопочет, ему реклама нужна – хоть какая.

С другой стороны, Покровский держать лицо умеет, а шпион в деревне ему нужнее. Петр при желании мог и сам приехать да разведать все что хочет – с местным никто бы скрытничать не стал. Да только что он вообще пытался узнать?

За последние дни, чего скрывать, это импровизированное расследование не шагнуло, а прямо-таки скакнуло вперед. Обнаружился последний портрет работы Василия, нашлись его перчатки, каким-то чудом удалось разговорить самых замкнутых свидетелей... появилось даже подозрение относительно поджога – и практически все это благодаря участию Горобца. Умеет он все-таки втираться в доверие к людям, вызывать на откровенность, плюс голова работает как надо.

Только теперь вся эта информация уплыла в чужие – наверняка враждебные – руки.

Иван Ильич потрянул головой: ну и пусть! Он сам узнает еще побольше и уж к верным выводам как-нибудь сумеет прийти. Шпионов нанимают те, у кого собственных мозгов нет, а деньги лишние водятся. У него лишних не было, зато на ум жаловаться не приходилось.

– Как же так, Вань? – вошла Зоя Ивановна; следом за ней в комнату просочился Кешка. – Сергей еле попрощался, пулей на крыльцо вылетел. Утром ведь еще не собирался никуда.

– Он – человек подневольный, тетя. Редакция сказала возвращаться – ну и...

Расстраивать тетку совсем не хотелось, поэтому он решил придерживаться версии с прерванной командировкой. Кот запрыгнул на колени и свернулся калачиком, наполнив комнату урчанием на самых высоких оборотах. Иван Ильич машинально погладил белоснежную шубу.

– Как так? Я только ватрушки собралась готовить.

– Съедем, – заверил Зою Ивановну племянник. – Отец Геннадий всегда с этим делом поможет.

– Он сладкое любит, – согласилась тетка и, вздыхая, вышла из комнаты.

Иван Ильич остался сидеть. Уж на что он никогда не любил общежитий и гостиниц, ценил личное пространство, а без бывшего нового приятеля в комнате стало как-то совсем пусто. Только на кровати валялась какая-то бумажка. Он встал, подхватив Кешку под теплое пузо, и подошел ближе.

На страничке блокнота чернел аккуратно выведенный телефонный номер. Всего шесть цифр – городской. Домашний. И подпись: Сергей Горобец.

Глава шестнадцатая

Иван Ильич чувствовал себя скверно. Он винил в этом теткины вагрушки, но в глубине души понимал: дело в другом. Зоя Ивановна после внезапного отъезда журналиста пребывала в скверном настроении, отец Геннадий продолжал дуться на весь мир, даже Кешка приуныл. Некому было расшевелить это хмурое царство своевременной шуткой. Оно и не шевелилось.

Большую часть дня Иван Ильич прятался в собственной комнате. Иногда в дверь скребся кот, порой заглядывала тетка с какой-нибудь просьбой, но в целом никто и ничто не мешало думать. Думалось все равно плохо. Вот вместе с Горобцом у них как-то ловко это выходило: на любой вопрос быстро находились ответы, а теперь... Не сходились концы с концами в этой истории, хоть ты тресни.

Вот взять полушубок Василия: кто-то забрал его с берега реки еще до того, как туда пришел священник. Этот кто-то, вероятно, был на машине, а украденную улику подбросил на базу отдыха. Что это было, спрашивается? Охранники хоть звезд с неба не хватают, да объясняются слишком складно. И хозяин им верит, и жена его. Заранее ж можно было понять, что подстава не удастся.

Или вот перчатки: валялись под сходнями. Стало быть, Василий работу не доделал – ну, оно понятно, накануне же от расстройства водки купил. Пришлось с ранья топтать на реку, да с больной головой – а там кто-то недобрый подждал... или позже явился. Стало быть, все произошло от семи до восьми часов утра – ведь отец Геннадий рано выходит из дома, а в тот день отправился прямо на реку.

А свидетели – ни одного надежного! Иван Ильич даже начал сочувствовать работникам милиции: им-то по службе врут каждый день. Другое дело книги – там люди всегда говорят сыщику правду. Ну, почти всегда. В любой лжи обязательно прячется ключик к разгадке. На самом же деле человек может солгать из-за сущей ерунды: репутацию бережет, симпатизирует обвиняемому, попросту перепутал факты.

В общем, когда тетка сообщила, что к ужину нет хлеба, Иван Ильич почти обрадовался. Магазин уже был закрыт, но Мурашovy кое-какие запасы держат дома. Он быстро оделся, выскочил на улицу и пошел к хутору.

Последние лучики солнца золотили верхушки сопок, во многих домах уже зажигали свет. Окна Мурашovyх тоже светились. Иван Ильич вошел в незапертую калитку и постучался в дверь. Иннокентий на удивление обрадовался при виде неожиданного гостя.

– Здоров! Заходи, заходи.

Они прошли через веранду на кухню. Здесь было так жарко натоплено, что аж в глазах защищало.

– Ничего, что поздно? Тетка хлеба просила – я думал, вы уж закрылись...

– Я один кукую, Лизка инвентаризацию в лавке затеяла, поздно будет. Так что мог кру- галя и не давать.

– Что ж поделаешь.

– Ну, хлебушком-то обеспечу как-нибудь. Ноги вытирай. – Кешка хитро прищурился. – А ты полста грамм с морозу не желаешь?

– Да вроде не морозно там.

Хозяин только рукой махнул, исчез куда-то – и через минуту на столе появились две рюмки и запотевшая чекушка.

– Давай, по маленькой. Лизка ругается, когда я в одно лицо кушаю, а если с гостем – ничего страшного.

Он достал из холодильника банку шпрот и соленые огурчики, кое-как порезал хлеб – у Мурашовых свой, домашний, с хрустящей коркой... и когда Кузьминична все успевает?

– Ну, вздрогнули.

Мураш первым опрокинул рюмку, Иван Ильич последовал его примеру. Пошла хорошо, а после бутербродика с целой шпротиной и ломтиком огурца стало еще лучше.

– Еще по одной? – предложил хозяин?

– Хлеба-то мне сперва отпусти, а то порожняком домой пойду.

– Порожняком из моего дома еще никто не уходил!

Иннокентий встал из-за стола и прошествовал в соседнее помещение, жестом позвав гостя за собой. Иван Ильич давно не бывал в доме Мурашовых и с любопытством озирался по сторонам. К кухне примыкала крошечная проходная комната, из которой можно было войти в хозяйскую спальню. Там стояли две тахты, старинный гардероб с потемневшим зеркалом и японский телевизор на высокой тумбе. С «лентяйкой» – пультом дистанционного управления. В городе вещь вполне привычная, а тут, конечно, роскошь.

Плотная занавеска до пола служила дверью в другую комнату. Туда выходил крошечный кусочек печной стенки, а единственное окно смотрело на север, поэтому зимой и летом царила прохлада – то что нужно продуктам. Когда-то эта комната служила детской, а теперь была отдана под хранение товаров для хозяйской лавки. Из сыновней мебели сохранилась только кровать – она едва выглядывала из-под кучи коробок. Вдоль стен выстроились широкие полки из горбыля, их тоже наполнял самый разный скарб: крупы, туалетная бумага, сигареты, керосин...

– Хлебушек – вот он! – Иннокентий указал на дальнюю от двери полку. – Бери, сколько надо, и погнали, пока Лизка не вернулась.

Иван Ильич приподнял край полиэтилена, накрывавшего хлебные кирпичики, взял одну буханку и вместе с хозяином вернулся на кухню. На комод в проходной комнате он заметил знакомый сверток – картина Василия. Зацепил локтем, проходя мимо. Вроде дом и немаленький для двоих, а живут тесно.

– Куда вы внуков-то спать кладете? Они ж неделями гостят!

– В нашей живут... там телек, чего пацанам еще надо? Сами вот в холодной – кровать разгребаем и ютимся среди коробок.

– Зачем вообще в доме склад держать? Магазин у вас вроде немаленький.

– Лизка боится, – пояснил Мураш, усаживаясь обратно за стол. – Мало ли, залезут или свет коротнет.

Второе в Двупалом было более вероятно: из-за старой проводки дома горели как спички. А вот чтобы обокрасть магазин в деревне на двести человек, надо было совсем без ума родиться. Или пропить его окончательно.

– Между первой и второй промежутки небольшой? – Иннокентий снова поднял рюмку.

– Будем, – кивнул Иван Ильич.

Вторая пошла хуже, но тоже неплохо. Хватит – все же решил он. Тетка заметит еще чего!

– Я все, Кеш. За хлеб тебе отдать или в лавку занести?

– Обижает! Копейки эти считаешь, нет чтоб с человеком посидеть, – Иннокентий надулся всерьез. – Я к тебе, может, один в целой деревне со всей душой...

Иван Ильич не мог не согласиться:

– Душевных у нас вообще мало.

Собеседник принял эту реплику за сигнал капитуляции и на радостях вновь схватился за бутылку.

– Третий пошел... за тех, кто не с нами!

– Не чокаясь, – вздохнул Иван Ильич.

– Васька хорошо пожил, – Иннокентий звякнул пустой рюмкой о край стола. – Хорошо. Не всегда с ним ладили, конечно. С соседями дружить трудно: когда рядом живешь, обязательно какая-нибудь зараза вылезет.

– А у вас какая вылезла?

– Да забор этот, будь он неладен! Лизке все земли мало, воевали они прямо... ну а я что – против жены пойду?

– Ясно дело... – Иван Ильич рассеянно глядел в окно, но видел там только собственное отражение да отблеск лампочки над головой.

– Ну! Я-то как мог нейтралитет соблюдал, только трудно было. Он еще кота Кешкой назвал, зараза такая. Во двор, бывало, выйдет и орет: Кеша! Кеша! Скотина блохастая! – а меня будто в упор нету!

– Ишь чего!

– А ты думал! Не такой простой был твой приятель.

– А кто сейчас простой... – Иван Ильич резко повернулся к собутыльнику и спросил: – Кеш, дом вы пожгли?

Мураш почти попятился, не вставая с табурета.

– Чего это... чего это – мы?

– Некому больше. У охранников с базы мотива нет, да и пожарных они вызвали. Керосина у вас с запасом. Ну и кот...

– Чего?

– Кешка через час у меня на крыльце сидел, – с расстановкой сказал Иван Ильич. – На шубе – ни пятнышка. Он ведь в доме был, а того пожара и нюхнуть не успел. Сам выпустил? Не дал тезке пропасть?

Мураш вскочил, зачем-то подошел к кухонному шкафу.

– Да отмылся где-нибудь! Коты вони не любят, вот и расстарался. Не гони волну, Осинников!

Иван Ильич тоже встал и, упрямо набычившись, шагнул вплотную к бывшему однокласснику. В молодости тот был выше на добрые полголовы, а теперь как-то усох – снова сравнялись. Как в детстве.

– Не юли, Мурашов, – негромко сказал он. – Говори правду, пока харю не начистил.

– Куда харю-то? Щас Лизка придет, – зачем-то предупредил собеседник.

– А она мне начистит, – согласился Иван Ильич. – Но я тебе – первый.

– Да остынь! Чего завелся? – Иннокентий снова уселся за стол, всколыхнул полупустую чекушку и разлил остатки по рюмкам. – Ну, мы дом спалили. Мы!

– Как и зачем? – Иван Ильич дамокловым мечом навис над душой поджигателя.

– Третьего дня... приехали пораньше, ключи в сарае хотели взять, да Петр увез – пришлось окошко высадить. Тут Кешка и сквозанул по снежку... А мы внутрь «зажигалку» кинули да отошли подальше.

– Какую «зажигалку»?

– Ну, тряпка, бутылка, керосину с бензином маленько... из подручных средств, – Мураш вопросительно поднял рюмку, но не встретив понимания, вздохнул и поставил ее обратно. – Хреново горело, конечно. Полчаса на морозе простояли, пока до кухни добралось, там мука бахнула – мы аж перетрухнули... думали, газ. А тут ветер – Лизка и говорит, давай, мол, в деревню. Помощь зови, а то сами погорим.

– И зачем это все?

– Да Лизка с этим участком осатанела! Куплю, говорит, и все тут! А Петр цену задрал – ну, она и придумала дом спалить, чтоб дешевле взять. Я отговаривать пытался, да где там...

Он махнул рукой и пригорюнился. Иван Ильич прошелся по кухне, снаружи хлопнула калитка и раздалось ворчание Кузьминичны.

– Больные вы оба два, – заявил он. – И ты, и жена твоя. Ну, чего спокойно не сиделось?
– Вань, ну, ей-богу, не моя была идея! И так ей пытался втолковать, и эдак. Не драться ж!
– Это с кем ты тут драться собрался? – Кузьминична вошла на кухню, с недовольством оглядела гостя и пустую чекушку на столе. – Закусываете, стало быть? По-человечески уже не сидится, все бы морды бить?

– Лизонька, – расплылся в пьяной улыбке Мураш, – а тут вот Ванька за хлебушком зашел.

– Вижу ваш хлебушек!

– Лизавета, – строго спросил Иван Ильич, – вы дом сожгли?

– А если и мы? – мгновенно сориентировалась хозяйка. – Шериф ясно сказал, что дела не будет заводить. И Петьке я нынче опять звонила – он уж и цену сбавил. И не обеднеет!

Иван Ильич только руками развел – ну, дура-баба.

– А ты трепался бы поменьше, – продолжала она. – Всю деревню уж перебаламутил. Везде свой нос сунуть надо! Понаехал тут, как в городе халява кончилась, да живет у тетки на всем готовеньком. На шее у государства! А форсу-то, форсу! С нами едва здороваются, а как журналист городской – хвостом за ним ходит.

– Да ты чего? – от изумления он даже забыл, о чем шла речь.

– А того! – отрезала Кузьминична, вешая шубу на крючок. – Только ляпни где-нибудь про пожар – пожалеешь. Из деревни поперед себя убежишь.

– Лиз, ну ты совсем уж... – запротестовал было Мураш.

– А ты заткнись, пьянь болотная! Языком не молол бы, и разговору бы этого не было! Все! Шел бы ты, Ваня, пока цел, – обратилась она к гостю.

Иван Ильич молча нацепил пальто, подхватил буханку, высыпав горсть мелочи на стол, буркнул:

– За хлеб!

И хлопнул дверью.

На улице остатки боевого задора как ветром сдуло. Собственно, ветром и сдуло. Встречным. Сгорбившись и подняв воротник, Иван Ильич побрел домой. Руку, в которой держал хлеб, нещадно кусал мороз.

Он пытался утешить себя мыслью: поджигателей узнал – и то хорошо. Пока неясно, имеет ли это отношение к убийству. Мурашovy давно засматривались на соседский участок. Уж где-нибудь их мысль споткнулась бы о живого и вполне здорового Василия, который занимает полезную площадь за забором.

Давно задуманный или спонтанный, план с поджогом сработал, сбавил Петр цену.

Иван Ильич остановился. Сегодня ведь они не ездили в райцентр – значит, звонила Кузьминична отсюда, из деревни. А раз так...

Лампочка над дверью бывшего клуба, а ныне церкви, светила издали и давала надежду усталому путнику. Иван Ильич подошел к висящему на стене дома аппарату, снял ледяную трубку с рычага и сквозь завывания ветра услышал длинный гудок. Починили! В кои-то веки Шериф не подвел.

Он зажал хлеб под мышкой и расстегнул непослушными пальцами верхние пуговицы пальто – бумажка с заветным номером вторую неделю ждала своего часа во внутреннем кармане. От ветра слезились глаза, и цифры на диске пришлось искать ощупью. Хоть бы застать! Вечер еще не поздний, а у такой женщины наверняка найдутся дела поинтереснее вне дома.

– Алло? – раздался в трубке знакомый теплый голос.

– Тамара Семеновна! – обрадовался он, пряча бумажку с номером в карман. – Это Осиников из Двупалого.

– Ну, наконец-то! Долго же вас пришлось ждать! Я с патологоанатомом, Ириной, еще на прошлой неделе встретила...

– Извините, телефон в деревне сломался – только сегодня починили.

– Бывает, – беззаботно ответила библиотекарша. – Это что у вас там так воет. Неужели волки?

– Ветер, – улыбнулся он.

– Ну, слава богу. А я уже представила себе... Так, давайте к делу. Ирина Василия Петровича запомнила хорошо. Особенных повреждений на теле не было, только ссадины на руках. В легких вода – это значит, что причиной смерти действительно было утопление. Время смерти установить тяжело... как я поняла, из-за низких температур и воздействия холодной воды.

– Он утром погиб, – сказал Иван Ильич. – Накануне соседи видели, как возвращался с реки. Вряд ли пошел бы еще раз.

– А вот это странно, – голос Тамары Семеновны звучал удивленно. – Ирина как раз предположила, что смерть наступила вечером.

– Почему?

– Потому что в крови нашелся алкоголь, и в приличном количестве. Она сказала, что потерпевший принял сто-двести грамм максимум за час до гибели.

– Накануне он взял чекушку... вряд ли до утра сохранил.

– Может быть, дома держал запасы?

– Василий почти не пил. Да и не стал бы в магазин заходить, унижаться, если бы дома было...

– Почему унижаться? – удивилась Тамара Семеновна.

Иван Ильич вкратце рассказал ей историю с последней картиной Василия. Отовариваться в кредит для деревни – обычное дело, но чтобы художник закладывал собственную работу... бред!

– А если у него уже большой долг в магазине накопился? – предположила библиотекарша, дослушав рассказ.

– Не думаю. Вообще, по-моему, Василий туда редко ходил. Краски да холсты ему брат из города привозил. Крупу, муку мешками покупал, их надолго хватало. Мяса почти не ел... не пил, опять же. Почти. Ну, не по утрам!

– Значит, он либо изменил своим принципам, либо действительно погиб вечером.

– Действительно, – пробормотал он. – Спасибо вам большое. Я еще позвоню как-нибудь, хорошо?

– Обязательно звоните. И книги не забывайте в срок сдавать.

Иван Ильич повесил трубку, и последняя шутка библиотекарши осталась неоцененной. Может обидеться. И наверняка обидится. Он бы сам с собой разговаривать перестал.

Если Василий погиб вечером... Это меняло все: отец Геннадий становился вне подозрений, а несколько других фигур выходили на первый план. Мурашovy были дома, якобы ужинали – если и врут, то слишком складно. Покровский покидал базу. Петр...

От холода уже начали стучать зубы. Он вынул записную книжку. Между страниц была вложена бумажка с номером Горобца – ветер выхватил ее и унес в темноту. Иван Ильич с досадой выругался. Не судьба, значит.

Он непослушными пальцами застегнул воротник пальто и побрел домой. Ветер трепал конец размотанного шарфа, будто и его норовил сорвать. Прижатый локтем хлебный кирпичик совсем заледенел и даже сквозь пальто охлаждал бок. На сердце тоже было холодно.

Его лучшего друга убили вечером накануне Крещения. Если бы Иван Ильич тогда наплевал на свои принципы и пошел на реку вместе с ним, Василий был бы жив.

Глава семнадцатая

Наутро Иван Ильич слег с воспалением легких. Диагноз был приблизительным, потому что врач в Двупалое без острой нужды не ездил, а лечиться в районную больницу не захотелось. Зоя Ивановна делала племяннику мыслимые и немыслимые компрессы и припарки, кормила куриным бульоном и таблетками из домашней аптечки. Две недели он лежал в постели, кашлял и трясся в ознобе.

На четырнадцатый день как будто полегчало. Притихший Иван Ильич прислушался к себе и понял: пора.

– Позови мне отца Геннадия, – попросил он тетку, когда та принесла обеденную порцию бульона.

– Господи! – ахнула Зоя Ивановна. – Неужели так плохо? Я сейчас скорую вызову, пусть только попробуют не приехать!

– Да все нормально. Мне поговорить нужно, по личному делу.

Священник появился незамедлительно. Без ряссы, просто в брюках и свитере. Очевидно, он тоже трапезничал: в бороде красовалась одинокая лапшинка, губы блестели от бульона. Тетка третью неделю мучила курятиной весь дом. Иван Ильич почувствовал даже небольшой укол совести.

– Добрый день, отец Геннадий. Вы не служите сегодня разве? – неловко спросил он, окинув глазами мирской наряд священника.

– Вечером только. Вторник же, после обеда дрова рубить пойду, как обычно, – пояснил тот, усаживаясь на пустой стул. – Зоя Ивановна сказала, вы поговорить хотите.

– Попросить, точнее. Неловко даже как-то, но надеюсь на понимание, – Иван Ильич бросил быстрый взгляд на дверь и приподнялся на подушках. – У меня в гараже ящик водки...

Поп вздрогнул.

– Перепрятать, что ли, нужно? – спросил он, понизив голос.

– Да нет. Сюда пол-литра принести. Только тайком, чтобы тетя Зоя не увидела. Вы кагор ящиками закупаете – она не удивится, даже если заметит.

Отец Геннадий густо покраснел и откинулся на жалобно скрипнувшую спинку стула.

– Нехорошее дело. Я надеялся, вы до чего-нибудь полезного додумались, пока болели.

– Конечно, полезное! Я каждый день по пятьдесят грамм принимал. Только вот, – он распахнул дверцу тумбочки рядом с кроватью и продемонстрировал священнику две пустые бутылки, – кончилось мое лекарство.

– С таблетками-то мешать – последнее дело, – упрекнул отец Геннадий.

– Там антибиотиков не было, я проверял.

– Ну, ладно. Ключи от гаража где?

– В комодке связка, верхний ящик, – священник поднялся со стула, а Иван Ильич добавил: – Она в багажнике. Вы извините, что беспокою по такому поводу – просто не знаю, когда встать разрешат.

– Разберемся, – поп положил ключ в карман. – Давайте я еще пустую тару вынесу потихоньку, а то Зоя Ивановна найдет, расстроится.

Одну за другой он сложил бутылки в необъятный карман штанов и вышел, на прощание подмигнув соседу.

– А знаешь... – сказала тетка, забирая поднос после ужина, – у Сергея новая статья вышла.

– У какого Сергея?

– Горобца! Приятеля твоего.

– Ну, на то он и журналист, чтобы статьи писать, – Иван Ильич ответил немного нервно – это приятельство оставило по себе недобрые воспоминания.

– Хорошая статья. Вроде ничего нового по сравнению с предыдущей, но совсем по-другому.

– Газета у тебя есть?

– А как же! – Зоя Ивановна положила на одеяло свежий номер «Плоскодонки». – Только сильно глаза не напрягай, температура поднимется.

Когда тетка вышла, Иван Ильич развернул газету и углубился в чтение. Статья и вправду вышла хорошей, не придерешься. На сей раз журналист ничего не выдумывал, изложил биографию толково, упомянул пару забавных фактов из жизни Василия. О деревне написал хорошо: красивое место, порядочные люди.

О новой базе отдыха, конечно, ни слова. О подозрительных обстоятельствах гибели – тоже. Самое загадочное событие, упомянутое в статье – пожар в доме художника на десятый день после его смерти.

Иван Ильич аккуратно сложил газету и задумался. После двух недель болезни в голове было ясно и пусто. Думай – не хочю.

Священник вечер провел дома, этому Иван Ильич сам свидетель. После ужина он сидел в комнате, а в форточку точно не пролез бы. Да и для чего отцу Геннадию убивать Василия?

Наталья была на базе. Это легко проверить, поэтому ложь маловероятна. Ключи у охраны, покинуть территорию незаметно не представляется возможным. Видимый мотив отсутствует.

Мурашovy обеспечили алиби друг другу. Они сознались в поджоге и имели серьезный мотив – желание заполучить соседний участок, но чтобы так складно врать, нужен интеллект. За предыдущие полвека супруги его не продемонстрировали, да и в последней афере действовали, мягко говоря, неслаженно.

Таким образом, подозреваемых осталось только двое. Зато каких!

Петр. Родной брат. Унаследовал все имущество Василия, организовывал выставку, наверняка собирался нажиться на его картинах. Судя по поспешности продажи базы, дела его идут не слишком хорошо, и вся эта авантюра может стать последним шансом для стареющего предпринимателя снова оказаться на коне. Утверждает, что приехал в деревню лишь на следующее утро, но подтвердить это некому.

Дмитрий. Темная лошадка. Завладел пресловутой базой при весьма сомнительных обстоятельствах. Seriously переживает за свой новый бизнес, пойдет на многое, чтобы сделать деревню безопасной для себя и привлекательной для туристов. В день убийства поссорился с Василием, а вечером уехал с базы на некоторое время...

Оставалось неясным исчезновение полущубка и появление его на базе. Странно выглядели перемещения Василия: где он шаркался перед тем, как появился в магазине? Зачем дважды ходил на реку? И еще таинственный наниматель Горобца, отправивший журналиста в деревню со шпионской миссией... впрочем, тут догадаться можно...

В дверь тихонько вошел первый из бывших подозреваемых. Отец Геннадий воровато оглянулся и вынул из кармана бутылку водки.

– Если нужно будет еще... скажете.

– Спасибо, – искренне поблагодарил соседа Иван Ильич, пряча водку в тумбочку. – Много нынче нарубили?

– На неделю хватит, а то и на две. Сейчас холода уже не те. Днем вовсе плюс, грязи по уши.

– Весна наступает.

Отец Геннадий кивнул на прощание и пошел к выходу. Уже в дверях его остановил окрик:

– Батюшка! А ведь тогда тоже был вторник.

- Когда?
- Накануне Крещения.
- Пожалуй, – поразмыслив кивнул священник. – Точно, я тоже дрова рубил.
- А Василия возле церкви не видели?

Отец Геннадий выглядел смущенным. Он держался за дверную ручку и разглядывал ее так пристально, будто на латунной поверхности кто-нибудь выгравировал правильный ответ.

– Пожалуйста, – попросил Иван Ильич. – Это же не об исповеди. И убили его тем же вечером, любая деталь важна.

– Как – вечером?

– Патологоанатом так считает. Знакомая в райцентре с ней дружит – расспросила по моей просьбе.

Священник вздохнул и неохотно признался:

– Не видел. Слышал. Он по телефону долго говорил.

– Ну? – Иван Ильич наклонился вперед. – О чем? С кем?

– Откуда ж мне знать, с кем? И без того ситуация малоприятная: вроде и мороз кругом, а уши греются.

– Ну а суть разговора вы уловили, может быть?

– Суть? – священник на секунду задумался. – О чем-то незаконном.

– Вполголоса говорил, что ли?

– Напротив, кричал так, что в Москве слышать... Прокуратурой грозил кому-то.

Иван Ильич снова откинулся на подушки. Кому мог грозить Василий? Покровскому? Так тот был в деревне. Брату?

– Может быть, помните: на «ты» или на «Вы» был разговор?

– На «ты», – уверенно сказал отец Геннадий. – Это точно помню. Василий Петрович сначала нормально говорил, а потом распалился.

Значит, точно Петру звонил. Больше некому.

Иван Ильич так глубоко погрузился в свои мысли, что не заметил, как священник вышел. Через минуту в дверях снова появилась Зоя Ивановна.

– Совсем забыла отдать. Вот, Кеша принес, – она протянула племяннику блокнотный лист, на котором был записан телефонный номер журналиста.

– Где взял? – изумился Иван Ильич.

– Нашел, говорит. Фамилию-то он знает – вот и догадался, кому отдать. Я к тебе не пустила, нечего тут бациллы разносить. Пообещала передать.

– Спасибо, тетя Зой, – он положил листок на тумбочку.

– Чего такой озадаченный? – подозрительно спросила Зоя Ивановна. – Опять за свое расследование взялся?

– А что я могу поделаться, если факты...

– Вань, месяц прошел! И ничего хорошего тебе это занятие не принесло. Лиза дуется, даже со мной через губу разговаривает... Кеша как в воду опущенный ходит. Ты вот еще протыл. Взрослый мужик ведь, а как мальчишка по деревне носишься... с раскрытым горлом.

– На мне шарф был, – возразил Иван Ильич. – Просто ветер, мороз... И потом как ты это видишь: закрыть глаза на то, что творится? Серьезно? Если Ваську убили...

– Если... – подняла палец тетка. – И что же ты теперь намерен предпринять? С кровати подниматься я тебе еще долго не позволю.

– Ну, я же здоров совсем, тетя Зоя! Поговорить надо как минимум с двумя.

– Знать ничего не хочу. На улице сейчас сырость, слякоть, ветер с моря. Только выйди – все по новой: температура, бронхит и так далее. Будешь сидеть дома.

– Долго? – с тоской спросил он.

– Неделю, не меньше, – заметив отчаяние в глазах племянника, Зоя Ивановна добавила: – А там как раз будет тебе интересная компания. Кеша нас на поминки пригласил.

– Какие еще поминки?

– Петр приезжает на сороковой день, договорился как-то с этим владельцем базы, чтобы в столовой тамошной все устроить.

– Вот те на! Девять дней, значит, побоку, а тут целое мероприятие.

– Там вроде бы жена настояла, – пояснила тетка. – Вообще он приезжает, чтобы Мурашовым участок продать.

– Быстро же наследство оформил!

– Долго ли, умеючи... ну так вот, на сорок дней они сделку наметили, нотариуса из райцентра привезут... Думаю, жена насела на него, что не по-людски это все. Она вроде тоже не совсем городская.

Иван Ильич пожал плечами. Об этой женщине он не знал практически ничего. Много лет назад Петр как будто привозил невесту знакомиться с родителями, и Василий тогда с ними приехал. А потом – ни слуху ни духу. Поговаривали, что Бондари не одобрили выбор старшего сына и до рождения внуков вовсе с молодыми не общались.

– Так что потерпи немного, – с воодушевлением продолжала тетка. – Вот через десять дней соберутся все твои фигуранты в одном месте...

– И все выяснится.

Нарушать постельный режим не выходя из дома – сомнительное удовольствие. Неважно, десять тебе лет или за пятьдесят. Но Иван Ильич нарушал – все надеялся, что тетка сдаст позиции раньше оговоренного срока. Не тут-то было: Зоя Ивановна была непреклонна. Тысячи часов в школьном классе закалили ее характер не хуже воинской службы.

Между тем в глубине души он был благодарен. Не только за заботу, но и за то, что своим запретом тетка хотя бы на время сняла с него ответственность за происходящее. Что вообще можно сейчас предпринять? До города доехать сил не хватит. Петру позвонишь – пошлет куда подальше. Покровский с женой вообще давно не появлялись в деревне, а их городского телефона Иван Ильич не знал. Оставалось только ждать очередных поминок, на которых соберутся все действующие лица. И все обязательно выяснится.

Он, правда, не представлял, каким образом.

Через неделю Иван Ильич впервые за долгое время вышел во двор. Он побивал сосульки с крыши, нарубил немного дров и выкурил пару сигарет, шурясь на февральское солнце. Больше заняться вне дома было нечем.

– Ты хоть в магазин сходи, – обратилась к нему тетка после обеда. – Поминки завтра, между прочим. Я блины затеяла, а молока – кот наплакал.

Кешка, намывающий хвост перед телевизором, бросил на Зою Ивановну удивленный взгляд. В том, что молоко теперь исчезало с невиданной скоростью, была, конечно, его вина, но чтобы плакать...

Иван Ильич быстро оделся, намотал шарф в три слоя и вышел на улицу. До календарной весны оставались считанные дни, но зима никак не хотела уступать свои права. Днем с крыш капало, солнце жарило вовсю, силясь добраться до труднодоступных мест вроде завалинки с северной стороны дома, где до сих пор белел снежок. Ночью же мороз стягивал льдом неглубокие пока лужи, разукрашивал дома длиннющими сосульками. И постоянно дул ветер: теплый с моря и ледяной с материка – будто никак не мог определиться, на чьей же он стороне.

В одном окне Иван Ильич увидел унылую детскую рожицу и понял, что не он один страдал взаперти. Соседский мальчишка с завистью глядел на борьбу старого дядьки со стихией и наверняка мечтал оказаться на его месте. «Эх, парень, – подумал дядька. – А доживешь до тех времен, когда все можно и за все в ответе сам – пожалеешь, что детство прошло. Ох, пожалеешь».

У крыльца магазина стоял тонированный джип – его Иван Ильич узнал издали. Значит, хозяева базы уже приехали и ждут гостей. Сталкиваясь сию минуту с Покровским совсем не хотелось, поэтому он притормозил, встал на обочине и стал чистить подошву ботинка о край доски, переброшенной через лужу. Благо грязи по пути было много.

Когда скрипнула дверь магазина, Иван Ильич выглядел всерьез увлеченным. Лишь краем глаза он увидел перекошенное от злости лицо, потом услышал, как хлопнула дверца джипа – один раз – и взревел мотор. Покровский укатил по другой дороге – той, которая вела к реке. Наверняка тоже не хотел ни с кем встречаться, а может, попросту опасался крутого спуска по главной улице.

Внутри магазина все было как обычно: всякая всячина на полках, прилавок с тетрадкой для записи должников и хмурая хозяйка, фасующая карамельки по кулькам.

– Чего-то мужик с базы от тебя злой вышел, – с порога обратился к ней Иван Ильич.

При последней встрече они здорово поругались, однако именно мурашовскими курами Зоя Ивановна выкармливала и выплаивала племянника в недели болезни. Сложный деревенский этикет не давал однозначного совета, как теперь себя вести. Поэтому он не поздоровался, но держался вполне дружелюбно.

– Да козел! – Кузьминична даже бросила совок, которым нагребала конфеты из большого мешка. – Зубную щетку ему подавай. Будто я универсам тут или аптека.

– Ассортимент-то широкий у тебя.

– Щетки мы к лету завозим, для приезжих, – пояснила хозяйка. – А зимой их никто не берет, у всех свои.

– Ясное дело... Мне молочка литр отсыпь.

Кузьминична исчезла в подсобке и через минуту выставила на прилавок запотевшую банку с домашним молоком.

– Блины Зоя Ивановна будет делать?

– Ага. Да и котик много надо.

– Не съят? – сочувственно спросила Кузьминична.

– Только в лоток, – не без гордости ответил Иван Ильич, ставя банку в авоську. – Хорошо Васяка его воспитал.

– Царство небесное... Завтра придешь?

– Конечно.

– Барагозить не будешь? – подозрительно посмотрела на него хозяйка.

– Постараюсь, – пришлось соврать, но чего только не сделаешь в дипломатических целях. – А у вас, как я слышал, сделка завтра? И нотариус придет?

– Обещал быть, – она трижды постучала по прилавку. – Петр за картину согласился цену сбавить, но нервов все одно не напасешься.

– А чего так?

– Да вот дернул черт этого бандита городского спросить: не хочет ли, мол, портрет жены выкупить? Мало ли – думала, может, еще больше предложит. А он такой хай поднял, на все буквы меня послал. Повезло ему, что Кешка дома сидит, а то б с крыльца слетел!

– Вот же гад, – искренне удивился Иван Ильич. – А вроде вежливый такой мужик. Всегда себя в руках держит.

– Вон она, вся его вежливость... – Кузьминична кивнула в угол.

Там на полу стоял ящик для стеклотары. Иван Ильич только теперь заметил, что ящик опрокинут, бутылки в беспорядке рассыпаны по полу, а одна даже разбита.

– С ноги, что ли?

– Со всей дури!

– А в свое кафе он теперь народ пустит? – с опаской спросил Иван Ильич.

– Вроде не вспоминал о поминках, слава богу. С ним Людмила, жена Петра, договаривалась. Она женщина серьезная.

– Вы знакомы разве?

– Один раз виделись, через забор, когда ее родителям показывать привозили. Давно, сыну год или полтора было... Но она ж директриса школьная, таким палец в рот не клади.

– Правильно мыслишь, – он кивнул на тетрадку и спросил: – Как там, тетка не задолжала?

– Рассчитаемся.

Хозяйка быстро нашла нужную страницу и назвала сумму, набежавшую за три недели, которые Иван Ильич провел в безвыходном положении. Он положил несколько купюр на прилавок, распрощался и вышел.

Глава восемнадцатая

На следующий день Иван Ильич встал непривычно рано. Поминки назначили в два часа, и чем себя занять на это время, он понятия не имел. Все домашние дела были переделаны. Дров отец Геннадий за три недели нарубил с запасом: благодаря оттепелям они расходовались мало. Утром растапливали кухонную печку, чтобы приготовить завтрак, вечером – ту, что в теткиной комнате. Дома было тепло.

Он взялся было за книжку – из тех, что набрал в библиотеке, да так и не успел прочесть – но слова не хотели складываться в связные предложения. С трудом одолев пару страниц, Иван Ильич отложил детектив в сторону. Какие тут романы, когда в жизни черт знает что творится?

Вот соберутся все сегодня – классическая развязка, между прочим – и что он предпримет? Должно быть, возьмет слово и выложит всю правду. Василий узнал об одной незаконной сделке, чем и навлек на себя гнев убийцы. О какой сделке, можно не упоминать, да и нечего ему сказать, если честно. Наверняка что-то связанное с базой, к ней тянулись все ниточки. Да, базу можно упомянуть. И тогда убийца...

А что он, собственно, сделает? Схватится за пистолет? Да нет никакого пистолета... скорее всего. Или бросится к дверям, за которыми будет ждать верный помощник сыщика? Фигушки! Никакого помощника тоже нет; не тетку же ставить на караул, в самом деле. Или преступник тут же сам признается во всем?

Черта с два! Не было у Ивана Ильича ни четких доказательств, ни ясного понимания, кто убил Василия.

Около десяти он заглянул на кухню. Там кипела работа: тетка заворачивала начинку в очередной блин, а на двух больших сковородках уже шкворчали его собратья. Румяные конвертики Зоя Ивановна укладывала в большую кастрюлю.

– Обедать же не будем сегодня? – вежливо поинтересовался Иван Ильич.

– До обеда ли, Вань? – тетка махнула рукой. – Если начинка останется...

– Не-не. Я тогда пойду прогуляюсь, чтоб под ногами не путаться.

Зоя Ивановна буркнула что-то неопределенное и едва ли обратила внимание на слова племянника. Он тихонько прикрыл дверь. Отец Геннадий оставался дома – блины как-нибудь поможет донести.

На улице Иван Ильич поежился: непогожий выдался сороковой день. По застывшим лужам носилась одинокая шавка, ветер гнал по небу обрывки облаков. Мороз решил напоследок шибануть по деревне, чтоб все по домам попрятались. На девятый день так же было – природа будто по Ваське плачет. Впрочем, девятый и сороковой дни – ненастоящие, их изначально считали неправильно. А вчера вообще приятная погода была. Вот тебе и приметы.

База уже отчетливо виднелась впереди. На территории стояли две машины – стало быть, городские гости уже прибыли. Иван Ильич ускорил шаг: он тоже явится заранее. Будет первым деревенским гостем. Может быть, удастся с кем-нибудь перекинуться парой слов – пусть даже неласковых – а может, и помочь чем. На поминках вечно рук не хватает.

Хуже только на похоронах: там еще и крепких спин нужно штук шесть – в деревне поди найди.

У ворот он остановился в нерешительности: дверного звонка тут не предусмотрели, а орать как-то несолидно. К счастью, из дверей кафе тут же вышел Петр с какой-то женщиной. По-видимому, жена.

Иван Ильич махнул рукой. Петр особой радости не выказал, но подошел к своему внедорожнику, открыл дверь и нажал на гудок. Лысый охранник резво выбежал из своей будки,

на ходу перебирая связку ключей. Разглядев визитера, он сбавил прыть и с явной неохотой отпер ворота.

– Рановато явились, – ветер швырнул эти слова прямо в лицо.

– Подумал, может помощь нужна.

Он старался держаться с достоинством, но попроще. В конце концов, репутацию чудака, который всюду сует свой нос, уже ничем не перешибешь.

– Нужна-нужна, – женщина подошла к воротам с улыбкой протянула руку. – Людмила, жена Пети. Мы тоже пораньше решили приехать, мало ли что. Я все дома приготовила, но пока стол накроем: час туда, час сюда...

Иван Ильич не без удовольствия ответил на рукопожатие. Загадочная супруга Петра оказалась женщиной приятной со всех сторон. Небольшого роста и средних лет, она прекрасно выглядела и умела себя подать. Вместо шубы, которые поголовно носили дамы за сорок, Людмила надела модную дубленку, из-под которой выглядывали более чем приличные ноги в классических синих джинсах.

Бывший моряк прекрасно умел отличать правильный джинсовый синий от неправильного. У этой женщины был и вкус отменный, и наметанный глаз.

– Вы ведь Васин лучший друг? – спросила она.

– Наверное, – улыбнулся Иван Ильич. – Мы этого как-то не обсуждали.

– Мальчишки о таких вещах никогда не говорят. Взрослые и то редко, в основном за бутылкой.

– Не нашлось, значит, такой бутылки.

Эти слова он произнес не без грусти. Не из-за того, что мало выпил с Василием... Почему люди так много говорят всякой ерунды и так мало – о самом важном? Вот скажи он тогда: давай помогу... вместе с другом пошел бы на реку, и все сложилось бы иначе. А он промолчал, как обычно.

Петр молча тряхнул протянутую руку и искоса глянул на жену. Боится, что наболтает лишнего? А чего тут болтать, если полдеревни уже в курсе, зачем он приехал и что эти поминки для отвода глаз? Ну и чтобы приличия соблюсти, пожалуй.

– Здравствуйте! – в дверях кафе показалась Наталья. – Что же вы на ветру стоите? Заходите скорей!

На ней был тот же спортивный теплый костюм, как в последнюю встречу. Видно, на пробежку собиралась, да пришлось гостей встречать.

Кафе оказалось уютным. Иван Ильич всегда думал, что внутри стены из круглых бревен чем-нибудь по-городскому отделаны, однако ничего, кроме лака, на них не было. Мебель добротная: массивные деревянные столы и такие же стулья. Барная стойка тоже из дерева и не отличается по цвету от стен – только блеск бокалов и привлекает взгляд. На полу простая палубная доска, покрытая морилкой, под потолком кованые люстры.

Наверняка в обычные дни здесь очень красиво. Сейчас все столы составлены буквой «П». Так делают на банкетах, чтобы гостям было удобнее общаться, а хозяевам – следить за порядком.

На особо стоящем столе Иван Ильич увидел несколько пакетов с разной снедью, а рядом – три чашки и пустой кофейник. Долго сидели.

– Начнем? – предложила Наталья. – Посуда, приборы – все на кухне есть.

– Я знаю, спасибо, – улыбнулась Людмила. – Мы разберемся.

Хозяйка подняла брови – сообразила, что ей фактически указывают на дверь.

– Вообще-то я думала, вам пара лишних рук не помешает...

– У меня все готово, справимся.

Людмила продолжала улыбаться по-директорски; редкий человек способен долго выдерживать эту улыбку. Не смогла и Наталья. Пожала плечами, забрала куртку и вышла. Спину держит

жала ровно, как школьный хулиган после выволочки: униженный, но не теряющий надежды сохранить лицо. Прежде всего перед самим собой.

Когда хозяйка скрылась за дверью, Людмила едва заметно перевела дыхание и как будто стала меньше. Петр вертел в пальцах ключи от машины.

– Я нужен? – по-будничному спросил он жену. – На перевал еле забрались, хочу мотор проверить.

– На морозе? Не смейся! Да и вообще мне бы и вправду лишние руки не помешали.

– Я помогу, – живо отозвался Иван Ильич. – Порезать, на стол накрыть – без проблем.

– Вот и отлично.

Петр кивнул жене и вышел. Людмила недовольно поглядела ему вслед.

– Вы простите, что навязываюсь... Тетка блины с мясом к поминкам затеяла, так что дома дым коромыслом – не усидел да приперся до времени, – пробормотал Иван Ильич с как можно более виноватым видом.

Лицо женщины тут же просветлело.

– Так значит, горячее будет! А я себе второй день места не нахожу. Из города ведь не довезешь толком ничего. Салаты вон по контейнерам рассовала – выкладывай да подавай... а блины я не умела никогда.

– Тетя Зоя готовит – пальчики оближешь. Нужно было к нам обратиться, она бы с радостью помогла.

– Что ж теперь поделаешь, – развела руками Людмила. – Будем работать с тем, что есть.

– Будем, – согласился Иван Ильич. – С чего начнем?

– С посуды.

Она развязала один из пакетов и вынула оттуда пластиковые тарелки, стаканчики и даже рюмки.

– Купили вот одноразовые... ничего, как думаете?

– Ничего, конечно.

– В кафе полно посуды, но персонала нет, мы сегодня уезжаем – не хозяевам же мыть.

– Действительно, – согласился он.

– Приборы я свои привезла, – не без гордости заметила Людмила, извлекая из пакета ножи и вилки. Праздничные, мельхиоровые. – Дома вымою. А уж с остальным как-нибудь разберемся... Вы не знаете, много народу придет?

– Человек двадцать точно. Василий особо не дружил ни с кем, но одноклассники остались. Еще мы с теткой, священник.

– А он очень религиозный был?

– Не без этого. В последние годы, – добавил он, подумав. – По молодости не припомню такого. Не то у нас воспитание.

– Я тоже не увлекаюсь. Петр лет десять назад покрестился, а меня как-то и не тянет.

Иван Ильич машинально взглянул в окно за ее спиной, на хозяйский дом и машину Бондарей, над раскрытым капотом которой склонился Петр.

Если он тоже верующий, то не мог не знать, что самоубийц не отпевают. Однако попа на похороны пригласил...

– Давайте начнем, – предложила Людмила, скидывая дубленку. – Я тарелки ставлю, вы – стаканы. Затем вилки и ножи. Человек на тридцать накроем, потом уберем незаметно, если меньше придет.

Хлопнула дверь, и в кафе снова вошла Наталья.

– Вы уж извините, – с вызовом сказала она, – но мне все равно заняться нечем. Вас всего двое, а дел невпроворот, давайте помогу!

– Ну, не знаю, – протянула Людмила. – Вот пакет посередине, там колбаса нарезанная – разложи на тарелках аккуратно и красиво и поставь в холодильник... заверни, чтобы не заветрилась.

Молодая женщина, дослушав инструктаж, скрылась с пакетом на кухне. Даже дверью не хлопнула, но эмоции все равно скрыла плохо. Людмила разорвала упаковку одноразовых тарелок, со шлепком поставила верхнюю на стол и взяла следующую. Может, и к лучшему, что пластиковые привезли...

Иван Ильич сгреб со стола башенку стаканов. Он вырос в семье педагога и давно привык к командным ноткам в женском голосе, а вот Наталье сейчас пришлось тяжело – ушла бледная от ярости. Людмила словно робот на конвейере, ставила на стол все новые и новые тарелки, на точно отмеренном расстоянии. Иван Ильич старался не отставать. Все-таки неспроста она так неласкова с хозяйкой, ох неспроста.

– А красиво тут. Я думал, внутри покрашено будет, выровнено – а нет, хорошо так, будто по-русски сделали.

– Ровнять стены сруба под отделку – прошлый век. Хотя в наши дни это уже плохой каламбур, – усмехнулась она.

– Да вообще глупо такую красоту прятать. Ваша идея была? – поинтересовался Иван Ильич.

Людмила остановилась и круто повернулась к нему.

– С чего вы взяли?

– Петр же строил базу, вы наверняка в стороне не стояли.

Женщина с минуту настороженно всматривалась в его лицо, а потом как будто расслабилась.

– Ну, раз вы знаете... Да, моя идея. В Приморье такого практически нет, не для нашего климата это, все тепло выдувает. Но база сезонная, мы решили – пойдет.

– Это верно, – Иван Ильич и вправду успел пожалеть, что снял пальто. – Отопление не справляется как будто.

– Постройка не зимняя. Так, межсезонье захватить. Отдыхающие осень любят.

– А кто ее не любит.

– Откуда вы узнали? – спросила Людмила. – Петр никому в деревне не говорил, даже от Василия скрыл.

– Случайно. От новых хозяев.

Она нахмурилась.

– Мы для себя строили. Вроде первый раз приехала, а каждый гвоздик тут знаю: полгода в этих планах, закупках, прорабы и инженеры на телефоне все время... Большой хозяйский дом – теплый, чтобы круглый год можно было жить. Думали, будем приезжать вроде как туристы, а привыкнут люди – и переберемся сюда со временем.

– Так вы не хотели базу продавать?

– Я даже не знала, что Петя надумал. Мы поругались потом ужасно, он ведь всегда со мной советуется, а тут...

Людмила взглянула на тарелки, которые во время разговора крутила в руках, усмехнулась и продолжила расставлять посуду. Теперь она делала это мягче и без шума. Проходя мимо окна, Иван Ильич выглянул: Петр по-прежнему копался в моторе. И ветер ему нипочем!

– С поминками тоже ваша идея?

– Моя. Вернулась с отдыха – муж с температурой, собаки голодные, галерист телефон обрывает... В общем, бардак. Пока все разрушила, девять дней и прошли. Решила, уж сорок точно организую. Сама Покровскому позвонила и договорилась, что здесь проведем. Мы его давно знаем.

– А с женой его вы как будто не очень ладите.

Людмила оглянулась на дверь кухни, но та была плотно закрыта.

– Никогда не уважала таких... золотоискательниц, – она презрительно повела плечами и добавила: – Сейчас их все больше, Наталья еще не худший вариант. По крайней мере, неглупая, хоть и спортсменка.

– Дисциплинированная, – согласился Иван Ильич. – Каждый день бегают. Василий с нею так и познакомился. Вы же знаете, что он ее портрет написал?

– Да, сегодня Петр его выкупить собирается. Это очень важная работа для выставки, последняя... Вообще вся эта история – кошмар какой-то. Никак в голове не укладывается: Вася и самоубийство.

– Я думал, вы не знали его совсем.

– Мало знала, – после паузы кивнула Людмила, – и давно. Он с девушкой с моего курса встречался, еще в городе.

– Да ну?!

– Он не рассказывал? Тут дурацкая история... у них как-то быстро все сложилось – Вася парень решительный. В деревню ее звал, собирался с родителями знакомить... Она тогда распределения в университете ждала – должны были на Курилы отправить. Не хотелось ужасно.

– А Василию еще год оставалось учиться, – добавил Иван Ильич.

– Откуда знаете?

– Так он на предпоследнем курсе и бросил художку свою.

– На предпоследнем... В общем, перед госэкзаменом у нее новый ухажер появился, еще решительнее. Подумай, говорит, хочешь в бараке на островах кисти ему протирать, или во Владивостоке остаться. Жить по-человечески. Квартира есть, прописку сделаем. Я, говорит, все устрою, – Людмила помолчала минуту. – Вот так все и устроилось.

Иван Ильич украдкой взглянул на ее лицо. Хмурое, глаза увлажнились. Однокурсница, значит...

– Стало быть, выставку тоже вы организуете?

– Помогаю чем могу, – кивнула Людмила и машинально протерла ладонью оставшиеся в руках тарелки. – В основном Петя занимается.

– Идея ваша была?

– Можно и так сказать. У нас картин Васиных накопилось прилично, я и не выдержала: надо или продать, или что-то еще придумать.

– Я видел. Удивился еще: думал, он в город кому-то продает.

– Петя и покупал. Он же пару раз в год сюда приезжал. У Васи и пенсии-то не было, как ему жить? А от нас денег ни за что бы не взял – вот и пришлось изворачиваться. Кое-что мы знакомым дарили, но теперь, думаю, это выставке только на пользу пойдет.

– Почему? – не понял Иван Ильич.

Людмила улыбнулась ему как несмышленому школьнику.

– Одно дело – никому не известный художник из деревни, совсем другое – чья картина у самого... – она сделала выразительную паузу, – на стенке висит.

– И правда. Жаль, Василий не знал, что так все сложится.

– Он знал. На новый год позвонил брата поздравить, а к телефону я подошла. Мы и поговорили – первый раз за столько лет. Я как раз накануне со знакомым искусствоведом встречалась, показывала картины, он заинтересовался... ну и не удержалась, рассказала все. Выставку еще тогда запланировали на конец весны.

– Все готово! – из кухни выглянула Наталья.

– Хорошо. У нас, в общем, тоже. Осталось приборы разложить, – добавила Людмила, оглядев кафе.

Тут она приукрасила действительность. Во время беседы работа застопорилась, и на столах вместо заявленных тридцати тарелок стояло максимум пятнадцать. Рядом с каждой белел

стакан. Наталья с недоумением поглядела на жалкие результаты их трудов, потом вздохнула и предложила:

– Может быть, я закончу?

– Знаешь, с какой стороны нож, с какой – вилка?

– Догадываюсь. Если даже накосячу, местные вряд ли заметят... вы же им не расскажете? – она едва заметно подмигнула Ивану Ильичу.

Он улыбнулся.

– Не расскажу. А в случае чего вините во всем меня – приперся с утра, заболтал всех.

– Да бросьте, я сама хороша, – возразила Людмила. – Не знаю, что такое нашло...

– Это с дороги. Я каждый раз часа по два в себя прихожу, – предположила Наталья. – Вы кофе выпейте, и сразу легче станет. Я полную кофеварку зарядила. На кухне.

– А это мысль!

Кухня оказалась суперсовременной: разделочные столы, покрытые нержавеющейкой, белоснежный кафель повсюду, огромная плита с грилем, две духовки – наверняка хлеб тут будут свой печь. На полках сияли зеркальными боками кастрюли и сковороды из нержавеющейки – без единой царапины. Посреди этого великолепия попыхивала ароматным парком кофеварка. Они налили себе по кружке и вернулись в кафе.

Людмила помалкивала, будто стыдилась недавней откровенности. Иван Ильич был этому даже рад, поскольку усиленно обдумывал полученную информацию. Вся эта история шита белыми нитками: понятно, что Людмила говорила о себе. Петр много лет мучился из-за чувства вины перед младшим братом, а в последние годы фактически содержал его. Кто такое вытерпит? Где-то в начале зимы он спешно – и, скорее всего, не добровольно – продал свой новый бизнес, а вскоре запланировал выставку... возможно, рассчитывал на хорошую прибыль с продажи картин. Только львиную долю получил бы Василий. А значит, у старшего брата было время подготовиться к убийству морально и физически.

Возможность и мотив в наличии.

Наталья быстро закончила накрывать на стол, налила себе кофе и присоединилась к ним. Завязался вялый разговор. Вскоре со двора явился Петр – замерзший, перемазанный машинным маслом и злой.

– В городе – сразу в сервис, – бросил он с порога и отправился в туалет вымыть руки.

Людмила оставила свою кружку на столе и исчезла на кухне. Когда Петр вернулся в кафе, его уже ждал горячий чай. Прерванная беседа возобновилась. Обсуждали число гостей, сетовали на отсутствие гардероба в летнем кафе, беспокоились о закусках, которые три часа провели в багажнике на морозе. В целом пришли к выводу, что все обойдется.

– Дмитрий Алексеевич хоть покажется? – спросила Людмила Наталью.

Та пожала плечами.

– Собирался вчера. Он с утра работает, я не беспокоила.

Наталья старалась говорить спокойно, но было видно, что вопрос задел ее. Наверняка вчера Покровский с женой поссорились: все-таки зубные щетки просто так никто не покупает.

Первые гости появились неожиданно и как-то сразу скопом. Наталья встала выглянула в окно и ахнула: у ворот переминалось с ноги на ногу с десятков человек. Звонка-то нет, автомобильный гудок пешеходам тоже не положен – вот и маются. Хозяйка вскочила и побежала за охранником.

Через две минуты кафе наполнилось новыми голосами и лицами. Люди трясли руку Петру, тайком разглядывая Людмилу – завтра ее будут обсуждать всей деревней. Заслужила: тридцать лет не появляться на малой родине мужа... Ивана Ильича вон до сих пор обсуждают, хотя он тут вырос и до переезда бывал регулярно.

Куртки, тулупы и ватники загромоздили всю вешалку и два свободных стола, не считая спинки стульев, которыми воспользовались некоторые индивидуалисты. Зоя Ивановна пришла

вместе со священником, торжественно вручила Людмиле закутанную в одеяло кастрюлю и усе-лась напротив племянника.

Горячие блины тут же подали, но начинать поминки никто не решался. Людмила даже пригласила замерзших охранников. Лысый с Толстым, представившиеся Сашей и Валерой, последними присоединились к застолью. Оба явно чувствовали себя не в своей тарелке, даже курток снимать не стали и то и дело бросали вопрошающие взгляды на хозяйку. Разрешить их сомнения мог только Покровский, однако его-то как раз и не было видно.

– Чего сидим? – спросил кто-то. – Шерифа ждем? Так он по жизни опаздывает!

– Может быть, позвать Дмитрия Алексеевича? – предложила Людмила. – А то как-то странно без хозяина.

– Александр, сходите, – попросила Наталья Лысого. – Он в кабинете был. Скажите, что все его ждут.

Охранник вышел. С места поднялся Мураш, сжимая полный стаканчик в руке.

– У меня слово! Мы с покойником с малых лет были знакомы. Жили через забор, в один класс ходили... вот с тобой и с тобой еще, – напомнил он, выцепив взглядом других одноклассников за столом. – Характер у него был непростой: ругались часто, чего греха таить. То он мне подлянку, то я ему. И все-таки жизнь прожили... через забор.

«А теперь не будет забора, – мелькнула не к месту мысль у Ивана Ильича. – Может, завтра уже не будет. Подпишут договор и разберут на дрова».

– Рисовал Василий всегда хорошо. Помню, я ему во втором классе за карикатуру глаз подбил...

– На кого карикатуру-то? – спросил кто-то.

– А ты с одного раза догадайся! – огрызнулся Мураш. – Вот чего лезть, когда человек говорит? Возьмешь слово – и тринди на здоровье про карикатуры свои...

Закончить речь ему все-таки не удалось. Дверь распахнулась, и в кафе вбежал Саша Лысый с перекошенным от страха лицом. С трудом переведя дыхание, он объявил:

– Там это... Дмитрия Алексеича убили!

Зоя Ивановна ахнула, Кузьминична перекрестилась, а Мураш залпом выпил водку. Иван Ильич с трудом сдержал вздох облегчения. Вот все и выяснилось.

Глава девятнадцатая

В незакрытую дверь вместе с холодным воздухом ворвалось бибиканье автомобиля. Все обернулись к окну: у ворот фырчал узик Шерифа.

– Гляди-ка, в кои-то веки вовремя приехал, – заметил кто-то.

Иван Ильич машинально глянул на часы. К поминкам Назаренко опоздал на полчаса, но на место преступления прибыл с удивительной пунктуальностью.

– Открыть ему, что ли? – нерешительно спросил Толстый Валера.

Все обернулись к той, от кого охранник ожидал указаний. К новой хозяйке базы.

– Откройте.

Она первой поднялась из-за стола. Между бровей нарисовалась тонкая складка, но на ногах Наталья держалась твердо. Валера побежал к воротам, утащив за собой ошалевшего напарника. Народ переглядывался между собой, перешептывался. Что теперь делать? Расходиться? А еды с собой дадут? Больше всех волновалась Кузьминична – покупка участка оказалась под угрозой срыва.

Иван Ильич для себя решил твердо: никуда он отсюда не денется, пока не арестуют убийцу.

Шериф припарковал узик рядом с хозяйским домом. Следом за ним из машины вылез плюгавенький мужичок с портфелем – типичный провинциальный нотариус. Через окно все видели, как охранники что-то рассказывают, возбужденно размахивая руками. Назаренко отвечал коротко, хмурился, задавал вопросы. Он ненадолго зашел в дом, а, вернувшись, взял у Толстого Валеры спутниковый телефон и с минуту с кем-то разговаривал. Наконец Шериф вернул трубку охраннику и направился к кафе.

– Ни дня спокойно прожить не можете! – обратился он к присутствующим вместо приветствия. – Как ни приеду – то дом сгорел, то труп.

– Не мы ж его, в самом деле, – обиженно возразил Мураш, чья протянутая для пожатия рука осталась без внимания.

– Знаю, что не вы. Мордвороты эти дежурили во дворе с без четверти два, когда явилась первая группа поминающих – никто с тех пор к дому не подходил. Так что под подозрением вы четверо, – Шериф по очереди указал пальцем на Бондарей, Наталью и Ивана Ильича. – Остальные одеваются и идут по домам. Кончились поминки!

Народ зашумел, но послушно двинулся к выходу. Груда верхней одежды таяла, как сугроб по весне.

– Слушайте, – отец Геннадий, уже одетый, тронул Ивана Ильича за плечо и приглушенно спросил: – Это же не просто так? Получается, Василия Петровича действительно убили?

– Наверняка, – кивнул он.

– Спасибо.

Священник взял под руку растерянную Зою Ивановну и они последними вышли из кафе. Остались только Мурашovy. По воинственному виду Кузьминичны было ясно: или ее вынесут отсюда ногами вперед, или она выйдет на своих двоих, но полноправной хозяйкой соседнего участка. Шериф пробурчал что-то, но спорить не стал.

– А нам что теперь делать? – спросила Людмила.

– Ждать. В район я позвонил, эксперт приедет через... когда машину найдет.

«Это часа два, – прикинул Иван Ильич. – Действовать нужно быстро. Как бы переговорить с Назаренко наедине?»

– Перекурить хоть можно? – спросил он.

Шериф оглядел его с ног до головы и, сочтя наименее подозреваемым из прочих, кивнул.

– Идем.

Иван Ильич накинул одиноко лежавшее на столе пальто и направился к выходу. Расчет оказался верным: Назаренко без сигареты в зубах чувствовал себя неудобно, поэтому пошел вместе с ним. В глазах участкового светился азартный огонек: все-таки он был неплохой ищейкой, пусть и обленившейся, заросшей жирком и утратившей хватку.

– Значит, под подозрением четверо... – сказал Иван Ильич, закуривая. – А мордovorоты не в счет?

– Они вместе были все время. Вряд ли тут сговор – туповатые ребята, – Шериф зажал в зубах сигарету и покосился на охранников, запирающих ворота.

Иван Ильич кивнул. Саша и Валера с самого начала маячили перед глазами и напрашивались на роль подозреваемых, но их тупость и практически неразрывное существование сводили на нет все подозрения. Да и мотива для убийства деревенского художника у охранников не было, если не считать прямых приказов начальства.

И хотя причастность Покровского к смерти Василия оставалась под сомнением, личность сегодняшнего убийцы Ивану Ильичу была хорошо известна. По крайней мере, он так думал и решил поделиться соображениями с Шерифом.

– Василий перед смертью узнал, что базу строил его старший брат, – он сделал выразительную паузу, взглядываясь в лицо Назаренко. – И еще – что это делалось не совсем законно.

Последняя фраза явно попала в цель. Шериф развернулся к Ивану Ильичу и выпустил облачко дыма в усы.

– На что намекаешь?

– Все сделки в районе через вас проходят. Вопрос в том, что Василий накануне Крещения позвонил Петру и все ему высказал.

– Что – все?

– Вам лучше знать. Только разговор был на повышенных тонах, есть свидетель, который его услышал...

– Но возможности убить брата у Бондаря не было...

– Вполне себе была. Судмедэксперт, ваша дочь, между прочим, считает, что убийство произошло вечером. В крови нашлось прилично алкоголя, а Василий никогда с утра не пил. И хоть Петр утверждает, что приехал перед самым купанием, свидетелей этому нет. Да и вообще не логичней было бы приехать сразу после телефонного разговора?

– Чтобы собственными руками брата утопить, серьезный мотив нужен, а это...

Шериф махнул рукой. Иван Ильич наострил уши, но напрасно: никакой информации по сделке Назаренко не выдал. Профессионал!

– Хорошо, – сказал он наконец. – Но продолжим. Покровский в тот же день, накануне Крещения, разругался с Василием. И я знаю, что в тот вечер он в одиночку на машине покинул базу. А первый человек, который утром пришел на реку, видел следы колес, ведущие к хутору... В общем, мотив и возможность – налицо.

– В деревне и другие автомобили есть. У Мурашова, например, и у тебя.

Погасший окурок устался на Ивана Ильича, словно дуло пистолета. Он невозмутимо ответил:

– Я уверен, что эти два убийства связаны. Но в последнем случае вы сами исключили Мурашовых из числа подозреваемых...

– А тебя – нет.

– Людмила и я накрывали на столы в кафе, из поля зрения я ее не терял. И сговор также маловероятен – мы только сегодня познакомились.

Назаренко неохотно кивнул: мол, принято к сведению. Иван Ильич продолжил:

– Наталья большую часть времени была на кухне, потом с нами. Отсутствовала минут пять.

– Возможность есть, но слабая... Петр?

– Возился с машиной.

Они не сговариваясь взглянули на джипы, припаркованные прямо возле крыльца дома, в котором произошло убийство.

– Он отходил куда-нибудь?

– Я не каждую минуту в окно смотрел, понятно. Но когда смотрел – Петр на месте был. Думаю, базу он знает хорошо: мог зайти, сделать свое дело и быстро вернуться.

– А Наталье пришлось бы пройти мимо него, чтобы...

– Именно. Стоит его спросить, как думаете?

– Стоит, – Шериф выбросил окурок и зашагал к дому, крикнув все еще стоявшим у ворот охранникам: – Бондаря пригласите сюда. Мы внутри будем.

Толстый и Лысый послушно потрусили в кафе, а Шериф вместе с Иваном Ильичом зашли в хозяйский дом. Там оказалось гораздо теплее, чем в кафе. Сразу видно: для себя строили. В просторной прихожей была лестница на второй этаж и три двери, одну из которых распахнул участковый. Правую. Здесь располагался кабинет хозяина.

По периметру квадратной комнаты была расставлена мебель: книжный шкаф с документами и парой спортивных трофеев, письменный стол, диванчик... Пол устилал ковер с длинным ворсом. Дорогая, со вкусом обстановка. Здесь было еще теплее: электрический конвектор под окном работал на полную мощность.

Покровский лежал грудью на столе, уронив голову на руки, и напоминал перебравшего гостя на поминках. Как многие обеспеченные люди, Дмитрий в обычный день выглядел так, будто собирался на праздник: новая стрижка, аккуратный маникюр, чистая и дорогая одежда... Рана на затылке – и то свежая. Этому, впрочем, и последний бедняк не стал бы завидовать.

Ударили сзади. Он небось ничего и не понял: двери новые и открываются бесшумно. Иван Ильич невольно подумал, что, если когда-нибудь обзаведется собственным кабинетом, стол развернет лицом к выходу. И на входе колокольчик повесит, как в некоторых магазинах делают, чтобы продавец не зевал.

За окном, совсем рядом, виднелись крыши автомобилей. И дверь – первая от входа. Петру ничего не стоило тихонько войти и почти тут же вернуться. Две минуты, не больше.

– Ну, что скажешь? – прервал затянувшееся молчание Шериф.

– Интересно, покойник так тепло любил?

– Думаю, убийца отопление включил на всю катушку, чтобы время смерти было сложнее определить.

– Картина в целом ясная... одной детали не хватает: где орудие убийства?

– Нету, мать его.

– Любой тяжелый предмет бы подошел, наверное, – предположил Иван Ильич.

– Это жилой дом! Наверху кухня, за стеной что-то вроде спортзала у них – подходящих предметов выше крыши. Придется все опечатывать и ждать судмедэксперта, чтобы хотя бы по форме раны понять, чего ищем.

– А она с такой задачей справится?

Иван Ильич, конечно, читал о современных достижениях криминалистики, но не слишком верил, что они применяются на практике в родном отечестве. Назаренко хмыкнул:

– Обязательно.

В голосе Шерифа прозвучала гордость. На редкость нерадивый мент явно одобрял профессионализм родной дочери.

– Преступник мог орудие убийства забрать с собой, – предположил Иван Ильич. – Вне дома спрятать как-то легче, мне кажется.

– Мог, но это риск, – кивнул Назаренко. – Если только он его с собой же не принес: гаечный ключ, монтировку какую-нибудь...

Похоже, он уже определился с личностью подозреваемого. Иван Ильич даже немного позавидовал: ему бы так. Месяц с лишним метаний, разговоров, подозрений и бессонных ночей – и все равно нет уверенности. А у этого вывод готов за пять минут. Или вовсе с первого взгляда, как с было прошлым убийством. Интересно, какая у него раскрываемость?

– Бондарь идет, – сказал Шериф, взглянув в окно. – Пошли-ка встретим.

Иван Ильич подчинился. По каким-то неведомым причинам он фактически стал членом следственной группы и совсем не хотел терять этот статус. Шериф вынул ключ, торчавший с внутренней стороны двери и запер ее снаружи.

Петр вошел в прихожую, охранников Назаренко с порога завернул, велел охранять территорию. Бывший хозяин тем временем не без любопытства огляделся. Здесь все делалось с его ведома, по их с женой проекту, но приехал-то в первый раз. Такова цена секретности... и расплата за нечестные сделки. Узнать бы еще, какие.

– Пройдемте прямо, в спортзал, – скомандовал Шериф.

– Это гостиная, – возразил Петр, а увидев тренажеры, только хмыкнул.

В углу, возле небольшого погасшего камина, стояли кожаный диванчик и кресла. Только это и указывало, что комната действительно предназначалась для отдыха. Все устроились с комфортом, и участковый сурово уставился на главного подозреваемого. Тот держался вполне невозмутимо, лишь достал сигареты и поискал глазами пепельницу.

– Новая хозяйка – спортсменка. Боюсь, возражать будет, – отчеканил Шериф.

– В своем праве, – сигареты вернулись в карман. – Меня подозреваешь, Ефимыч?

– Кому Ефимыч, а вам – гражданин участковый.

– И давно мы на вы перешли?

Шериф бросил быстрый взгляд на Ивана Ильича и насупился еще больше.

– Вот с этих самых пор. Покровского убили, пока ты рядом валандался. Не знаю, что вы не поделили, но больше никто в дом не заходил... или ошибаюсь?

В голосе участкового на последней реплике явно прозвучала надежда. Иван Ильич насто-рожился, но пока смолчал.

– Не ошибаетесь. Я копался в моторе у крыльца, никого рядом не видел... Так я и Покровского не встречал сегодня.

– Да ну? С утра тут торчишь, а хозяина не видно – и никто не удивился? – участковый наклонился вперед. – Не дури, Бондарь. Сознайся сам, так всем лучше будет.

– Это отчего же – всем? Ты уж прямо скажи, что о своей шкуре думаешь.

– Думаю, – признался Шериф. – Думаю, Петь. Если напишешь чистосердечное, я это расследование лично проведу – прослежу, чтобы всякие неприглядные детали не всплыли. Понимаешь, о чем толкую?

– Понимаю. Только мне в этом интереса нету.

– А брата родного убивать интерес был, значит? – не вытерпел Иван Ильич.

Ему уже было все равно, что там за «неприглядные детали». На суде узнает, раз так.

Петр с изумлением поглядел на него.

– Ты о чем, Вань?

– Сам знаешь. На Ваську тебе всегда плевать было с высокой башни. Изображал заботу, а на самом деле просто вину чувствовал за то, что невесту когда-то увел.

– Что за история? – требовательно спросил Шериф.

Петр вяло махнул рукой.

– К делу отношения не имеет...

– Еще как имеет! – живо возразил Иван Ильич. – Ты с детства брату завидовал, потому что все лучшее ему доставалось. А ты рос – сбоку припека. Потому и не вернулся домой после армии, в городе засталбился. А после той истории сколько лет был с родителями в контрах? Да ты его ненавидеть должен был! Снаружи-то все чин-чином: то денег подбросишь, то шмотку с

царского плеча, даже выставку эту задумал... Только все изменилось, когда Васька узнал про твое строительство и еще кой-какие подробности! С деньгами-то у тебя проблемы, раз новую базу пришлось продавать...

– Да что ты мелешь? – Петр даже вскочил. – «Солнышко» я продал, потому что бюджет превысил, а кредиторы наседали стали. Чистая сделка. Только что земля под базой не совсем легально оформлена, если покопаться. Я и ломанул тогда сразу в деревню, чтобы Васька глупостей не наделал. Что ты, не знаешь его? Вечно пер со своей правдой...

– Стало быть, признаешь, что был тут в день убийства? – меланхолично спросил Шериф.

– Признаю... признаю, что был. Только опоздал малость и Ваську уже в проруби нашел.

Петр тяжело осел обратно в кресло. Иван Ильич осторожно поинтересовался:

– А чего пошел туда?

– Машину во дворе поставил, только ворота прикрыл – джип Покровского мимо проехал... с реки.

У Ивана Ильича даже дыхание перехватило: он не говорил Петру, что Покровский тем вечером куда-то уезжал. Такую ложь невозможно выдумать на пустом месте, свидетелей-то на базе полно.

Петр запустил руку в редяющие волосы и продолжил:

– Я на речку... бегом. Василий в воде лежал, лицом вниз. Мертвый уже. Я его вытащил, конечно, да что толку, только вымок весь...

– Обратно в воду зачем засунул?

– Сообразил потом, что если тело на берегу найдется, то отпечатки на нем – только мои.

Покровский бы отмазался, к гадалке не ходи.

Назаренко задумчиво кивнул.

– Он мог.

– А полушубок зачем утащил? – спросил Иван Ильич.

– Полушубок рядом лежал, Васька перед работой скинул, видать. Свою дубленку я намотал, пока его вытаскивал, продрог весь – ну и надел сухое. Так и пошел обратно...

– Со своей одежкой в руках?

Петр кивнул.

– Стало быть, Кузьминична видела уходящего Василия, когда ужин готовила, а Кешка – уже тебя?

– Должно быть, – Петр вяло пожал плечами. – Дома я согрелся кое-как, подумал до утра ну и решил полушубок на базу подбросить, чтобы хоть какой-то след... Кто ж знал, что Ваську в самоубийцы запишут?

Шериф нахохлился, встал с дивана и прошелся по комнате.

– У тебя что, язык отсох тогда? Мог рассказать хотя бы наедине...

– А ты стал бы меня слушать? Тем паче – дело заводить против городского мента? Никаких же улик нету. Наоборот, все на меня указывает: отпечатки, наследство это проклятое...

– Мне рассказал бы! – Иван Ильич с досадой потер лоб. – Покровский с Василием разругались перед тем звонком. Наверняка он на реку поехал, чтобы об этом поговорить: или извиниться, хотел, или наоборот, картину отобрать.

– А Васька ему небось все и высказал, – кивнул Петр.

Назаренко поднял брови.

– Что – все?

– Что земля оформлена незаконно, при без вести пропавшем хозяине, что ты в этом деле помогал... Ну чего морозишься, Иван же в курсе.

Иван Ильич невозмутимо кивнул, хотя информация была для него новой и очень интересной. Шериф взъерошил усы и пробормотал:

– Что ж теперь делать-то? Получается, ты его из мести за брата пристукнул. И вся эта история всплывет, как ни крути.

– А тебя только это и волнует, да? Давай усложним тебе задачу: я ни брата не трогал, ни Покровского. Найдешь настоящего убийцу – может и выйдет концы в воду спрятать, – Петр встал. – В кафе посижу, там компания как-то приятнее.

– Посиди-посиди. И хозяйку пригласи сюда, – буркнул в ответ Шериф.

Глава двадцатая

В ожидании хозяйки Иван Ильич успел оглядеться в доме. За третьей дверью в прихожей обнаружилась самая настоящая банька, отделанная вагонкой. Наверху была спальня, ванная и просторная кухня-гостиная. Не очень, наверное, удобно таскать продукты по лестнице, но сколько у богатых той готовки, да еще когда собственное кафе под боком...

Он сам не знал, что хочет найти. Если повезет, то оружие убийства, если нет, то хоть какой-нибудь намек на то, как убийца незаметно для других проник в дом. У Назаренко сомнений не оставалось, а у него – как всегда.

Все окна оказались заперты. Тяжелых твердых предметов хватало с избытком, но ни на одном не нашлось следов крови. В расстроенных чувствах Иван Ильич вернулся к Шерифу, и почти сразу пришла Наталья. Она бросила нервный взгляд на запертую дверь кабинета и тут же отвела глаза. Если какие-то сильные чувства и были, то где-то очень глубоко внутри.

– Он не мучился? – спросила Наталья, усевшись в кресло.

– Вряд ли вообще что-то успел понять, – ответил Шериф. – Когда вы последний раз видели Дмитрия Алексеевича живым?

– Часов в девять утра. Я собиралась на пробежку, но у ворот встретила Бондарей, и мы пошли в кафе.

– Поздновато для пробежки, – заметил Иван Ильич.

Женщина бросила на него рассеянный взгляд.

– Ветер был сильный. Думала на тренажере позаниматься, но решила все-таки освежиться.

Назаренко кивнул.

– Постарайтесь припомнить день накануне Крещения. Насколько я знаю, у вашего мужа вышла ссора с Василием Бондарем?

Наталья казалась искренне удивленной.

– При чем тут это? То есть, да, они поссорились.

– И Дмитрий Алексеевич тем вечером куда-то уезжал на машине? – проигнорировал первый вопрос Шериф.

– Уезжал...

– Надолго?

– Я не помню, все-таки месяц с лишним прошел.

– Думаю, охранники помнят лучше, – заметил Иван Ильич.

– Но при чем здесь тот день? Это ведь было так давно, к тому же... разве Василий Петрович погиб не на Крещение?

– Скорее всего, нет, – Назаренко положил блокнот на подлокотник и серьезно посмотрел на женщину. – Видите ли, Петр Бондарь тем вечером видел автомобиль вашего супруга, возвращающийся с реки. Через несколько минут он обнаружил в проруби тело младшего брата.

Наталья наклонилась вперед и сцепила руки на коленях.

– Но это же... вы считаете, Дмитрий убил Василия Петровича? Это же бред! Из-за какого-то портрета...

Шериф нахмурился и сказал:

– Побудьте пока с остальными в кафе – тут, считайте, все опечатано. Когда следственная группа закончит работу, сможете вернуться в дом. Пригласите жену Бондаря.

Людмила не рассказала ничего нового: приехали около девяти, ворота открыла Наталья, пару часов все вместе просидели в кафе. Она подтвердила алиби Ивана Ильича и свое собственное, но за мужа, который более часа пробыл во дворе один, ручаться не могла.

– Вы ведь думаете, что это Петр сделал, да? – спросила Людмила, когда Шериф спрятал блокнот.

– Думаю, – неохотно ответил Назаренко. – У него мотив весомый и возможность.

– Он мне все рассказал, пока Наталью допрашивали... Ну какой тут мотив? Мечь за брата – это же дикость какая-то! У Пети с Покровским всегда были хорошие отношения...

– Следствие разберется. Можете идти.

Людмила вышла, а Шериф вытер пот со лба и выругался:

– Хрен мы время убийства узнаем – труп грели несколько часов... Преступник знал, что делает. Кто тут, интересно, криминалистикой увлекается?

Иван Ильич вспомнил о лежащей дома подборке детективов, которую давно пора бы сдать в библиотеку, и поежился.

– Идем, – Назаренко встал. – Тут мне, в общем, все ясно.

Совсем продрогшие Саша и Валера продолжали охранять территорию неведомо от кого. Перед тем как идти в кафе, Шериф задал им несколько вопросов. Охранники хорошо помнили странное поведение шефа накануне Крещения: уже темнело, он постучал к ним в домик, чтобы открыли ворота, и уехал, а вернулся через двадцать минут.

– Точно двадцать? – подозрительно переспросил Назаренко. – Не больше?

– Около того. Мы КВН на видеке смотрели – как раз разминка закончилась.

– Ладно... за домом особо следите – место преступления все-таки. И сами будьте на глазах: вот тут, возле машин – чтобы вас из кафе видно было.

– Чего это вы так строго? – немного отойдя, спросил Иван Ильич. – Сами же говорили, что охрана вне подозрений.

– Такие только силу и понимают. Хозяина убили, вдова – не авторитет, а у них все ключи... и оружие наверняка имеется. Насчет Бондаря я тоже не уверен, а сам даже табельное не взял – чай, не на свадьбу ехал. Пока подкрепление не прибудет, надо держать ухо востро.

Иван Ильич кивнул и хлопнул себя по карману.

– Твою ж мать! Кажись, курево в доме оставил. Я щас.

Участковый, пожав плечами, пошел в кафе. Охранники возле машин о чем-то шушукались между собой. Иван Ильич подошел к ним и достал из кармана сигареты.

– Курите, ребята? – два недобрых взгляда были ему ответом. – Правильно делаете... Неприятная ситуация, конечно: хозяина вашего убили. Пройдете по делу свидетелями... в лучшем случае.

– К чему клонишь, дядь? – насупился Толстый Валера.

– Или подозреваемыми... – невозмутимо продолжил Иван Ильич. – Я, правда, могу с этим помочь.

– Как это?

– Ответите честно на пару вопросов – и будет вам счастье.

Охранники переглянулись. В сущности, что им терять?

– Задавай.

– Первым делом объясните мне: зачем Покровский просил вас открыть ворота?

Через две минуты Иван Ильич вошел в теплый зал кафе, где сгустилась довольно прохладная атмосфера. Кузьминична что-то вполголоса втолковывала Петру, а остальные вяло прислушивались к разговору. Нотариус сидел рядом, обнимая портфель, а оставшийся без надзора Мураш украдкой наполнял свой стаканчик. На его тарелке лежал румяный блинчик и веточка петрушки, ранее украшавшая один из салатов.

– Семен Ефимович, хоть ты ему скажи! – напустилась Кузьминична на Шерифа. – Сделку надо сегодня заключить. Ведь пока твои доберутся, два часа пройдет – ну, чего время терять? Когда Петр еще сюда приедет?

– Нескоро, должно быть, – участковый пошарил глазами по столу в поисках добычи. – Но я с ним, в общем, согласен: торопиться не надо. Если Бондарь под суд угодит, то любую сегодняшнюю сделку легко аннулируют.

– Под суд? – ахнула Людмила. – У вас, я смотрю, уже никаких сомнений не осталось!

Шериф улыбнулся в усы.

– Вы раньше времени не волнуйтесь, следствие все выяснит.

– Выясните вы, как же, – крикнул Мураш.

Кузьминична подозрительно взглянула на него и вернулась к насущным проблемам:

– Правда, Семен Ефимыч, сколько то следствие продлится?

– Постараемся сработать быстро. Мне на участке глухари не нужны, – Шериф еще раз окинул взглядом стол и спросил: – А это все теперь куда?

Людмила сокрушенно покачала головой и ответила:

– Не знаю, наверное, выбросить придется. Правильно ты говорил, Петя: лучше бы и не ездили...

– Конечно, кому тут кусок в горло полезет, – снова крикнул Мураш и понюхал петрушечный стебелек.

По лицу Шерифа было ясно, что с его аппетитом все в порядке, но пойти против коллектива участковый не решился. А ведь наверняка постился с утра, чтобы от души натрескаться на поминках. Это, можно сказать, традиция – что в городе, что в деревне.

Кузьминичне же было не до закусок, она с трудом сдерживала ярость.

– Знаешь, Петь... не хочешь мне дом продавать – так и скажи. Голову только морочишь.

Но учти: на картину Васькину и другой покупатель найдется.

– Или покупательница?

Все обернулись к Ивану Ильичу. Он же смотрел на Наталью.

– И что такого? – спокойно спросила она. – Да, я сегодня предложила выкупить портрет.

Просто не хочу, чтобы он был на выставке.

– Да что с ним не так? – удивился Мураш. – Хорошо ж получилось!

Хозяйка не ответила.

Иван Ильич встал и прошелся по кафе. Он вспомнил картину до самых мелочей, вспомнил, как реагировали на нее зрители: знакомые Натальи, не знакомые с нею...

– По вашим словам, Дмитрий Алексеевич грубо раскритиковал работу Василия. Но вечерняя сцена в магазине говорит о том, что судьба картины совсем его не волновала.

– Ничего себе – «не волновала»! А стеклотару кто разбил? – возмутилась Кузьминична.

– На то были другие причины. Вспомни, зачем он приходил... – Иван Ильич обернулся к хозяйке. – Вчера вечером у вас состоялся неприятный разговор, после которого Дмитрий Алексеевич поехал в магазин за новой зубной щеткой... Думаю, ночевал он сегодня в кабинете.

Наталья молча глядела на стол перед собой, остальные слушали затаив дыхание.

– Но вернемся к пресловутой картине, – продолжил Иван Ильич, убедившись, что все цело завладел вниманием присутствующих. – Я думаю, все было наоборот: портрет не понравился... вам, Наталья Павловна.

– И что с того? – подняла голову она.

– Все мое время. Когда охранники подтвердили, что вечером накануне Крещения отпирали хозяину ворота, я, сразу даже не понял, что здесь не так...

– А что? – любопытствовала Людмила.

– Почему он не отпер их сам? Ведь у хозяев был собственный комплект ключей от дома и ворот. Именно этими ключами Наталья Павловна воспользовалась сегодня утром, когда вы приехали. Верно? Так чего ради Покровский тогда обратился к охранникам? – Иван Ильич снова повернулся к хозяйке. – Единственно возможное объяснение: ключей у него не было, потому что их забрали вы.

– Я иногда беру ключи, чтобы пойти на пробежку – возможно, в тот день забыла вернуть на место...

– Лукавите, Наталья Павловна. С утра вам ключи были ни к чему, ведь вы приехали в первой половине дня и на пробежку смогли бы выйти только вечером. Думаю, так вы и объяснили мужу свое отсутствие, когда он вернулся, – Иван Ильич помолчал. – А вот нарезать круги по деревне у него вовсе не было причин... за одним исключением: Дмитрий Алексеевич хотел найти вас.

– Но погоди, – возразил Шериф. – Покровский даже ко мне заезжал в конце января, когда полушубок на базе нашелся... Интересовался, вопросы задавал о времени смерти. Я, хоть криминала в деле не видел, и то почуял неладное!

– Ничего удивительного. Только волновался Покровский не за себя. Он неплохо знал собственную жену и опасался, как бы она чего не натворила сгоряча.

– Вы серьезно думаете, что я могла убить Василия Петровича из-за какого-то портрета?! – возмущенно спросила Наталья.

– Я думаю, да, – сказал Иван Ильич. – Ведь у Василия были объективные причины выбрать именно образ грешницы?

Она вздрогнула и выпрямилась.

– Если и были, я о них даже не догадываюсь.

– Как скажете... Тем не менее, все было именно так: вы незаметно вышли с базы и отправились к художнику, чтобы обсудить... ситуацию с портретом. Дома его не застали, вспомнили о крещенской проруби и побежали к реке. Там между вами состоялся неприятный разговор, который для Василия окончился плачевно.

Примерно в это время Покровский заметил ваше отсутствие и отправился на поиски: медленно проехал вдоль пляжа, потом пересек деревню, свернул к реке и через хутор вернулся домой. Вы же обогнали его совсем ненамного. Охранники смотрели КВН и ничего не заметили.

– Твою ж мать, как в кино, – восхищенно пробормотал Мураш.

– Плохое кино, – возразила Наталья. – Ну и что же случилось дальше?

– Дальше все произошло по закону жанра. Покровский был неглупым человеком и сложить одно с другим мог без труда, хотя ваши мотивы для него оставались загадкой. Отношения за последний месяц натянулись, а во вчерашнем разговоре он высказал все претензии и подозрения. При разводе вы едва ли могли рассчитывать на хорошие алименты и тем самым получили мотив для нового убийства...

Сегодня вы целый день оставались на людях, даже навязали свою помощь в подготовке поминок. Все это с единственной целью: создать себе алиби. И план почти сработал, труп нашли, когда тут было уже с тридцать человек народу – попробуй уследи за каждым...

Погода нынче для пробежек неподходящая, но вас это не остановило. Утром вы незаметно вошли в кабинет, ударили мужа по затылку поленом для растопки, после чего включили обогреватель на максимум, чтобы повисить в комнате температуру и запутать судмедэксперта... Время смерти теперь едва ли удастся установить, а вот следы древесины в ране найдутся непременно. Хотя орудие убийства вы уничтожили в камине – кто ж топит при таком-то ветре?

– Любой городской человек, – пожал плечами Наталья. – Занимательная история, только неправдоподобная с самого начала.

– Действительно. Покровский так и не узнал, что толкнуло вас на первое убийство... думал, наверное, что женился на психопатке. А настоящая причина вполне житейская. Она была известна вам, Василию и еще одному человеку.

Наталья вздрогнула и подняла на него глаза.

– Он врать не будет, – тихо сказал Иван Ильич. – По статусу не положено. Это ведь не тайна исповеди.

С улицы донесся протяжный автомобильный гудок. У ворот стояла карета «скорой» и несколько милицейских уазиков.

– Слава богу, – вздохнул Шериф. – Хоть наручники привезли.

Эпилог

Иван Ильич стоял перед телефонным аппаратом и листал записную книжку. Ветер рвал странички из рук, а нужный номер он так и не переписал как полагается – неровен час снова унесет бумажку. И тогда уж с концами, в сумерках белое на белом не найдешь.

За спиной хлопнула дверь. Он обернулся и увидел отца Геннадия.

– Я думал, вы домой пошли.

– Зою Ивановну только проводил, а сам сюда, – объяснил поп, запирая церковь. – Заупокойную надо было отслужить. Хоть с опозданием, но...

Иван Ильич кивнул. В такие дела он точно вмешиваться не будет. Василий бы не возражал, это сто процентов.

Бумажка с нужным номером нашлась, он убрал записную книжку в карман и нетерпеливо поглядывал на телефон.

– Так я пойду, – спохватился священник. – И... спасибо вам за правду.

Он повернулся и зашагал вниз, утюжа снег громадными ножищами. Иван Ильич смотрел вслед соседу. Всей правды он еще не рассказал. Расскажет вечером, за горячим ужином и рюмкой холодной водки. Отцу Геннадию еще свидетелем обвинения выступать, пусть еще пару часов поживет спокойно.

Жетон со щелчком вошел в щель для монет, диск прожужжал нужное количество оборотов, и в трубке раздались длинные гудки.

– Горобец слушает, – ответил знакомый веселый голос.

Иван Ильич крепче сжал трубку. Он не придумал, как начать разговор, но начинать было нужно.

– Здравсьте... Это из села Двупалое беспокоят.

– Очень рад, – после секундной паузы сказал Горобец. – Чем могу?

– Да собственно поблагодарить хотим за статью про нашего художника...

– Первую или вторую?

– Вторую. Первая, прямо скажу, дрянь.

– Не меняешься ты, Иван Ильич, – рассмеялся журналист. – Но спорить не буду – дрянь тогда получилась И спасибо, что помог исправить мои ошибки.

– Всегда пожалуйста. Могу и новых историй подкинуть про деревенскую жизнь.

– Ты ж знаешь, в моей редакции все больше про смерть любят.

– И про это тоже. У нас ведь тут еще один труп, а убийца – тот же самый.

– Ну! – поразился Горобец. – Поймали?

– Поймали, арестовали...

Иван Ильич кратко пересказал события, произошедшие со времени отъезда журналиста.

– И она созналась?! – не верил своим ушам Горобец. – Что ж там за мотив такой?

– Помнишь, отец Геннадий рассказывал, как психанул, когда узнал о ее замужестве?

– Ну, ты же сам мне эту сцену в подробностях описал. Через несколько дней после убийства это было.

– Вот именно. А впервые они увиделись аж на Рождество. Наталья пришла в еще пустую церковь, и какое-то время они наедине были.

– А потом Василий пришел! – вспомнил журналист. – Кузьминична рассказывала, точно. Думаешь, видел что-то непотребное?

– Целовались, может быть... Иначе с чего бы отцу Геннадию так выверяться на нее потом? На следствии расскажет подробности.

– А художник сплетником не был, но портрет вышел специфичный... То есть, если бы Наталья не разбиралась в живописи, ничего бы и не случилось?

– Наверняка. А она на свою голову гуманитарий: портрет увидела – и пробрало до самых печенок. Убивать, конечно, не хотела, да ссора вышла громкая. Василий ведь тоже не булка с маслом был... Как заартачится – туши свет. Сцепились, она сильнее оказалась. Столкнула в воду, не давала выбраться... Дальше плохо помнит.

– Похоже на состояние аффекта.

– Вот и Шериф так же говорит. За Василия вряд ли много дадут, но за мужа получит по полной.

– Ты рад? – серьезно спросил Горобец.

– Какая тут радость? Жалко девчонку: умная, красивая – жить бы и жить... Просто свернула не туда.

А могла не свернуть? Иван Ильич попытался представить Наталью в роли местной попадьи: усталую, но веселую, в окружении стайки ребятишек собственного производства... Попытался, но не сумел. Может быть, у каждого есть свой предназначенный путь, и каждый поворот верен, ведет к определенной точке...

Да ну, ерунда!

– В общем, можешь еще одну статью про Двупалое написать, – с деланной веселостью сказал он. – Правда, ее вряд ли хорошо оплатят.

– Так ты в курсе...

Он был в курсе: после дачи показаний и перед тем как уйти, прямо спросил Петра. К счастью, тот не стал отпираться: в деревню Горобец приезжал по его просьбе и за его счет, чтобы собрать максимум информации о смерти Василия. И статьи обе заказные, для привлечения внимания к будущей выставке – это была идея жены.

– Я сам Бондарю позвонил через пару дней после нашего с тобой первого разговора, – сказал журналист. – Он заинтересовался и предложил такую... необычную командировку. Ничего ведь толком и не накопал. Но сам понимаешь: задание секретное – так что я и тебе не мог все рассказать... А третью статью в «Плоскодонке» вряд ли одобряют, и те со скрипом приняли. Но отклик правда был хороший. До чего культурный народ у нас, представляешь?

– А ты тогда книжку напиши, – предложил Иван Ильич. – Это же настоящий деревенский детектив получится! Уж в Приморье тираж точно расхватают, раз история в народ пошла.

– Может быть, может быть. Я ведь про вашу деревню много узнал, даже в краевой архив заглянул... Между прочим, ты в курсе, что изначально Двупалое называлось совсем по-другому?

Иван Ильич вздохнул. Школьникам в третьем классе рассказывали, что на старых картах их деревня обозначена как Дрищевка. Он помнил смущенные лица однокашников: Ваську, перемазанного чернилами, Кешку с подбитым глазом, грызущую кончик косы Лизку... Известно, кто из их предков не пожелал когда-то быть дрищевцем, но в начале тридцатых село получило новое название, по имени скалы в бухте.

– Ты об этом лучше не упоминай... Я тебя в гости хотел позвать, а у нас и за меньшее морду бьют.

В трубке раздался тихий смех, переросший в хохот.

– Слушай, ну как ты живешь в этой деревне? Дурдом же натуральный!

– Дурдом, – согласился Иван Ильич.

Он прислонился плечом к кирпичной стене, взглянул на знакомые избы, полуразрушенные и совсем еще крепкие, на новую базу отдыха, еще не потревоженную городскими отдыхающими, на море, которое никогда не замерзает, на вечные Два Пальца...

– Дурдом. А ты все равно приезжай, обязательно приезжай. У нас летом хорошо!